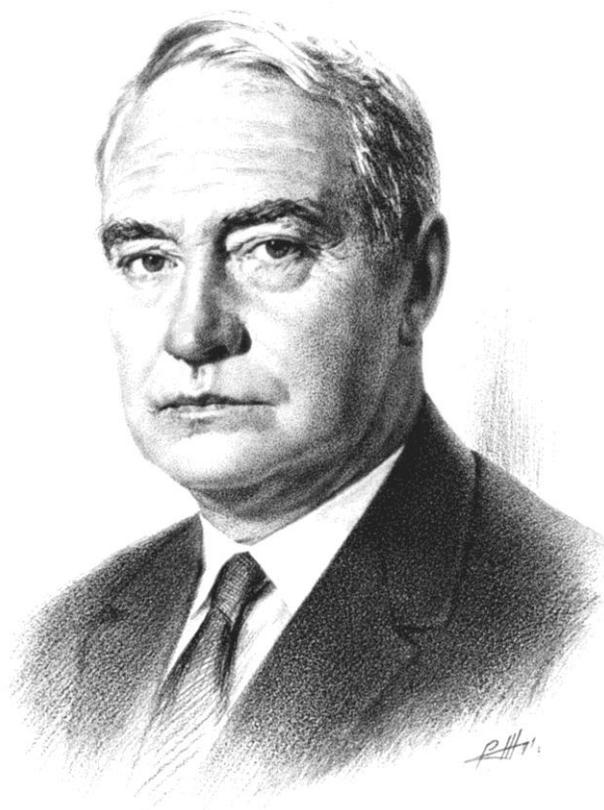

Тверская история и наука России

Каргинские краеведческие чтения

Выпуск 7

ТВЕРЬ 2014

УДК 94(407.331)(082)
ББК ТЗ (Рос – 4Тв) л43
Т26

Составители: П. М. Пахомов, Б. А. Ершов

Т 26 Тверская история и наука России: Каргинские краеведческие чтения. – Тверь: Твер. гос. ун-т, 2014. – Вып. 7 – 144 с.: ил.

ISBN 978-5-7609-0582-6

Сборник состоит из докладов, представленных на секции краеведения XX Региональных Каргинских чтений, прошедших 28–30 марта 2014 г. в Тверском государственном университете. По сложившейся традиции в начале сборника представлены материалы о юбилейных датах известных ученых-полимерщиков – А.П. Александрове (Президент АН СССР с 1975 по 1986 гг.), нашем земляке – одном из основателей химии полиорганосилоксанов К.А. Андрианове, крупном организаторе полимерной науки академике Н.С. Ениколопове, учениках В.А. Каргина академиков В.А. Кабанове и Н.А. Платэ. В.А. Кабанову посвящена и статья Н.Я. Рапопорт – первой студентке на кафедре высокомолекулярных соединений МГУ, организованной В.А. Каргиным. В 2013 году в России отмечали 190 лет со дня рождения уникального народного художника, нашего земляка, Г.В. Сороки. О нелегком жизненном и творческом пути Г.В. Сороки Вы прочитаете в статье известного удомельского краеведа Д.Л. Подушкова. В 2013 году исполнилось 165 лет со дня рождения выдающегося русского поэта-самоучки С.Д. Дрожжина. Этому событию посвятил свою статью член Союза писателей России А.М. Бойников. Большой вклад в развитие школьного математического образования в нашей стране внес профессор Тверского педагогического института И.К. Андронов (родился в 1894 году). О его жизненном пути увлекательно рассказывает на страницах своей статьи В.В. Иванов. 100 лет исполнилось со дня рождения И.И. Дьяконовой, внесшей существенный вклад в становление и развитие химического направления в Тверском педагогическом институте (ныне ТвГУ). Биографические сведения о к.х.н. И.И. Дьяконовой и ее известной в Твери семье Вы можете найти в статье профессора Ю.Г. Папулова.

В разделах, касающейся истории Тверской земли, представлены доклады тверских краеведов Б.К. Виноградова, Н.Р. Козловой, Г.С. Гадаловой, Ф.Б. Финкельштейна и Б.А. Ершова. По традиции В.А. Галочкин и В.Б. Финкельштейн представили итоговый материал об автобусной экскурсии по Пушкинскому кольцу Верневолжья.

21 ноября 2013 года скончался известный тверской краевед и ученый В.Б. Финкельштейн. Он стоял у истоков краеведческого движения в рамках Каргинских чтений.

Настоящий сборник издан при финансовой поддержке РФФИ (проект № 13-03-06201г).

УДК 94(407.331)(082)
ББК ТЗ (Рос – 4Тв) л43 Т26

ISBN 978-5-7609-0582-6

©Авторский коллектив, 2014
©Тверской государственный
университет, 2014

К читателям

Стремительно летит время. Иногда, кажется, что оно тянется неспешно, наподобие медленной химической реакции. А временами распространяется с непонятно откуда взявшейся громадной скоростью после как взрыва. Эту метафору можно применить к настоящему сборнику в Ваших руках: давно ли вышел первый – в 2008 году, а сегодня уже седьмой – в 2014 -м! Давно ли проходили первые Каргинские чтения – в 1994 году, а сегодня уже 21-е! И сколько же разных событий произошло за этот период – ни в каком сборник их полностью не разместить!

Тем не менее очередной сборник докладов и сообщений, сделанных в марте 2013 года на 20-х Каргинских чтениях, сборник, который Вы держите в руках, в посильной для Оргкомитета мере отражает и жизнь научного «полимерного» химического сообщества России и Тверского края, и фрагменты тверской жизни вместе с судьбами её представителей. Как и в предшествующих сборниках, здесь рассказывается об отдельных событиях тверской истории как части судьбы и истории России, о её людях, внёсших весомый вклад в науку, общественно-политическую жизнь, культуру и духовность, что заставляет с гордостью повторить известный возглас полководца Александра Суворова: «Мы – русские! Какой восторг!»

Прочтите эти тексты с доброй критикой и благожелательным пониманием. Их авторы -- знающие своё дело краеведы и специалисты в соответствующих отраслях знаний. Они – сторонники объективного анализа Прошлого, в котором происходило много полезного и хорошего, но немало чёрного и трагического. Однако патриотический стержень их исследований и рассказов убедит Вас, уважаемый читатель, в полезности прочитанного с целью формирования доброго отношения к судьбе России, её сынов и дочерей и, в частности, тверичей.

К сожалению, ряды краеведов покидают её замечательные воители за краеведческую правду, непременные участники работы секции краеведения Каргинских чтений. Ушли из жизни Владимир Иванович Сысоев (1947–2010), Юрий Алексеевич Шарков (1941–2010), Борис Николаевич Ротермель (1926–2012). Совсем недавно скончался наш коллега – краевед и активный участник в работе краеведческой секции Владимир Борисович Финкельштейн (1934–2013), о котором в данном сборнике прочтёте тёплые слова его друзей.

Понесла утрату и химическая наука: нет среди коллег Тамары Алексеевны Ананьевой (1947–2011), Евгения Аркадьевича Егорова (1934–2010), Игоря Михайловича Каргина (1924–2010) и других учёных, скончавшихся ранее.

Но жизнь продолжается и время всё-таки не властно над ней. Дело учёных химиков и краеведов продолжают их коллеги, что, будем в этом уверены, отразится в новых интересных докладах и сообщениях на 22-х Каргинских чтениях в 2015 году и далее.

Оргкомитет Каргинских чтений
Март 2014 г.

АНАТОЛИЙ ПЕТРОВИЧ АЛЕКСАНДРОВ (к 110-летию со дня рождения)

Валерий Владимирович Жиженьков
физик

Академик Анатолий Петрович Александров – один из замечательных отечественных ученых XX в., которые создавали научно-технический, экономический и оборонный потенциал Советского Союза.

Деятельность А.П. Александрова охватывала ряд разделов физики, в том числе физику твердого тела, физику полимеров, ядерную физику и различные области техники.

Анатолий Петрович родился 13 февраля 1903 г. на Украине, в г. Тараща под Киевом, в семье мирового судьи. В 1906 г. семья переехала в Киев, где в 1919 г. Анатолий Петрович окончил реальное училище. В 1919–1920 гг. он принял участие в гражданской войне. Трудовую жизнь он начал рано – работал ассистентом в Киевском горном институте, электромонтером и электротехником в Киевском физико-химическом обществе при Политпросвете. Затем преподавал в средней школе в селе Белки Киевской обл. В течение ряда лет совмещал учебу на физико-математическом факультете Киевского государственного университета (1924–1930 гг.) с преподаванием физики и химии в 79-й трудовой школе г. Киева.

Путь А.П. Александрова в науку начался в Киевском университете. Работы, выполненные им в годы учебы, привлекли внимание академика А.Ф. Иоффе, который пригласил молодого исследователя в Ленинградский физико-технический институт Академии наук СССР (ЛФТИ). Именно в ЛФТИ, в школе академика А.Ф. Иоффе, Анатолий Петрович сформировался как ученый.

Свою научную деятельность в ЛФТИ Анатолий Петрович начал в 1930 г. с исследований электрической прочности диэлектриков. Его прецизионные эксперименты продемонстрировали независимость электрической прочности изоляционных пленок от их толщины и заставили отказаться от развивавшейся в то время лавинной теории ударной ионизации. В 1937 г. он защитил кандидатскую диссертацию «Пробой твердых диэлектриков».

Опыты А.П. Александрова свидетельствовали о том, что при электрическом пробое изоляторов важную роль играют так называемые слабые места. Идея особой роли слабых мест оказалась весьма плодотворной и в дальнейшем была использована в интерпретации экспериментальных данных

по хрупкому разрушению твердых тел. Эти исследования легли в основу выдвинутой А.П. Александровым, С.Н. Журковым и др. статистической теории хрупкой прочности. Полученные тогда результаты сохранили значение и для современной физической теории долговечности материалов.

В середине 1930-х гг. А.П. Александров обращается к новой для того времени области науки – физике полимеров. А.П. Александров с сотрудниками и группой учёных, руководимой П.П. Кобеко, занимается исследованием физических свойств высокомолекулярных веществ.

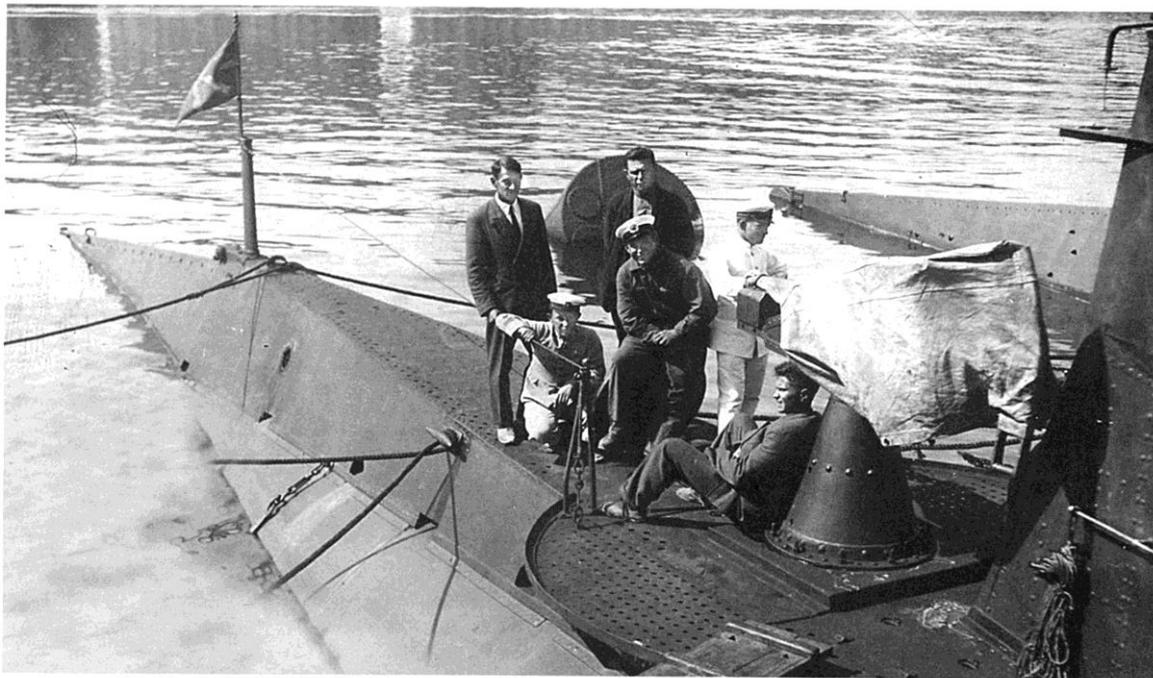
Наиболее важные работы А.П. Александрова в этой области относятся к изучению механических и электрических релаксационных явлений в полимерах. Начало исследований пришлось на период, когда складывались основные представления о теории высокой эластичности. Высокая эластичность – это способность полимерных материалов к гигантскому деформированию на сотни и тысячи процентов. Следует отметить, что эти деформации обратимы и деформационная способность полимеров очень резко зависит от температуры.

А.П. Александров и П.П. Кобеко с сотрудниками показали, что реальные свойства полимеров в огромной степени зависят от кинетики развития высокоэластичной деформации и что стеклование полимеров (потеря высокой эластичности) обусловлено возрастанием времени релаксации с понижением температуры.

Работы этого цикла, выполненные в 1933–1941 гг., составили основное содержание докторской диссертации А.П. Александрова «Релаксация в полимерах», которую он защитил в первые дни войны (27 июня 1941 г.) в Ленинграде. Они послужили основой для ряда разделов современной науки о полимерах, вошли в монографии и учебники и на долгие годы вперед определили пути развития многих разделов физики полимеров в Советском Союзе. Результаты этих работ имели важное практическое значение. В частности, были созданы морозостойкие резины на основе отечественного синтетического каучука. Нашел техническое применение полистирол – полимерный диэлектрик, впервые детально исследованный А.П. Александровым. За фундаментальные исследования по физике полимеров в 1983 г. А.П. Александрову была присуждена премия Академии наук СССР имени А.Ф.Иоффе.

В годы Великой Отечественной войны А.П. Александров возглавил работы по защите кораблей от магнитных мин. Научные основы метода защиты были заложены в предвоенные годы (1936–1941 гг.) под его непосредственным руководством. Первые испытания состоялись на линкоре «Марат» в октябре 1938 г., акт приёмки работ был подписан 18 июня 1941 г.

Сотрудничество Анатолия Петровича с военными моряками началось еще раньше: в 1932 г. он вместе со своими сотрудниками создал электродуговой прорезатель противолодочных сетевых заграждений «Сом».

А.П. Александров (крайний слева) на подводной лодке АГ-3. Испытания системы "Сом" для резки противолодочных сетей. Севастополь. 1932 г.

С первых дней войны А.П. Александров вместе с моряками работал над противоминной защитой кораблей непосредственно на базах ВМФ. В этой работе принимали участие многие сотрудники Физико-технического института, в том числе И.В. Курчатов, В.М. Тучкевич, В.Р. Регель и др. Осуществление противоминной защиты по методу ЛФТИ способствовало успешным действиям советского Военно-морского флота в годы войны, спасению многих тысяч жизней наших моряков. За разработку метода и технологии размагничивания кораблей А.П. Александрову и его ближайшим сотрудникам в 1942 г. была присуждена Сталинская премия I степени.

В конце 1942 г. в Советском Союзе начинаются работы по «Урановой проблеме» – созданию атомного оружия. В конце войны, будучи уже известным ученым, членом-корреспондентом Академии наук СССР (с 1943 г.), А.П. Александров по приглашению научного руководителя проекта И.В. Курчатова активно включается в эту работу и вскоре становится одним из ведущих участников, возглавляя большие коллективы ученых и инженеров.

В августе 1946 г. А.П. Александров был назначен директором Института физических проблем АН СССР. В Москву из ЛФТИ была переведена в полном составе с оборудованием и материалами его лаборатория. Под руководством А.П. Александрова был выполнен комплекс сложнейших работ, имевших большое значение для решения атомной проблемы, включая исследования по термодиффузионному разделению изотопов, получение дейтерия и трития.

С 1948 г. Анатолий Петрович принимает активное участие в разработке промышленных реакторов. К работам на этих новых для института направлениях исследований он привлекает большое число талантливых молодых ученых, многие из которых впоследствии заняли лидирующие позиции в ряде областей атомной науки и техники. Причем научные

направления, ранее развивавшиеся в ИФП под руководством его первого директора академика П.Л. Капицы, были полностью сохранены.

25 сентября 1948 г. А.П. Александров был назначен заместителем директора Лаборатории измерительных приборов (ЛИП) АН СССР (до 4 сентября 1949 г. – Лаборатория № 2) И.В. Курчатова по научной части, по совместительству оставаясь директором ИФП.

В 1953 г. А.П. Александров избирается действительным членом Академии наук СССР, а в 1954 г. за большой вклад в создание отечественного ядерного оружия ему присваивается звание Героя Социалистического Труда.

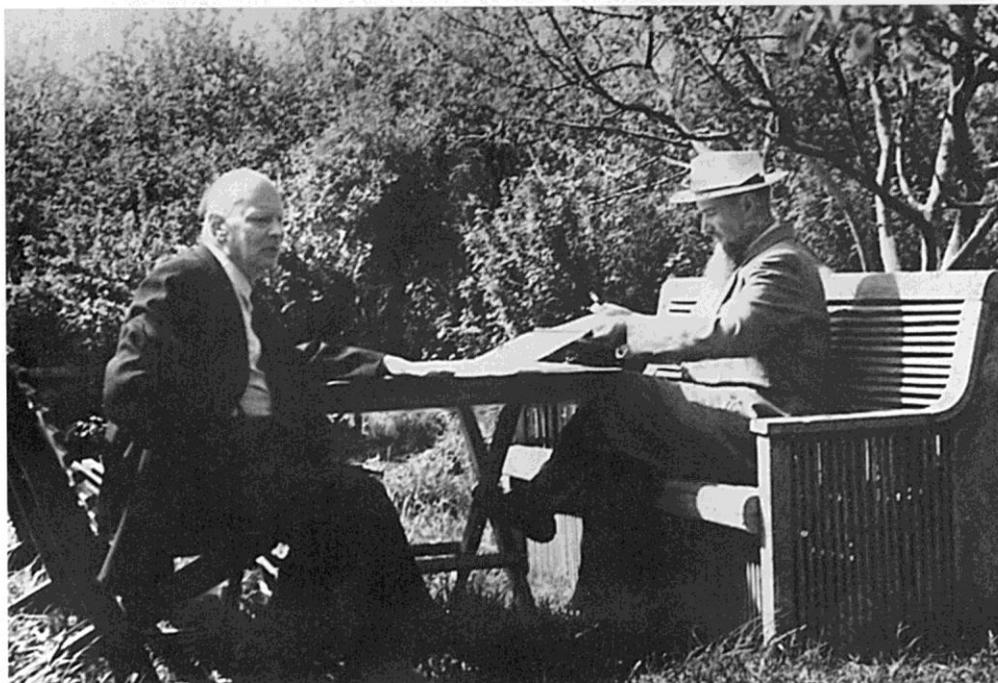
С марта 1955 г. Анатолий Петрович полностью сосредоточился на работе в ЛИПАН (с 10 ноября 1956 г. – Институт атомной энергии), он весь свой талант и огромный опыт он вкладывает в создание ядерных реакторов для самых разных сфер применения. Вместе с И.В. Курчатовым он создает научные основы развития всех основных направлений отечественного реакторостроения.

По инициативе Анатолия Петровича в нашей стране началось применение ядерной энергии на морском флоте как в военных, так и в мирных целях. Еще в 1948 г. он впервые предложил начать работы по проектированию атомной подводной лодки (АПЛ) для существенного повышения боевой эффективности флота. Первая отечественная АПЛ, получившая наименование «Ленинский комсомол», в августе 1957 г. была спущена на воду, а 17 января 1959 г. она была передана в состав Военно-морского флота. За ней последовали более совершенные разработки. Деятельность академика А.П. Александрова по созданию корабельной атомной энергетики для Военно-морского флота СССР и России, продолжавшаяся в течение 40 лет, обеспечила строительство могучего отечественного ракетно-ядерного флота, способного защищать интересы государства в любых районах Мирового океана.

Успешно решая задачи укрепления обороноспособности страны, А.П. Александров так же, как и И.В. Курчатов, уделял большое внимание вопросам эффективного использования атомной энергии в мирных целях в самых различных областях – энергетике, промышленности и на транспорте, научных исследованиях, медицине и сельском хозяйстве.

Совместно с И.В. Курчатовым А.П. Александров подготовил Постановление Правительства от 28 ноября 1953 г. о проектировании и строительстве атомного ледокола и был назначен научным руководителем проекта. В декабре 1959 г. первый в мире атомный ледокол «Ленин» был принят Министерством морского флота СССР в опытную эксплуатацию. За эту работу Анатолий Петрович в 1960 г. получил вторую звезду Героя Социалистического Труда. Всего при его жизни построили восемь атомных ледоколов и атомный лихтеровоз. Создание уникального флота, способного решать важнейшие народнохозяйственные задачи страны в экстремальных условиях полярных морей, является огромной заслугой ученого. Возглавив после смерти И.В. Курчатова в 1960 г. Институт атомной энергии (в настоящее время — Российский научный центр «Курчатовский институт»), А.П. Александров на протяжении почти трех десятилетий оставался научным руководителем важнейших направлений работ

по созданию ядерных реакторов различного назначения – даже для работы в космосе.

А.П. Александров и И.В. Курчатов. 1958 г.

В 1973 г. за большие научные достижения и заслуги перед государством и в связи с семидесятилетием со дня рождения А.П. Александров был награжден третьей звездой Героя Социалистического Труда. 1970-е и первая половина 1980-х гг. прошлого века были временем наиболее интенсивного развития атомной энергетики в Советском Союзе. На этот же период приходится пик научно-организационной деятельности А.П. Александрова. В ноябре 1975 г.

А.П. Александров был избран Президентом Академии наук СССР.

Необычайно много было сделано А.П. Александровым для координации усилий АН СССР и республиканских академий наук по организации фундаментальных исследований, для развития современной материально-технической базы науки, научного приборостроения и автоматизации эксперимента, для более эффективного использования

А.П. Александров и Ю.А. Гагарин. Лето 1965 г.

потенциала академической науки в решении социально-экономических проблем страны.

Трудно назвать уголок Советского Союза, где ни побывал бы Анатолий Петрович. Практически любой его визит заканчивался конкретными решениями, новыми программами исследований, серьезным обсуждением перспектив развития того или иного института, КБ, завода, вуза. В то же время он редко выезжал за рубеж, известны лишь его поездки в Швейцарию (Женева), ГДР (Берлин), Швецию (Стокгольм), Венгрию (Будапешт), США (во главе большой делегации советских ученых и специалистов-ядерщиков, посетившей ряд американских научных центров и АЭС).

В 1980-е гг. отечественная атомная энергетика находилась на крутом подъеме. Сильнейшим ударом, отбросившим ее на десятилетия назад, стала авария на Чернобыльской АЭС в апреле 1986 г.

Чернобыльскую катастрофу Анатолий Петрович воспринял как свою личную трагедию, но она его не сломила. Он мобилизовал коллектив курчатовцев на ликвидацию последствий аварии и, несмотря на преклонный возраст, сам принял участие в этой работе. Неоднократно он сам выезжал в Чернобыль. После аварии был выполнен гигантский объем работ по ликвидации ее последствий:

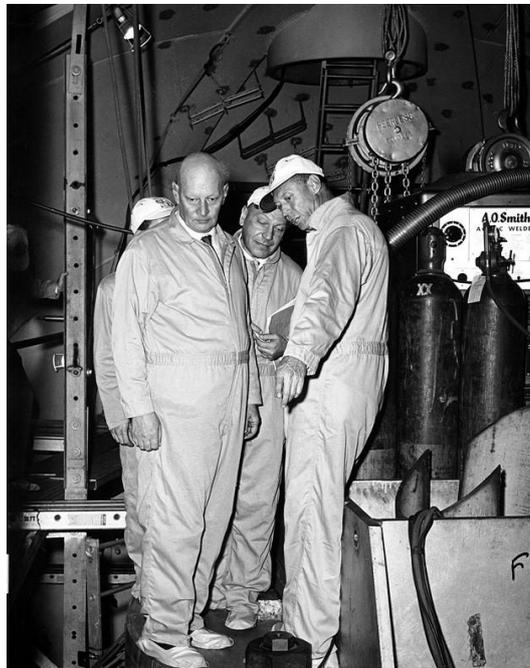
реализованы мероприятия по повышению безопасности действующих, строящихся и проектируемых АЭС, разработаны основы безопасных реакторов будущего, защищенных самой физикой реактора от человеческих ошибок.

Благодаря принятым после аварии техническим мерам удалось значительно повысить ключевые показатели безопасности реакторов. Однако и годы, и тревоги, и сгушавшаяся послечернобыльская атмосфера делали свое дело: в 1986 году Анатолий Петрович оставил пост Президента АН СССР, а 30 ноября 1988 г. подал заявление министру среднего машиностроения СССР Л.Д. Рябеvu с просьбой освободить его от должности директора ИАЭ им. И.В. Курчатова.

До последних дней жизни он не расставался с любимым делом. Анатолий Петрович умер 3 февраля 1994 г.

Это был жизнерадостный и скромный человек, неизменно требовательный к себе и коллегам, истинный патриот Родины. Он был свидетелем всех главных событий XX в. и принимал самое непосредственное участие в формировании истории этого бурного столетия.

Его неутомимая деятельность ученого и организатора науки получила заслуженную оценку государства и научного сообщества. Он был лауреатом Ленинской и четырех Государственных премий СССР, трижды удостоен звания Героя Социалистического Труда. Анатолий Петрович был награжден девятью орденами Ленина, орденом Октябрьской Революции, орденом Трудового

А.П. Александров на атомном объекте США. 1959 г.

Красного Знамени, орденом Отечественной войны 1-й степени и многими медалями, среди них – «За оборону Севастополя», «За оборону Сталинграда», «За оборону Ленинграда», «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.».

А.П. Александрову была присуждена высшая награда Академии наук СССР – Большая Золотая медаль им. М.В. Ломоносова. Среди других академических наград – Золотая медаль им. И.В. Курчатова и Золотая медаль им. С.И. Вавилова. А.П. Александров был избран членом Шведской академии инженерных наук, членом академий наук Болгарии, Венгрии, Индии, Монголии, Польши, Чехословакии, награжден орденами и медалями зарубежных стран.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Александров А.П. Собрание научных трудов: в 5 т. М., 2006. Т.1: Физика твердого тела. Физика полимеров / сост. П.А. Александров. М., 2006.
2. Ткаченко В.А. История размагничивания кораблей советского военно-морского флота. Л., 1975.
3. К 90-летию академика Анатолия Петровича Александрова: сб. статей. СПб.: ФТИ, 1993.
4. Академик Анатолий Петрович Александров. Прямая речь / сост. П.А. Александров. М., 2001.
5. А.П. Александров. Документы и воспоминания: К 100-летию со дня рождения / Российский научный центр «Курчатовский институт»; ред. Н.С. Хлопкин, пред. П.А. Александров. М., 2003.
6. На вершинах науки и власти: К 100-летию Анатолия Петровича Александрова // Природа. 2003. № 2.
7. Визгин В.П. А.П. Александров и Академия наук // История науки и техники. 2004. № 8. С.42–50.
8. НА ВЕРШИНАХ НАУКИ И ВЛАСТИ / К 100-летию Анатолия Петровича Александрова // Журнал «Природа». 2003 февраль.
9. Регель В. Р. Размагничивание кораблей в годы Великой Отечественной войны // Природа. 1975. № 4.
10. Храмов Ю. А. Физики: Биографический справочник / под ред. А. И. Ахиезера. — Изд. 2-е, испр. и доп. М.: Наука, Главная редакция физико-математической литературы, 1983. С. 8 – 9.

КУЗЬМА АНДРИАНОВИЧ АНДРИАНОВ (110 ЛЕТ)
(15.12.1904 – 13.03.1978)

Оргкомитет Каргинских чтений

Родился 15 (28) декабря 1904 г. в дер. Кондраково Тверской губ. (ныне Погорельского р-на Калининской обл.). Умер 13 марта 1978 г. в Москве.

Окончил Ржевский педагогический техникум (1926). В 1930 г. окончил химический факультет по специальности органическая химия. Лаборант, инженер, младший научный сотрудник, старший научный сотрудник, зав. лабораторией, научный руководитель отдела электрической изоляции Всесоюзного электротехнического института им. В.И.Ленина (1929–1954). Доктор химических наук (1945). Утвержден в звании профессора (1946). Преподаватель Московского кожевенного института (1930–1933), Московского химико-технологического института (1933–1941). Преподаватель, профессор (с 1946) Московского энергетического института (1941–1959). Научный руководитель лаборатории Всесоюзного института авиационных материалов (1946–1953). Зав. лабораторией кремнийорганических соединений Института элементоорганических соединений АН СССР (1954–1978). Зав. кафедрой синтеза элементоорганических и неорганических полимеров Московского института тонкой химической технологии им. М.В.Ломоносова (1959–1978). Химик, специалист в области синтеза и технологии высокомолекулярных соединений. Член-корреспондент по Отделению химических наук, специализация «химическая технология» с 1953 г., академик по Отделению общей и технической химии (специализация «химия высокомолекулярных соединений») с 1964 г.

Область научных интересов: химия высокомолекулярных, преимущественно кремнийорганических, соединений; синтез кремнийорганических мономеров (в том числе нагревостойких электроизоляционных кремнийорганических смол и лаков, а также композиционных материалов на их основе, нашедших широкое применение для изоляции электрических машин, аппаратов, производства смазочных веществ, пластических масс, лакокрасочных покрытий и др.), полиорганометаллосилоксанов с алюминием, магнием, бором и титаном в главной цепи; теория модифицирования полимеров посредством введения микродоз легирующих компонентов и др.

Впервые осуществил гидролитическую поликонденсацию полученных им алкил- и арилзамещенных ортоэфиров кремниевой

кислоты и синтезировал полимер с главной неорганической цепью Si-O-Si, названный им полиорганосилоксаном (1937). Установил возможность синтеза кремнийорганических мономеров по реакции Гриньяра в безэфирной среде (1938–1940). Создал промышленный метод синтеза тетрахлорида кремния на основе ферросилиция и хлора (1940), а также разработал методы получения органохлорсиланов в псевдооживленном слое (1951). Предложил технический способ получения алкил- и арилхлорсиланов взаимодействием галогенопроизводных углеводов с ферросилицием и медной стружкой (1948).

Разработал способы получения пропиточных и покровных лаков, термостойких пресс-композиций и других материалов на базе линейных и разветвленных полиорганосилоксанов (1952–1955). Синтезировал полиорганометаллосилоксаны с алюминием (1947), магнием, бором и титаном (1955) в главной цепи.

Выдвинул теорию модифицирования полимеров посредством введения микродоз легирующих компонентов (1963). Получил кремнийорганические полимеры с циклосетчатой (1958–1962) и циклолестничной (1971) структурами молекул упорядоченного строения из полифункциональных олигомерных блоков.

Почетный член Будапештского политехнического университета (1965). Герой Социалистического Труда (1969).

Награжден орденами Ленина (1947, 1964, 1969, 1974), Красной Звезды (1942), Трудового Красного Знамени (1952), медалями «За оборону Москвы» (1945), «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.» (1945), «В память 800-летия Москвы» (1948), «Китайско-советская дружба» (1960), «За доблестный труд. В ознаменование 100-летия со дня рождения Владимира Ильича Ленина» (1970).

Лауреат Ленинской премии (1963), Государственных премий СССР (1943, 1946, 1950, 1953).

Основные научные труды:

1. Кремнийорганические соединения (1955).
2. Практические работы по искусственным смолам и пластмассам (2-е изд. 1946, в соавт.).
3. Высокомолекулярные кремнийорганические соединения (1949, в соавт.).
4. Органические диэлектрики и их применение в промышленности средств связи (1949, в соавт.).
5. Теплостойкие кремнийорганические диэлектрики (1957).

К.А. Андрианов похоронен на

Новодевичьем кладбище г. Москвы.

НИКОЛАЙ СЕРГЕЕВИЧ ЕНИКОЛОПОВ (90 ЛЕТ)
(13.03.1924 – 22.01.1993)

Оргкомитет Каргинских чтений

Николай Ениколопов (Ениколопян) родился 13 марта 1924 г. в столице Нагорного Карабаха – Степанакерте. В 1940 г. после окончания армянской средней школы на родине поступил на химико-технологический факультет Ереванского политехнического института. Первые научные шаги сделал под руководством основателя армянской физико-химической школы — учёного Л. А. Ротиняна. По его рекомендации Ениколопов в 1946 г. был направлен в Москву.

С 1946 по 1949 гг. Н.С. Ениколопов — аспирант в знаменитом Институте химической физики АН СССР, где под руководством будущего Нобелевского лауреата академика Н. Н. Семенова и профессора А. Б. Налбандяна выполняет научное исследование и в 1949 г. в возрасте 25 лет защищает кандидатскую диссертацию на тему «Механизм низкотемпературного окисления оксида углерода».

В Институте химфизики он прошел все ступени научной карьеры — от младшего научного сотрудника до заведующего лабораторией. Одновременно он читал лекции по химической кинетике в Московском физико-техническом институте, сначала как доцент, затем профессор с 1961 по 1993 гг.

После защиты в 1960 г. докторской диссертации «Кинетические особенности сложных цепных реакций окисления углеводородов» Н.С. Ениколопов вскоре избирается членом-корреспондентом АН СССР (1966), а затем — академиком (1976).

Научная и научно-организационная деятельность Н.С. Ениколопова на протяжении 40 лет была связана с Институтом химфизики АН СССР, в котором он работал вместе со своим учителем и неизменным другом академиком Н. Н. Семеновым.

В 1985 г. Н.С. Ениколопов основал Институт синтетических полимерных материалов АН СССР, директором которого он состоял до своей скоропостижной смерти 22 января 1993 г. в Гейдельберге (Германия).

Научная деятельность

Основные работы посвящены изучению кинетики и механизма химических реакций. Исследовал цепные реакции окисления углеводородов. Изучал (с 1958 г.) реакции образования и превращения

полимеров. Открыл (1962) новый элементарный акт полимеризации — передачу цепи с разрывом. На основе этого эффекта разработал новые способы синтеза полимеров и технологию получения важных конструкционных термопластов. Кинетические, термодинамические и структурные исследования обратимой гетерогенной полимеризации привели его к созданию в 1970 г. метода регулирования молекулярных и надмолекулярных структур полимеров непосредственно в ходе их синтеза.

Показал (1968) возможность полимеризации при высоких давлениях в сочетании с деформациями сдвига. На основе изучения кинетики образования трехмерных структур и строгого выбора условий отверждения разрабатывал с 1972 г. пути создания высокопрочных композиционных материалов.

Обнаружил (1981) явление стимулированной давлением инъекции электронов из токопроводящих частиц в полимерные диэлектрики, что позволило предложить новый подход к созданию электропроводящих полимерных материалов.

Развил теорию, позволяющую оптимизировать процесс получения крупногабаритных и толстостенных изделий из композитов.

Предложил (1975) методы наполнения термопластов минеральными наполнителями непосредственно в ходе полимеризации.

Сочинения

Академик Н.С. Ениколопов является автором свыше 1000 научных трудов, в том числе 9 монографий, трех открытий. Многие его труды переведены и изданы на иностранных языках. Основные труды посвящены новой области химической науки — химии полимеров. Созданная им научная школа в области полимеров пользуется широкой известностью как у нас, так и за рубежом.

Под руководством Н.С. Ениколопова выполнены более 50 докторских и 200 кандидатских диссертаций. Он был председателем Научного совета по синтетическим полимерным материалам при Президиуме РАН.

Общественная деятельность

Н.С. Ениколопов пользовался международным авторитетом как ученый и личность. Начиная с 1957 г. он участник многих международных научных конференций, конгрессов, симпозиумов по макромолекулярной химии.

В зарубежных университетах он читал лекции по цепным реакциям в химии, по кинетике и полимерам, композиционным материалам. С научными, научно-организационными и культурными целями он неоднократно выезжал в Чехословакию, Японию, Болгарию, Францию, Германию, США, Швейцарию, Швецию, Польшу, Мексику, Италию, Бразилию.

Н.С. Ениколопов был активным участником Пагуошского движения ученых за мир и разоружение. Он участвовал в работе Международной конференции во Франции, посвященной годовщине землетрясения в Армении (1989), а также первого Всемирного конгресса инженеров и ученых армянского происхождения в США (1989).

Предотвращение экологических катастроф

Как председатель комиссии по решению судьбы залива Кара-Богаз-Гол Н.С. Ениколопов сделал много для предотвращения экологической катастрофы в регионе Каспия и спасения уникального природного объекта. Его активное участие в решении планетарных экологических проблем было отмечено Международными премиями.

Связи с Арменией

Живя постоянно в Москве, Николай Сергеевич не порывал творческих и дружеских связей со своей исторической Родиной — Арменией и Нагорным Карабахом. Он много сделал для развития химической науки и промышленности Армении. Подготовленные им ученые возглавили научные центры, кафедры и лаборатории в вузах Армении. Он регулярно выезжал в Армению для чтения лекций в АН Армении, в институтах Еревана.

Н.С. Ениколопов предостерегал правительство Армении от поспешного закрытия предприятий и заводов — основы национальной промышленности. Он всячески оберегал, защищал и укреплял традиционные дружеские и взаимопользные научные связи Армении и России, духовные и культурные связи между армянским и русским народами.

Могила Н.С. Ениколопова на Новодевичьем кладбище г. Москвы

Достижения

- профессор Московского физико-технического института (1961).
- действительный член АН СССР (1976. Член-корреспондент с 01.07.1966).
- Лауреат Ленинской премии (1980).
- Золотая медаль Советского фонда Мира.
- Орден «Знак Почёта» (1974).
- Орден Ленина (1981).
- Орден Дружбы Народов (1990).

ВИКТОР АЛЕКСАНДРОВИЧ КАБАНОВ (80 ЛЕТ)
(15.01.1934 – 31.03.2006)

Оргкомитет Каргинских чтений

Виктор Александрович Кабанов родился в семье профессора А. Н. Кабанова 15 января 1934 г. в Москве. Окончив химический факультет Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова в 1956 г., он был принят на кафедру высокомолекулярных соединений, где прошел путь от младшего научного сотрудника до заведующего кафедрой

(1970), став достойным приемником своего учителя и основателя кафедры академика В.А. Каргина. С 1962 по 1989 г. он руководил также группой исследователей в Институте нефтехимического синтеза АН СССР.

В 1960 г. защитил кандидатскую, а в 1966 г. – докторскую диссертации. С 1968 г. – член-корреспондент Академии наук СССР. В 1972–1977 гг. – главный редактор журнала «Энциклопедии полимеров». В.А. Кабанов стал первым российским ученым, избранным в 1977–1981 гг. президентом Макромолекулярного отделения Международного союза по теоретической и прикладной химии (ИЮПАК). В 1975–1991 гг. В.А. Кабанов – зам. академика-секретаря Отделения общей и технической химии АН СССР. В 1987 г. он был избран действительным членом АН СССР, а с 1988 г. – член Президиума АН СССР (с 1991 г. – РАН). В 1988–2002 гг. – председатель Научного совета АН СССР (РАН) по высокомолекулярным соединениям; в 1991–2002 гг. – академик-секретарь Отделения общей и технической химии РАН, с 2002 г. – академик-секретарь Отделения химии и наук о материалах РАН. Был заведующим кафедрой высокомолекулярных соединений МГУ, главным редактором журнала «Доклады РАН», членом редколлегии журнала «Высокомолекулярные соединения».

В 1977–1981 гг. В.А. Кабанов – первый российский ученый, избранный президентом макромолекулярного отделения Международного союза по теоретической и прикладной химии (ИЮПАК), иностранный член Бельгийской Королевской академии (1989), член Европейской академии (1991), иностранный член Национальной академии наук Украины (НАН Украины) (2000).

Виктор Кабанов – один из мировых лидеров науки о полимерах, создатель крупной научной школы. Ключевые направления его

исследований: кинетика и механизм полимеризации, интерполимерные комплексы и интерполиэлектролитные реакции, моделирование биополимеров и создание биологически активных полимерных агентов (в том числе искусственных иммуногенов), полимерные металлокомплексы и гель – иммобилизованные металлокомплексные катализаторы.

В числе фундаментальных научных достижений В.А. Кабанова — открытие и объяснение явления аномально быстрой низкотемпературной полимеризации твердых мономеров при фазовых переходах «стекло-кристалл» (Ленинская премия, 1980). Открытая им спонтанная полимеризация 4-винилпиридина на полианионах явилась первым специфическим матричным синтезом неприродного полимера, моделирующим образование биомакромолекул.

В.А. Кабанов обосновал и разработал концепцию комплексно-радикальной полимеризации виниловых и аллиловых мономеров как особой разновидности полимеризационных процессов, в которых комплексообразователи выступают в роли катализаторов или замедлителей элементарных актов роста, обрыва и передачи цепи, установил принципиальные особенности радикальной полимеризации ионных мономеров (премия АН СССР им. С. В. Лебедева, 1984). Обнаружил и количественно исследовал реакции макромолекулярного обмена и замещения в интерполиэлектролитных комплексах, которые имеют решающее значение при «молекулярном узнавании» и самосборке супрамолекулярных полиэлектролитных структур. Последнее сыграло важную роль в понимании компактизации ДНК как внутреннего свойства незаряженной двойной спирали (Ломоносовская премия, 1999), а также в разработке научных основ создания полимер-субъединичных иммуногенов и вакцин нового поколения (Государственная премия РФ, 2001).

Занимаясь фундаментальными исследованиями, В.А. Кабанов одновременно трудился и над их практической реализацией. Под его научным руководством в 1980 г. были разработаны и внедрены такие технологии, как производство полипропиленовых плёночных нитей с повышенными прочностными характеристиками, используется в промышленности и сегодня; первая полностью синтетическая вакцина против гриппа «Гриппол» (совместно с Р. В. Петровым и Р. М. Хаитовым), а также рецептура на основе интерполиэлектролитных комплексов для предотвращения миграции радиоактивной пыли в зоне Чернобыльской аварии.

В 1986–1987 гг. Виктор Кабанов совместно с другими сотрудниками своей кафедры принял участие в ликвидации Чернобыльской аварии. Разработал и применил полимерную рецептуру для пылеподавления. Оптимальное техническое решение было найдено благодаря ранее

проведенным фундаментальным исследованиям, а личное участие Кабанова в практических работах, в том числе и на месте аварии, позволило в кратчайшие сроки пройти путь от лабораторных и полевых испытаний до промышленного производства и применения рецептуры.

Награды и премии

Лауреат Ленинской премии (1980), Государственной премии России (2001) и Демидовской премии (2001). Также награждён международной премией Японского полимерного общества (1995), премией АН СССР им. С.В. Лебедева (1984), Ломоносовской премией (1999), премией Благотворительного фонда поддержки науки им. акад. В. Е. Соколова (1999), орденом «За заслуги перед Отечеством» III степени (1999), орденом Ленина (1991), двумя орденами Трудового Красного Знамени (1984, 1986 — за Чернобыль), орденом Дружбы народов (1994), и орденом «Знак Почёта» (1975). Решением ученого совета Тверского государственного университета от 24 сентября 2003 г. ему присвоено звание «Почетный профессор Тверского государственного университета».

Основные работы:

Кабанов В.А., Топчиев Д.А. Полимеризация ионизирующихся мономеров. М.: Наука, 1975. 224 с.

Кабанов В.А., Петров Р.В., Хаитов Р.М. Успехи использования полимеров в иммунологии. М.: Знание, 1986. 45 с.

Кабанов В.А., Зубов В.П., Семчиков Ю.Д. Комплексная радикальная полимеризация. М.: Химия, 1987. 253 с.

Кабанов В.А. Физико-химические основы и перспективы использования растворимых интерполиэлектролитных комплексов // ВМС. 1994. Т. 36, № 2.

В.А. Кабанов похоронен на Новодевичьем кладбище в Москве.

НИКОЛАЙ АЛЬФРЕДОВИЧ ПЛАТЭ (80 ЛЕТ)
(04.11.1934 – 16.03.2007)

Оргкомитет Каргинских чтений

Николай Альфредович Платэ – яркий представитель отечественной химической науки, всемирно признанный ученый, талантливый педагог и организатор науки.

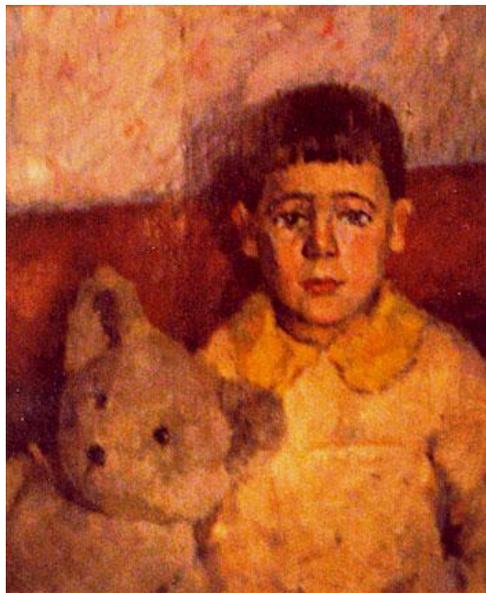
Н.А. Платэ родился 4 ноября 1934 г. в Москве в замечательной интеллигентной семье. Его дед – академик Николай Дмитриевич Зелинский – выдающийся ученый, корифей российской химической науки, создатель знаменитой научной школы, один из основоположников органического катализа и нефтехимии; отец – Альфред Феликсович Платэ – талантливый ученый и педагог, профессор МГУ, известный своими исследованиями каталитических превращений углеводов; мать – Раиса Николаевна Зелинская – художница. Семья стала источником широкой образованности, эрудиции Николая Альфредовича, его глубокого интереса к искусству, истории и, конечно же, к химии. В 1951 г. Николай Альфредович поступил на химический факультет Московского государственного университета, который с отличием окончил в 1956 г. Его дипломная работа «Физико-химические свойства хлоропрена» выполнена под руководством академика В.А.Каргина. В 1960 г. он защитил кандидатскую диссертацию «Привитые сополимеры и их физико-химические свойства», а в 1966 – докторскую диссертацию «Структурно-химические эффекты при синтезе и модификации полимеров». С 1967 г. Н.А. Платэ являлся профессором химического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова. В 1966–1985 гг. он возглавил лабораторию химических превращений полимеров кафедры высокомолекулярных соединений МГУ. В 1974 г. был избран членом-корреспондентом, а в 1987 – действительным членом АН СССР (Российской академии наук). Н.А. Платэ занимал должности вице-президента РАН, директора Института нефтехимического синтеза им. А.В. Топчиева РАН.

Академик Николай Платэ был одним из выдающихся представителей российской полимерной науки, учеником академика В. А. Каргина. Он – один из первых выпускников кафедры высокомолекулярных соединений МГУ (наряду с академиками В. А. Кабановым и Н. Ф. Бакеевым). Был крупным организатором науки и одним из руководителей Российской академии наук.

Создал количественную теорию реакционной способности функциональных групп макромолекул как научной основы модификации полимерных материалов, открыл термотропные жидко - кристаллические полимеры с мезогенными группами, что привело к созданию нового поколения жидко - кристаллических полимеров и композитных материалов для оптики, электроники и других отраслей высоких технологий. Среди его научных открытий: создание оригинального направления в области полимерных

материалов медико-биологического назначения — селективных сорбентов для детоксикации организма человека, а также биосовместимых полимерных материалов для протезов, органов и тканей.

Под руководством Платэ удалось решить принципиально важную проблему — создание новой безинъекционной лекарственной формы инсулина для лечения диабета, успешно прошедшей клинические испытания.

Коля Платэ с мишкой – картина Р.Н. Зелинской-Платэ

В качестве члена государственной комиссии РФ по химическому разоружению и члена бюро Совета безопасности РФ Платэ являлся одним из разработчиков доктрины химической и биологической безопасности страны, утвержденной президентом РФ, и принимал активное участие в реализации программы уничтожения химического оружия.

Н.А. Платэ был одним из авторов и координаторов работ по использованию оригинальной ракетной технологии и дизельных двигателей для уничтожения токсичных химических веществ, включая химическое оружие, и для химической переработки природного газа в экологически безопасные

виды топлива.

Им написано более 500 статей, он имел 90 патентов; им изданы в соавторстве 6 книг: в том числе «Comb-Shaped Polymers and Liquid Crystals», 1987, Plenum (соавт. В.П. Шибает); «Macromolecular reactions» Wiley and sons, 1995 (соавт. А.Д. Литманович, О.В. Ноа), «Физиологически активные полимеры», 1986; «Химия» (соавт. А.Е. Васильев).

Н.А.Платэ читал курс лекций «Высокомолекулярные соединения» для студентов высшего химического колледжа РАН, курс лекций для студентов IV курса химического факультета МГУ «Основы химии и технологии производства мономеров», и разделы курса лекций «Введение в специализацию» для студентов III курса химического факультета МГУ.

Под руководством академика Н.А.Платэ выполнены и защищены более 80 кандидатских и более 15 докторских диссертаций. Он являлся членом Комиссии при Президенте РФ по Государственным премиям в области науки и техники, членом бюро Национального комитета российских химиков, членом Российского Пагуошского комитета, членом комитета ученых за международную безопасность и контроль над вооружением, председателем Научного совета по химии нефти, газа и угля РАН, президентом Российского мембранного общества, членом Европейской академии наук и Американского химического общества. Он был главным редактором журналов «Высокомолекулярные соединения» и «Вестник Российской академии наук», членом редакционного и консультативного советов международных журналов

«Die Makromolekulare Chemie», «Journal of Applied Polymer Science», «Bioactive and Compatible Polymers».

Академик Н.А. Платэ награжден Международной премией «Золотой век» за выдающиеся достижения в области химического разоружения (1988) и премией Японского полимерного общества. Удостоен медали Германа Марка Австрийского исследовательского института химии и технологии «За выдающиеся достижения в области химии полимеров». Президиумом АН СССР и Президиумом РАН ему присуждена премия им. В.А. Каргина (1981) и премия им. С.В. Лебедева (1995), он почетный химик СССР и Российской Федерации (1994), лауреат Государственных премий СССР (1985) и РФ (2002). Н.А. Платэ был избран членом Европейской академии наук, иностранным членом Академий наук Украины и Таджикистана, удостоен почетной ученой степени «Гонорис кауза» Парижского университета, являлся членом редколлегий пяти крупнейших международных журналов. Он награжден

командорским крестом «За заслуги» (Польша), командорским крестом «За заслуги в области изобретательства» (Бельгия), орденами «Золотых академических пальм» и «Почетного легиона» (Франция) и высшим гражданским орденом Нидерландов «Оранж Нассау».

Н.А. Платэ награжден орденами «Знак Почета», Дружбы народов, «За заслуги перед Отечеством IV и III степени». С 1994 г. он – заслуженный профессор МГУ. Решением ученого совета Тверского государственного университета ему в 2005 г. присвоено звание «Почетный профессор Тверского государственного университета».

Похоронен Н.А. Платэ на Новодевичьем кладбище в Москве.

ШИРОКО РАСПРОСТИРАЕТ ХИМИЯ РУКИ СВОИ В ДЕЛА ЧЕЛОВЕЧЕСКИЕ

Памяти Вити Кабанова (1934–2006)

Наталья Яковлевна. Рапорт

От автора

Одного человека спросили: «Что такое счастье?» Он ответил: «Счастье – это когда я с удовольствием иду на работу, а потом с удовольствием возвращаюсь домой». В предлагаемых ниже записках я хочу рассказать вам о человеке, благодаря которому я до сих пор, даже будучи на пенсии, с удовольствием хожу в свою лабораторию.

У моих родителей была приятельница – Матильда Яковлевна. Папа работал с ней в одной больнице. Матильда иногда приходила к нам в гости с сыном, высоким красивым мальчиком. Он был на четыре года старше меня и я была совершенно вне сферы его интересов: он приходил в гости к моему папе, которого очень уважал и любил. Папе Матильдин сын тоже очень нравился, они вели долгие беседы, папа говорил маме: «Какой у Матильды удачный мальчик!». По-моему, папа ей даже немного завидовал: у него самого сына не было, я обманула его надежды, родившись девочкой. В те годы вряд ли кто-нибудь мог предположить, что этот красивый мальчик сыграет в моей будущей жизни одну из центральных ролей.

Матильдин сын блестяще окончил школу и поступил на химфак МГУ, а у меня в школе в седьмом классе как раз началась химия. Я была сражена. Я помешалась на химии буквально с первого урока. Передо мной открылся таинственный и прекрасный мир, полный замечательных загадок. Я увидела кабинет, а в основном соседнюю с ним препараторскую; в самом химическом кабинете только одно окно и

выбило. Я напросилась в помощницы к учительнице Марии Моисеевне – помогала готовить демонстрации школьных опытов. Соорудила в пробирках пятнадцать миниатюрных аппаратиков Киппа, по одному на каждый стол химического кабинета. Когда выделявшийся водород загорался от поднесённой спички с характерным звуком «п-па», сердце моё переполнялось гордостью за науку, которой я решила посвятить свою жизнь. Трудилась я вдохновенно, и Мария Моисеевна не могла нарадоваться. Наивная и доверчивая, она стала оставлять меня одну в препараторской для подготовки классных демонстраций. Вот этого делать не следовало. В мои руки попала книжка «Занимательные химические опыты и фокусы». Я выучила книжку почти наизусть и провела инвентаризацию в препараторской. Там в подвесных шкафчиках содержались несметные богатства химических реактивов. Среди них обнаружилось много полезного для будущих «занимательных химических опытов и фокусов», и я приступила к делу. Начала с невинного «вулканчика», благо необходимый для него бихромат аммония был в наличии и не в дефиците и исправно извергался, когда я его поджигала, вроде бенгальских огней. Окрылённая успехом, я начала расширять горизонты. На каком-то этапе моё внимание привлёк порох, который горел под водой. Сера, уголь, селитра – всё было в наличии, надо было только смешать и растереть ингредиенты в нужных пропорциях. Я смешала и растёрла, и порох взорвался. В препараторской выбило окна, слетели со стены шкафчики, побились банки с реактивами, вытекли кислоты, всё плавало в безобразном месиве. Я тоже пострадала, была вся в стёклах но, слава Богу, уцелели глаза. На мне дотлевала новенькая школьная форма.

Родители мои, естественно, были страшно обеспокоены взрывом, который мог иметь самые трагические последствия. Меня только чудом не изуродовало, не ослепило, не покалечило. Они решили попросить Матильдиного сына вправить мне мозги. В самом деле, кто мог быть для меня большим авторитетом, чем студент химического факультета Московского университета!

Вы уже догадались, что Матильдиного сына звали Витя Кабанов. Витя не стал читать мне нотаций, а просто взял за руку и привёл в химический кружок для школьников при Московском университете. Через четыре года эта дорога, с лёгкой руки Вити Кабанова, привела меня на химфак. В конечном итоге, взрыв в школьном химическом кабинете стоил свеч, хотя обобщать этот опыт, пожалуй, не стоит.

Когда я поступила на химфак, Витя Кабанов перешёл на пятый курс. Вскоре после начала занятий он встретил меня в коридоре около большой химической аудитории:

«Послушай, организуется новая кафедра. Очень перспективное дело: высокомолекулярные соединения. Не важно, что не понимаешь – потом поймёшь. Совсем новое дело – в стране нет ни науки такой, ни промышленности, всё с нуля, очень интересно. Заведует кафедрой академик Каргин. Я записался на эту кафедру делать диплом, и могу взять тебя, ты будешь моей студенткой. Идём, я тебя познакомлю».

Так, не успев опомниться, и опять с Витиной лёгкой руки, я вошла в историю как первая студентка новорожденной кафедры высокомолекулярных соединений. Витя представил меня коренастому человеку средних лет с таким значительным лицом и пронзительными глазами, что я страшно оробела. Про себя решила: вот как выглядят маститые учёные. Витя сказал: «Это Наташа Рапопорт, она будет моей студенткой». Каргин взглянул на меня то ли лукаво, то ли насмешливо и позвал: Павел Васильевич, Софья Яковлевна, познакомьтесь: студентка Вити Кабанова Наташа Рапопорт». Думаю, я являла собой уморительное зрелище: взъерошенный, перепуганный, ярко рыжий цыплёнок с косами, которые я ещё не успела состричь после школы. Добрейший Павел Васильевич Козлов раскрыл мне свои объятия, а Софья Яковлевна Мирлина отнеслась ко мне по-матерински, и я постепенно успокоилась. Началась кафедральная жизнь. Как в театре, когда тихая и почти пустая сцена вдруг до отказа заполняется шумными актёрами, на кафедре вскоре появилась масса студентов. Дипломников было всего четверо: Витя Кабанов, Коля Платэ, Коля Бакеев и Майя Константинопольская. Но студентов следующего за ними курса было уже заметно больше (из особо запомнившихся – Виталий Зубов, Валерий Шibaев, Валерий Пшежецкий), а студентов нашего курса было уже больше десятка (к примеру, Иван Паписов, Алла Кафтанова, Вероника Журавлёва).

Мне невероятно повезло быть Витиной студенткой. Он был замечательным педагогом. Он очень ясно мыслил, а потому умел просто и доходчиво объяснять самые сложные вещи. К нам, студентам, имел массу терпения. В лаборатории он был настоящий чародей. Сам собирал сложнейшие приборы и паял стекло, как профессиональный стеклодув. Со мной в этом направлении долго и безуспешно бился, но у меня из-под горелки вылезали такие нелепые и причудливые уроды, что в конце концов Витя сдался и до конца моей кафедральной жизни все вакуумные установки паял мне сам. Он работал легко, радостно и артистично. Казалось, для него не было экспериментальных барьеров.

Мы пропадали на кафедре до поздней ночи, Витин тёплый юмор скрашивал наши ночные бдения. Взять, к примеру, историю с вискозиметром Уббелоде, хрупким изобретением немецкого химика. Это было хитросплетение стеклянных трубок и капилляров; мы его постоянно ломали, а Витя чинил. В конце концов ему это надоело и он припаял к

вискозиметру стеклянную палочку, чтобы легче было устанавливать и вытаскивать его из термостата. Ломать вискозиметр стали реже. Вискозиметр с палочкой мы мгновенно окрестили вискозиметром Уббелоде–Кабанова. Витя услышал, обернулся и спросил недовольно: «При чём здесь Уббелоде?!».

Недавно я впервые осознала, что у меня не было нормальной студенческой жизни – с походами, кострами, песнями и капустниками. С первого курса я пропадала на кафедре с утра до ночи. Другие так живут только в год диплома. Да ведь никто не неволил. Просто не было ничего интереснее и увлекательнее, чем эти первые шаги в науку, куда Витя вёл меня аккуратно и бережно, как ребёнка на ходунках.

У него была редкая и драгоценная черта: в самом завалившем и провальном нашем эксперименте он отыскивал рациональное зерно, положительный урок и находил для нас нужные, ободряющие слова. Этот подход он позже перенёс на рецензирование статей, в великом множестве к нему поступавших. В любой работе он прежде всего искал, что в ней хорошего и полезного. Позже я столкнулась с диаметрально противоположным подходом. Один мой коллега, талантливый человек с трагической судьбой, прошедший через детский дом для детей врагов народа и лагерь, в каждой поступавшей к нему на рецензию работе прежде всего упоённо искал ошибку и был счастлив, если ему казалось, что нашёл.

Витя был очень доброжелательный человек. Доброжелательный, но не добренький. На кафедре выше всего стояла Научная Правда. За неё бились, ломая копья, теряя шпаги, а иногда и друзей. Для меня эта ситуация была привычной и естественной: такая же атмосфера была у меня дома. Моя бедная мама бывала меж двух огней, когда папа не соглашался с какими-нибудь концепциями Лины Штерн, в лаборатории которой мама работала. Пока папа и Лина выясняли, чья точка зрения справедлива, мама жила, как на вулкане. Я среди этого выросла и считала такое отношение к делу в порядке вещей. Поэтому так поразила, когда столкнулась с кардинально иным подходом, о чём немного позже.

... Витя защитил диплом и стал научным сотрудником кафедры. Я перешла на второй курс и была ещё совсем зелёная. Своей темы у меня пока не было, Витя держал меня на подхвате, я делала то одно, то другое. Это было очень полезно – расширяло горизонты. Работали мы, как и прежде, до поздней ночи: началась эпоха кандидатских диссертаций наших шефов.

Вдруг, вырвав из этой рабочей вакханалии, Витю послали в Америку. В Америку! Это была сенсация! Шёл пятьдесят седьмой год, никто ещё никуда не ездил. Витя уехал в Америку надолго: на месяц или два, мне показалось – на целую вечность. Без него на кафедре как-то всё

померкло, и не только для меня. Исчез стержень, на который мы, Витины студенты, были нанизаны. Мы, конечно, продолжали делать своё дело, но не было прежнего куража. Я откровенно тосковала. Витин друг Платэ надо мной посмеивался – считаете дни? Да не одна я – мы все считали дни. Витя вернулся, полный впечатлений и замечательных рассказов. Мне казалось, что он за эту поездку сильно изменился: повзрослел не на месяцы – на годы. Наверное, так оно и было. Впрочем, вскоре всё вошло в привычную колею, жизнь снова заиграла всеми своими красками.

За годы моей работы на кафедре Витя дважды спас мне жизнь, успешно сыграв роль ангела-хранителя. Первый случай запомнился многим, потому что произошёл во время визита на кафедру великих американских учёных-полимерщиков – это было большое событие. Каргин, Витя и остальная верхушка кафедры беседовали с американцами в кабинете Каргина, а я в лаборатории что-то полимеризовала в запаянной толстостенной ампуле. Реакция неожиданно разогналась сильно – пуще положенного, и я стояла в растерянности с ампулой в руках, не зная, что предпринять. У Вити было шестое чувство. Он покинул американцев и заглянул в лабораторию за несколько секунд до взрыва. Осторожно подошёл ко мне сзади и со словами «Глазёнки-то жалко» нацепил на меня защитные очки (мы, студенты, по дурости и дикости часто пренебрегали правилами безопасности). Потом Витя сам надел маску и хотел забрать у меня из рук ампулу, но тут она рванула во всём блеске. Каргин и американцы примчались на взрыв. Картину они застали впечатляющую. Одним осколком стекла мне порезало лоб (представляете, если б не было очков?!), другим – руку. На лбу сосуды проходят очень близко к поверхности, и кровяные струйки были немеряно. Вызвали «скорую», и когда врач остановил кровь и смыл кровяные потоки, на лбу обнаружилась небольшая невыразительная царапина; на руке тоже не было ничего катастрофического, так что, к общему облегчению, всё обошлось.

Второй случай тоже вполне мог стоить мне жизни. Наша лабораторная паяльная горелка стояла на столе у стены. Чуть выше уровня головы в стене была небольшая ниша, в ней помещался сушильный шкаф. Как потом выяснилось, мой сокурсник Плюснин сунул в него для разогрева ампулу с какой-то небезобидной реакционной смесью. Я паяла на горелке очередного стеклянного уродя, когда плюснинская ампула рванула, шкаф вылетел из гнезда и начал валиться мне на голову. В какую-то долю секунды Витя меня сгрёб, вытащил из опасной зоны и спас от неминуемой катастрофы. С тех пор прошло полвека, но это живо в памяти – чуть не написала: «как вчерашний день». Но вчерашний день как раз вспоминается сегодня с большим трудом и менее отчётливо, чем события полувековой давности.

Однажды – я была, кажется, на третьем курсе – Витя дождался, пока все разошлись, и сказал мне: «Давай с тобой попробуем одну штуку». Мы попробовали. Штука удалась – совершенно потрясающая штука. «А теперь забудь», – сказал Витя, и я послушно забыла. «Штука» эта потом взлетела очень высоко и в прямом, и в переносном смысле.

Витя был красивый, обаятельный, талантливый, блестящий. Стремительно росла его научная карьера. Кандидатская диссертация, докторская, член-корреспондентская, действительно членская. Мы, его ученики, радовались, гордились и отмечали эти события весёлыми капустниками.

После окончания университета Каргин взял меня в свою лабораторию в Карповский институт. Витя к Карповскому отношения не имел, и я горевала, что не принимаю больше участия в его работах, увлекательных и элегантных... С другой стороны, я счастлива, что на первой в моей жизни опубликованной работе стоят три имени: моё, Витино, и Каргина. Писал её Витя по материалам моего диплома, и это оказалась для меня счастливая путёвка в научную жизнь.

История с моим распределением была довольно кровавая. Лаборатория Каргина в Карповском институте считалась очень хорошим распределением, вторым после университетской кафедры. У меня был диплом с отличием, и Каргин предложил мне Карповский. Я была рада и подписала это распределение, но когда пришла за направлением в деканат химфака, девочка-секретарша сказала, что произошло недоразумение и в моём направлении написан не Карповский институт, а электролизный завод. На завод после университета не распределяли даже едва тянувших троечников, и уж тем более не отличников: университет давал академическое, а не инженерное образование. К тому же, мой выпуск был всего четвёртым выпуском полимерной кафедры, стране позарез нужны были полимерные кадры. И вдруг – электролизный завод. У меня, как и у

секретарши, и зерна сомнения не закралось: конечно, это недоразумение. Но вечером того же дня мне позвонила моя закадычная подружка Женька Лурье, тоже с нашей кафедры и тоже с красным дипломом, и сообщила, что ей перепутали направление – вместо *Института* пластмасс направили на *завод* пластмасс. Мне стало как-то неуютно на душе. Наутро мы с Женькой поехали в Госкомитет по химии менять ошибочные направления на правильные. И там омерзительного вида тётка-секретарша, сияя злорадством, объявила, что, подписав наши распределения, мы попали в распоряжение Госкомитета по химии, и он, Госкомитет, считает, что на данный исторический момент мы больше нужны на заводах; лично я – закрывать грудью амбразуру в электролизной промышленности. Ужаснее этого трудно было что-нибудь себе представить. Каргин в это время был где-то за границей. Я позвонила Вите. Он страшно возмутился. Но он тогда только-только защитил кандидатскую диссертацию и никакой реальной власти не имел. Витя сказал, что нам надо поговорить с начальником отдела молодых специалистов Журавлёвым, а если не поможет – ждать Каргина.

Наш курс гулял в это время по Крыму–Кавказу перед началом новой рабочей жизни, а мы с Женькой дежурили под дверью мерзкой секретарши в ожидании Журавлёва, но мифический Журавлёв так никогда и не материализовался. Нам, дурам, было уже ясно, что над нами изощрённо издеваются, но, не зная, как выпутаться из этой ситуации, мы продолжали ездить в Госкомитет, как на работу.

От души нам сочувствуя, Витя всё это время держал руку на пульсе. Когда Каргин вернулся из поездки, в первый же день, среди главных новостей сезона, Витя рассказал ему о нашей эпопее. Каргин расвирепел. Он позвонил мне и тоном, не допускающим возражений, приказал быть в кабинете Журавлёва в понедельник в 10 часов утра. Дело было в субботу. «В десять в кабинете Журавлёва! – приказал Каргин. – Что значит, вас не пустят?! Наташа, надо уметь постоять за себя!». Кабинет Журавлёва оказался в другом конце здания и даже, кажется, на другом этаже. В коридоре, где мы его ждали, он не бывал никогда, да и не должен был.

Каргин, видимо, позвонил Журавлёву, потому что без всяких хлопот меня провела к нему в кабинет вежливая секретарша. У Каргина в те годы была огромная, почти неограниченная власть. Как только я вошла, раздался телефонный звонок. Журавлёв буквально стал во фрунт: «Да, Валентин Алексеевич. Конечно, Валентин Алексеевич. Уже подписываю, Валентин Алексеевич». Не опуская трубку, протянул руку за моим направлением, жирно зачеркнул «электролизный завод», надписал сверху «Физико-химический институт имени Карпова» и расписался. Вся процедура заняла несколько минут, и после месяца неслыханных

измывательств, я вышла из кабинета Журавлёва сотрудницей Карповского института. Женьке к Журавлёву даже заходить не пришлось – ей выдала исправленное направление вежливая секретарша.

Мы с Женькой получили очень жестокий урок жизни. За всё пережитое Каргин дал нам дополнительный месяц отпуска, и теперь уже мы с ней на зависть бывшим однокурсникам гуляли на Кавказе, когда все приступили к работе.

В Карповском институте всё оказалось не так, как на кафедре, и всё – не по мне. Начать с аракчеевской дисциплины. Система в Карповском была военная: в десять часов – бип, бип, бип – запиралась вертушка проходной. Сидящая в будке страшная женщина Зинаида Холина записывала опоздавших, выстроившихся по наружную сторону вертушки. Судьбу решали секунды. Не передать, сколько нервов и денег ушло у меня на ловлю такси или попутных машин, под которые я бросалась с риском для жизни, умоляя подбросить до Карповского. Когда удавалось вовремя проскочить страшную вертушку, долго не могла отдышаться и начать работать. Я и сейчас не понимаю, зачем в научно-исследовательском институте вводить палочную дисциплину: в науке существуют вполне объективные критерии продуктивности. Но такова была карповская жизнь, и она превратилась для меня в настоящий ад, когда родилась маленькая, часто и тяжело болевшая Вика. Палочная дисциплина Карповского меня убивала, и всё-таки не она была главным фактором в моём негативном отношении – главным было то, что там не было Вити. Я попала в лабораторию Тамары Иосифовны Соголовой (в просторечье – Тэмы). Тэма была замужем за Григорием Львовичем Слонимским, человеком учёным, но неприятным. Эта пара страшно кичилась своей близостью с Каргиным. Они ездили к Каргиным на дачу, пили с ними вино, играли в карты – я подозреваю, что Григорий Львович проигрывал Каргину даже при четырёх тузах на руках. В изображении Слонимского египетский бог солнца Ра не мог сравниться с Каргиным чистотой и яркостью. Это было разительным контрастом с отношением к Каргину молодых сотрудников кафедры. Там тоже Каргина бесконечно уважали (мне даже казалось, что Витя трогательно копирует Каргинскую маститую манеру говорить и держаться), но в их отношениях с Каргиным не было подобострастия. А в отношении Слонимского к Каргину оно выпирало и выглядело отвратительно. Было совершенно ясно, откуда ветер дует: Слонимский метил в члены-корреспонденты академии, и поддержка Каргина была ему жизненно необходима. Но Каргин продвигал своих молодых учеников, отодвигая Слонимского. И на безупречно чистом солнце, каким раньше в изображении Слонимского был Каргин, стали появляться пятна... Это было очень заметно и очень противно.

...Год или два спустя после начала моей работы в Карповском в нашей лаборатории разыгрались события, настолько противоречившие отношению к науке, которое я впитала от родителей и от Вити, что я была совсем сбита с толку. С тех пор прошло полвека, и вряд ли кто-нибудь помнит, что тогда произошло. Я расскажу вкратце.

Это была заря полимерной науки. Многие из того, чему сегодня учат первокурсников, было тогда не известно или не ясно. Циглер и Натта ещё только готовились получить свою Нобелевскую премию. Было подозрение, что некоторые полимеры могут кристаллизоваться, но какова структура полимерных кристаллов не знал никто. Многие лаборатории мира бились, чтобы вырастить кристаллы покрупнее, с которых можно было бы снять хорошие электронограмму и рентгенограмму. Применяли очень тонкую аппаратуру, опускали температуру раствора, можно сказать, по сотой доле градуса в неделю, и всё без большого успеха – кристаллы достаточного размера не росли. И вдруг...

У нас в лаборатории был аспирант Усман Юсупов, племянник Хамдама Усмановича Усманова. Хамдам Усманович был большой бай. Каргин, продвигавший полимерную науку в советские республики, сделал его директором института нашего полимерного профиля и даже, кажется, президентом Узбекской академии наук.

Племянник Хамдама Усманова Усман Юсупов был человек на редкость безграмотный и дремучий. В дополнение к этим исключительным качествам – нахальный и бесцеремонный. Он мог ничтоже сумняшеся разобрать собранный кем-то из нас прибор, если ему приглянулась оттуда какая-нибудь стекляшка. В лаборатории его не любили, никто с ним особенно не общался. В моём лице он нашёл слабое звено. Надо заметить, что собаки друзей, если им пришло в голову поменять голую косточку на кусок сочного шашлыка по-карски, безошибочно и безуспешно обращались с этим предложением именно ко мне, выбирая из дюжины гостей. Так и Усман. Утро моё в лаборатории начиналось с просьбы Усмана: «Наташенька, взвесьте». Взвешивать Усман не умел и, как я ни билась, не научился. Так что мне приходилось взвешивать ему навески гуттаперчи, с которой он работал, и рассчитывать объём растворителя, чтобы он мог приготовить раствор нужной концентрации. И вот у этого Усмана вдруг начали расти огромные кристаллы чудесной полиэдрической огранки! Это была сенсация!!! Для нас, его коллег, двойная сенсация: вожделенные полимерные кристаллы, над которыми безуспешно бились лучшие лаборатории мира, вырастил человек, не умевший взвешивать! Кристаллы были Усманом всесторонне охарактеризованы в полной тайне, чтобы сенсационная информация не просочилась вовне до известного только Каргину и Тэме «дня икс». Теперь в лаборатории Тэма разговаривала только с Усманом и только

шёпотом. Я называла эту новую лабораторную политику «лицом к Усману» по аналогии с политикой молодой советской республики «лицом к деревне». И всё-таки по полимерной Москве ходили невнятные слухи о гигантских полимерных кристаллах Каргина и Соголоввой. «День икс», как я понимаю, должен был наступить в Америке, куда Каргин летел с докладом на большую международную конференцию. Радостное возбуждение Тэмы омрачало только одно обстоятельство: посвящённая в тайну выращивания кристаллов опытная лаборантка Верочка Мерзликина, как ни билась с утра до ночи, никак не могла воспроизвести усмановские результаты – у неё кристаллы, хоть убей, не росли. Верочка нервничала и безуспешно старалась, но кристаллы у неё не росли. Она была беременна и мы боялись, что от напряжения и прострации она родит до срока.

Дня за два до отъезда Каргина в Америку произошло следующее. В перерыве между какими-то своими опытами я болтала с другим нашим узбекским аспирантом – Гасэмом Талиповым. Он вертел в руках усмановскую плёнку. Усман был жуткий неряха, и плёнки с кристаллами были во множестве разбросаны по всей лаборатории. Болтая со мной, Гасэм в задумчивости тыкал зажжённой сигаретой в усмановский кристалл, и я вдруг ощутила отчётливый, до боли знакомый запах серы. У меня с серой были особые отношения. Синтез тиокола – серосодержащего полимера – был моим первым заданием на кафедре и вообще первым синтезом полимера, который я в жизни осуществила. Я была тогда на первом курсе, прошло всего несколько месяцев после моего поступления в университет. Методика синтеза была – проще не придумаешь, но когда в реакционном сосуде выпал вонючий губчатый жёлтый осадок ликования моему не было предела. Взрослые смеялись, и я получила на кафедре прозвище «тиоколка». Позже, на втором курсе, моей курсовой работой по аналитической химии был анализ серы в полимерах. Словом, «запах серы» я помнила хорошо. «Гасэм, почему так пахнет серой?» – спросила я, внутренне уже зная леденящий душу ответ. «Ой, правда, Наташка, почему так серой пахнет?! Я усмановский кристалл прожёт». Я выхватила у Гасэма плёнку. По ней были во множестве рассеяны крупные жёлтые ромбические кристаллы. Гуттаперча?! Я выковырила один кристалл и сунула его на ниточке в кипящую воду. Усман утверждал, что кристаллы плавятся при шестидесяти пяти градусах, как положено гуттаперче. Но вода кипела, а кристалл не плавился. Я положила его под микроскоп на нагревательный столик и подогрела. Кристалл расплавился при ста четырнадцати или ста пятнадцати градусах, как положено сере... Я была уверена в результате, но всё-таки провела ещё и количественный анализ на серу – не зря ж учили меня этому на втором курсе. Всё сходилось. Усмановские кристаллы были не гуттаперчей, а серой. Чистой серой. Стало понятно, почему у Усмана они росли, а у Верочки – нет. Мы

получали гуттаперчу с вулканизационного завода, а Верочка – хорошая лаборантка – её чистила, прежде чем с ней работать, а Усман, конечно, не чистил. В гуттаперче была примесь серы – вот и вся загадка.

У меня внутри всё дрожало. Я бросилась искать Тэму. В лаборатории её не было, на домашний телефон она не отвечала. К счастью, Каргин был в своём кабинете. Поколебавшись, я постучалась к Каргину: «Валентин Алексеевич, это сера». «Что – сера?», – не понял Каргин. «Усмановские кристаллы – чистая сера. Посмотрите – жёлтые, полиэдрические. Гасэм сигаретой ткнул – запахло сернистым ангидридом. Я попробовала поплавить – кристаллы в кипящей воде не расплавились! Я поплавила их на нагревательном столике – расплавились при ста пятинадцати градусах. Я на всякий случай ещё количественный анализ сделала. Валентин Алексеевич, это чистая сера. Усман работал с неочищенной гуттаперчей...». Каргин побелел. «Дайте-ка кристалл, Наташа». Положил кристалл на свой знаменитый длинный ноготь мизинца, я погрела спичкой. Пошёл явственный запах сернистого ангидрида... «Спасибо, Наташа, – сказал Каргин, – теперь идите».

Каргин улетел в Америку с совершенно другим докладом. А через пару дней в лаборатории появилась Тэма. На ней лица не было. Она сразу вызвала меня в коридор: «Как Вы посмели пойти к Каргину, не доложив мне?». Я чувствовала себя очень неловко и стала оправдываться: «Я Вас всюду искала. В институте Вас не было, на телефон Вы не отвечали. А Каргину через два дня улетать. Что мне было делать?». И тут Тэма ошеломила меня следующим заявлением (привожу его дословно): «Конечно, никто бы не мог воспроизвести наши результаты. Но мы бы всю жизнь ходили героями».

Я остолбенела. Бросилась к Вите: он, как прежде, был для меня истиной в последней инстанции. Витя уже знал от Каргина, что произошло. Я рассказала ему о разговоре с Тэмой. Витя сказал: «Ты молодец, Наташка. Умница. Только так и можно было поступить. Боюсь только, что твоя жизнь в Карповском будет теперь довольно сложной». Как в воду глядел! За нанесённый семье моральный ущерб Слонимский пытался отыгаться на моей кандидатской защите. По науке он сказать ничего дурного не мог, так как Тэма числилась руководителем диссертации, поэтому придрался к каким-то огрехам в оформлении, беззастенчиво тыча в мой беременный на восьмом месяце живот. Никого этим не прошиб, проголосовали единогласно при одном воздержавшемся, которым, как нетрудно догадаться, он сам и был.

Витя стремительно взлетал по научной и административной лестнице, и наши встречи становились всё реже. На конференциях, семинарах, защитах он всегда был окружён плотной толпой, в которой всем было чего-то от него надо. Мне не хотелось сливаться с этой толпой,

и я держалась в стороне. Через всю мою жизнь прошёл тяжёлый и мучительный комплекс: я боялась, чтобы люди, которые мне дороги, не подумали, что мне от них что-то нужно, кроме их дружбы. Чем выше взлетал Витя, тем выше становился внутренний барьер, которым я себя от него отгородила. И когда произошла большая неприятность – меня поймали в трамвае с книгой Солженицына «В круге первом» и мне пришлось долго и безуспешно искать новую работу, я не обратилась к Вите за помощью.

В те трудные дни, да и позже я гадала, знал ли Витя о моих злоключениях и мытарствах. Думаю, что не знал. В Карповском, кроме Первого отдела, знали только двое: Каргин и Тэма; для всех остальных меня сбросили с пьедестала за опоздания. Каргин вряд ли стал бы делиться с Витей своей информацией. Во-первых, в те годы о таких вещах распространяться было не принято. Во-вторых (и в основном), готовя себе смену, Каргин запускал Витю вверх, как ракету, и вполне естественно было огородить его от поступков, которые могли бы ему повредить – как, например, вмешательство в мою судьбу. Карьера самого Каргина была отлита из стали, ему ничто не грозило, и он предпочёл помочь мне сам. По его рекомендации меня взял в свой новый отдел в институте химической физики академик Эмануэль.

О моём переходе в Химфизику Витя, конечно, знал, потому что, встретив меня там, ничуть не удивился. «Ну, как новая жизнь?» – «Ужасно! Они тут говорят на языке, которого я совершенно не понимаю. Как на китайском. Сижу на семинарах, смотрю пустыми глазами, ненавижу себя и прихожу в отчаяние». – «Всё нормально, Наташка. Не дрейфь, ты справишься, всё будет хорошо. Химфизика для тебя очень правильное место». Этот разговор произошёл у нас через несколько месяцев после моего появления в Химфизике. По правде сказать, мне там сразу очень понравилось. Всё было иначе, чем в Карповском, и гораздо ближе к университетской атмосфере. Люди работали серьёзные и увлечённые. На семинарах отчаянно дрались и перегрызали друг другу глотку за какую-нибудь единицу в третьем знаке в химической константе. Но тематика! Но терминология! Всё было новое, незнакомое, трудное. Я грызла этот гранит, ломая зубы, и понемногу училась говорить на их языке.

Химфизика в те годы была настоящим форпостом науки. На международных конференциях можно было увидеть нобелевских лауреатов – а на банкетах и потанцевать с ними. Кстати, о банкетах и юбилеях. В Институте было настоящее созвездие людей талантливых и остроумных, они создавали блестящие капустники. Помню один эпизод из капустника, посвящённого то ли юбилею Химфизики, то ли юбилею её директора – академика Семёнова. На сцену сначала вынесли длинный

транспарант с надписью «Да Здравствуйте». «И краткое» было зачёркнуто, а буквы «е» и «т» согласно типографскому значку надо было поменять местами. С учётом этих поправок написано было «Да Здравствует». За транспарантом следовали семь прелестных девушек в бикини, на каждой был плакатик: Na^+ , K^+ , Ca^{2+} , Mg^{2+} , Cl^- , Br^- , I^- , или что-то в этом роде. Читать всё это, естественно, надо было так: «Да здравствует Семь Йонов!» (именно так произносили фамилию «Семёнов» зарубежные коллеги). Зал взвыл от восторга.

Работать в Химфизике было очень интересно, я имела небольшую группу и собственную тематику. С Витей мы виделись теперь гораздо чаще – университетская кафедра была ближе к Химфизике, чем к Карповскому, и географически, и идеологически. Лет через пятнадцать после прихода в Химфизику я доработалась до того, что написала докторскую диссертацию. Витя знал мою работу по публикациям и докладам и при случае похваливал и подбадривал. Лучшего оппонента для работы, находившейся на пересечении химической кинетики и полимерной структуры, нельзя было представить, но я очень долго мучилась и не могла заставить себя позвонить Вите с этой просьбой – мешал пресловутый комплекс. Когда я, наконец, решилась, Витя откликнулся мгновенно: «Хорошая работа. Тащи!» – словно только этого и ждал. Вторым оппонентом был Павел Юрьевич Бутягин. Мой приличный доклад и положительные отзывы двух таких зубров, как Кабанов и Бутягин, сыграли решающую роль – я стала доктором наук.

Забегая вперёд, отмечу, что «стричь докторские купоны» мне пришлось недолго: когда через несколько лет я перелетела в Америку, моя степень доктора наук оказалась совершенно не востребовавшей. В Америке есть три степени: бакалавр (где-то чуть выше нашего аттестата зрелости), магистр – на уровне нашего диплома об окончании высшей школы и доктор философии – равноценно нашей кандидатской. Эта степень последняя и окончательная. За ней следует, фигурально выражаясь, только нобелевский лауреат. Объяснить американским коллегам разницу между доктором философии (Ph.D.) и доктором наук (D.Sc.) трудно, если не невозможно. То есть они, конечно, понимают, что если на документах вслед за своей фамилией я пишу не просто Ph.D., а Ph.D., D.Sc. за этим что-то кроется, но что именно, не всякий спросит, а кто и спросит, не враз поймёт.

Но вернусь к повествованию. Незадолго до моей докторской защиты скоропостижно умер академик Эмануэль. И Витя сменил его на посту академика-секретаря Химического отделения, то есть стал химиком номер один нашей страны. Вам, возможно, покажется странным, но я огорчилась, когда об этом узнала. Когда моя дочь Вика пошла в первый класс, я около года работала научным референтом академика Эмануэля,

попала таким образом в его «внутренний круг» и имела возможность воочию наблюдать академические игры, подхалимаж, интриги, торговлю – словом, мадридский двор высшего эшелона академической науки. Всё это необычайно обострялось перед выборами в Академию. Мне это активно не нравилось, я выдержала год и вернулась в лабораторию.

Вооружённая этим опытом, я опасалась, что Витя – блестящий учёный, талантливый, доброжелательный и порядочный человек (скажем прямо, редкая находка для высшего административного поста Академии) – станет на посту академика-секретаря потерей для науки. Мои опасения, к счастью, не оправдались. Не произошло этого, я думаю, во многом благодаря его сыну Саше. Сын подрастал, Витя пестовал его для будущей Большой Науки, как когда-то Каргин пестовал его самого, а для этого надо было быть в хорошей научной форме. Пройдёт совсем немного лет, и Витя скажет мне с радостью и гордостью: «Раньше про Сашку говорили – это сын Кабанова, теперь про меня говорят – это отец Кабанова!». Это была для Вити, я думаю, высшая награда, какую он получил от жизни.

...Мои болезненные комплексы рассеялись, когда я переехала в Америку, потому что никому из тех, кого я любила, не могло бы отныне прийти в голову, что к моей сердечной привязанности примешаны какие-то привходящие соображения; им и раньше, скорей всего, такое в голову не пришло бы, но комплекс есть комплекс. Теперь мне стало легко и радостно общаться с друзьями, достигшими больших высот.

В один из приездов в Москву я позвонила Вите. Он очень обрадовался. «Ты одна или с Володей?» – «С Володей». – «Прекрасно. Сейчас я пришлю за вами машину, поедem на дачу, переночуете у нас, а завтра поедem обратно в Москву – у меня дела в Президиуме».

Тут надо ненадолго отвлечься и рассказать, что Витя, как и я, очень любил анекдоты. Характер анекдотов менялся с возрастом. Были анекдоты из серии «приходит муж домой», были о теще, всегда безупречно остроумные. К тому времени, о котором идёт речь, Витя рассказывал анекдоты о старости, в частности о старых академиках. Один анекдот звучал так: «Старый академик собирается с дачи на заседание Президиума. Жена даёт ему наставление привезти из Москвы два предмета, хлеб и кефир. Академик помнит, что должен что-то привезти, и покупает зубную щётку. Отдаёт жене, та говорит: “Я же велела тебе привезти два предмета. Где паста?!”»

За нами заехал Витин академический шофёр Вити, но деликатный Володя ехать со мной отказался: «Ты давно не виделась с Витей, вам есть о чём поговорить, я буду лишним». Так что я поехала одна. Витя ждал на пороге Президиума. Обнимая меня, сказал шофёру: «Я же велел тебе привезти два предмета! ».

Мы провели в Перхушково чудесный вечер. Он был бы ещё прекраснее, если бы телефон делал перерыв хотя бы минуты на три. Он звонил, не переставая. Дело было перед выборами в Академию, и меня как будто окунули в атмосферу Эмануэлевского кабинета тридцатилетней давности. Витя сказал мне, вздыхая: «А что делать? Я – Эмануэль сегодняшнего дня!..»

Эпилог

В один из приездов в Москву я узнала, что Витя в больнице в тяжёлом состоянии. Помочь я ничем не могла и беспокоить Асю звонком не стала. Я сидела в Шереметьево в накопителе и ждала посадки на самолёт в обратный путь, когда зазвонил мой мобильник. Это была Марина Аствацатурян, моя приятельница из «Эха Москвы», она вела там программу «Гранит Науки». «Наташа, только что позвонили на “Эхо” с сообщением, что умер Кабанов. Я знаю, что он был твоим учителем, и решила тебе сказать об этом, пока ты ещё здесь». Я дёрнулась было бежать из накопителя. Но куда? Я была «ещё здесь» и уже не здесь. Я летаю в Москву по американскому паспорту. Виза моя кончилась, пограничники проштамповали мой отъезд, меня уже никто не пустил бы обратно... Объявили посадку, и я вошла в самолёт. Десять часов пути до Америки я вспоминала то, о чём вы сейчас прочитали.

СОРОКА ГРИГОРИЙ ВАСИЛЬЕВИЧ (1823—1864)

Дмитрий Леонидович Подушков
краевед, член Союза писателей России

Из всех учеников Венецианова наиболее глубокий след в русской живописи оставил Г.В. Сорока.

Григорий Васильевич Сорока родился 15 ноября 1823 г. В «Метрической книге родившихся, браком сочетавшихся и умерших по церквам Вышневолоцкого уезда Тверской области. Церковь села Поддубья» запись: «1823 год. Ноябрь. Число рождения 15. Число крещения 19. Вотчины ротмистра Петра [Ивановича] Милюкова деревни Покровского у крестьянина Василия Савельева родился сын Григорий. Святаго крещения сподоблен.

Молитвословил приходской священник Иоанн Васильев и крестил он же с пономарём Адрианом. Восприемник был той же вотчины села Поддубя дворовой человек Степан Яковлев». Отец новорожденного — Василий Савельев, крепостной крестьянин помещика Петра Ивановича Милюкова, 33 года; мать — Екатерина Иванова, 34 года. Григорий — второй ребёнок в семье. Старший — Илья (1818). Судя по годам рождений, между ними мог быть ещё один ребенок, но, вероятно, не выжил. После Григория родились Федосья (1826), Евдокия (1829), Емельян (1831), Измаил (1836).

В начале XIX в. в д. Покровское насчитывалось 26 дворов и около двух сотен жителей.

Храм Покрова Пресвятой Богородицы, в котором крестили Григория, был освящён в 1781 г. Он был построен на средства дворян Рыкачёвых и Милюковых и находился с южной стороны усадьбы Поддубье. Настоятелем храма во времена Венецианова и Сороки был Василий Матвеевич Владимирский.

Прозвище «Сорока», позже перешедшее в фамилию, Григорий, вероятно, получил ещё в детстве. Оно говорит о бойком, любознательном характере мальчика. В народных повериях слово «сорока» (от наименования птицы) ассоциируется с непокорностью, способностью к неожиданным преобразованиям и волей к свободе.

В начале 1836 г. в Поддубье стараниями Николая Петровича Милюкова, который был к тому же почётным смотрителем вышневолоцких училищ, открылась одноклассная школа для крестьянских детей. Можно предположить, что произошло это под

влиянием (а может быть, и по настоянию) А.Г. Венецианова, у которого такая школа существовала уже несколько лет. Учителем стал священник Василий Матвеевич Владимирский. Деревня Покровское была ближайшей к Поддубью, а следовательно, основные ученики школы — дети из семей покровских крестьян. Поэтому можно с высокой долей вероятности предположить, что Григорий посещал в детстве эту школу и получил в ней первичные знания по Закону Божьему, чтению, письму и арифметике.

В 1838 г. состоялся раздел владений П.И. Милюкова между сыновьями. Усадьба Островки и д. Покровское со ста крестьянами отошли старшему сыну Николаю Петровичу, а Поддубье — среднему, Павлу Петровичу, служившему в Санкт-Петербурге в гвардии. Так Н.П. Милюков стал хозяином семьи Григория Сороки. В начале 1830 г. он женился на Аграфене Кононовне, дальней родственнице, также урождённой Милюковой. В семье родились семеро детей: Пётр (1830), Лидия (1832), Николай (1833), Конон (1835), Елизавета (1836), Михаил (1845), Арсений.

В 1840 г. Григорий Сорока по исповедным книгам прихода ещё числится крестьянином д. Покровское. В состав дворовых людей Островков он попал в промежуток между 1840 и весной 1842 г. Всего усадьбу в то время обслуживали около 40 человек.

Каким образом Н.П. Милюков выделил способности Григория Сороки и отдал его в обучение А.Г. Венецианову неизвестно. Это произошло, вероятно, весной 1842 года. Расцвет творчества Венецианова и его художественной школы уже позади. Большинство учеников давно окончили Академию, стали самостоятельными.

Первое упоминание о Сороке встречается в письме А.Г. Венецианова Н.П. Милюкову из Сафонкова от 24 апреля 1842 г.: «Письмо ваше получил и вести давал о явке ко мне Григория... Не предсказывал ли я вам или, лучше сказать, опасениями моими не остерегал ли я вас от того, что случилось с вашим Григорием. Он не виноват, а вы виноваты, — вы ему дали направление, а потом остановили, вы ему дали почувствовать удовольствие внутреннее, тронули его душу из склепа положительного и остановили». Речь, вероятно, идёт о развитии художественных способностей Сороки, о возможном освобождении от крепостной зависимости и о возникших препятствиях.

Второе известное письмо от августа 1842 г.: «С удовольствием, мой почтеннейший Николай Петрович, принимаю вашего Григория... беседа о нём с добрейшим нашим Василием Матвеевичем [Владимирским, священником храма в с. Поддубье]... По обыкновению моему, я ему дам написать какую-нибудь внутренность, что он у вас может повторить, а потому у меня напишет голову с натуры и пойдёт, как бог ему благословит». Как видно из письма, Милюков периодически отправлял

Сороку на проживание и обучение в Сафонково. Спустя 6–7 месяцев Венецианов возвращает Сороку хозяину: «Сафонково. 1843 г. Вот, мой почтеннейший Николай Петрович, возвращаю вашего Григория с приростом, прирост этот вы сами увидите. Долго моему Мише надобно итить, чтобы до этой станции дойти, а Плахову уже и не попасть... Вы можете Григорию позволить написать у вас какую-нибудь внутренность, но отнюдь не комнат ваших, а то, что он по своему инстинкту найдёт для себя приветливым... А между тем я должен вам сказать то, что я ему сказал: что будто догадываюсь, что вы хотите из него сделать садовника, и поэтому он должен стараться вникнуть в эту часть методически, как в науку, и что при садоводстве рисованье ему принесёт большую пользу, а рисованье — садоводству». Это письмо очень содержательно. В нём Венецианов даёт оценку творческих способностей Сороки. Он сравнивает его с двумя своими учениками: Михаилом Эрасси (1823–1898) – своим двоюродным племянником и Лавром Плаховым (1810–1881). Если превосходство над Эрасси, который был ровесником Сороки (они обучались у Венецианова одновременно), было вполне возможно (всегда ведь есть более талантливые и менее талантливые ученики), то сравнение с Плаховым дорогого стоит. Плахов, окончивший Академию художеств, прошедший стажировку в Берлине, был сложившимся мастером. И вот всего за несколько месяцев обучения (в деревенских условиях!) Сорока перерос, по словам Венецианова, мастера! Оценка учителя — свидетельство несомненного природного таланта и огромного трудолюбия Григория.

Первые известные 16 рисунков Сороки находятся в альбоме от 1842 г. С 1925 г. альбом хранится в Русском музее в Санкт-Петербурге. Он интересен тем, что на рисунках изображены люди, окружавшие Сороку в Островках: повар Гаврила Евстифеев, выполнявший также обязанности помощника старосты в храме с. Поддубья; ключница Татьяна Иванова, Варвара Титова, Наум Васильев из Всесвятского; Дмитрий Вышковский (вероятно, Дмитрий Макаров, староста сельца Вышкова помещика Косаговского); управляющий сц. Всесвятского Василий Федотов и жена его Пелагея Алексеевна — родители Иринарха Васильева, последнего ученика А.Г. Венецианова, их старший сын столяр Михаил. Ещё один всесвятский столяр — Глеб Борисов; кум Дмитрий; горшечник из Островков восемнадцатилетний Степан; старик Василий Щербаков, отец Сергея Васильева, управляющего в Поддубье; отставной капитан артиллерии Михаил Степанович Зверев (1765–1853) семидесяти лет от роду; молодая крестьянка в сарафане. Был утерян портрет А.К. Богданова. Можно предположить, что это было (возможно, первое) домашнее задание, которое дал начинающему художнику А.Г. Венецианов. В истории русского искусства известна лишь одна столь же уникальная

портретная серия дворовых людей и, как предполагается, также крепостного художника. Она хранится в Галичском районном краеведческом музее Костромской области.

Первая крупная картина Сороки (постоянно приходится оговариваться «из известных», «из сохранившихся») – «Гумно», написанная в начале 1840-х гг. По сюжету и композиции она явно перекликается с одноимённой картиной Венецианова 1822–1823 гг. Хотя картина учителя давно уже находится в Императорском Эрмитаже, можно предположить, что Сорока мог видеть в Сафонкове какие-то наброски к ней, авторские малоформатные повторения или репродукции на открытках. Сюжет и изобразительный язык картин учителя и ученика различны. Если Венецианов поэтизирует крестьянскую жизнь и труд, то Сорока пишет эту жизнь изнутри — натужную, в тёмных тонах земли и крестьянских изб.

В это же время Сорока по воле Милюкова становится садовником. Логика помещика понятна. Талантливый крепостной художник — это престижно, но должна же быть и практическая польза от дворового. Крепостному заниматься только творчеством? Это непозволительная роскошь. А художник и садовник — вполне гармоничное сочетание. Очередная картина Сороки «Вид на палисадник» — лучшее тому подтверждение. С картин «Гумно» и «Вид на палисадник» начинается официальная жизнь Сороки в истории русского искусства.

В Сафонкове Сорока общается кроме М. Эрасси и Л. Плахова с ещё одним учеником Венецианова — Фёдором Михайловичем Славянским (1817–1876). Судьба этого художника была для Сороки, несомненно, особенно притягательна. Фёдор Михайлов был земляком Сороки, крепостным помещицы А.Н. Семёнковой из сельца Вышково, которое находилось (и находится сегодня) всего в 6 км от Покровского. Венецианов смог выкупить Фёдора Михайлова из крепостной зависимости, при освобождении он подучил фамилию «Славянский». Уже с начала 1840-х годов Славянский становится студентом Академии художеств. Очень вероятно, что Фёдор и Григорий могли знать друг друга ещё с детства и отрочества. И вот встреча через несколько лет и в совершенно разных статусах — свободного человека и крепостного холопа.

Ещё одна из первых картин Сороки — зимний пейзаж «Флигель в Островках». Искусствовед Г.С. Островский отмечает близость этой картины скорее пленэрной живописи художников конца XIX — начала XX в. (Поленов, Левитан, Грабарь и др.), чем живописи современников. В 1844 г. Сорока пишет «Кабинет в Островках» (на ней изображён Конон — сын Н.П. Милюкова; дата написания картины отложена на счётах в левом нижнем углу) и «Отражение в зеркале». Как предполагают, «Отражение»

написано во Всесвятском, принадлежавшем Владиславу Ивановичу двоюродному брату Н.П. Милюкова.

Самые известные картины-пейзажи Сороки, «в наибольшей степени определившие его место в истории русской живописи»: «Вид на плотину», «Рыбаки», «Вид в имении Спасское», «Вид в имении» (все не позднее 1847 г., последняя пропала в годы Великой Отечественной войны). Очень долго считалось, что эти пейзажи были написаны Сорокой на оз. Молдино. Исследователи полагали, что всю свою жизнь художник провёл на берегах этого озера безвыездно. Но после обстоятельных исследований и сопоставления всех деталей (топонимия и топография места, одежда крестьян) пришли к выводу, что картины были написаны художником в Спасском-Лепёхине Козловского уезда Тамбовской губернии (сегодня — с. Спасское Староюрьевского района Тамбовской области), принадлежавшем дворянам Лепёхиным. (Мать Н.П. Милюкова Прасковья Васильевна была урождённая Лепёхина). В 1850-е гг. имением владел дядя по матери, впоследствии оно перешло Зворыкиным (Софья Петровна (1809—1842), сестра Николая Петровича Милюкова, была в замужестве Зворыкина). Эта поездка через половину Европейской части России, через Москву, несомненно, сильно расширила кругозор Сороки. Вероятно, в ходе поездки он имел возможность видеть и картины многих других художников. «В спасских полотнах, — утверждает Г.С. Островский, — Григорий Сорока не просто пейзажист, но крупный и зрелый мастер русского живописного пейзажа». Можно предположить, что после написания эти картины были вывезены в Островки (вероятно, для этого художника и возили в такую даль — привезти виды с родных мест матери), но в дальнейшем они в какой-то период оказались в имении Зворыкиных Воздвиженском Вышневолоцкого уезда (от Островков до Воздвиженского около 45 км по Котлованскому тракту на северо-запад). В Воздвиженском они находились до 1920 г. и уже откуда были вывезены в Тверской краеведческий музей.

Документы о Сороке крайне скупы и обрывочны: исповедные книги, пара фраз в письмах Венецианова. В основном его жизненную канву приходится прозревать через сюжеты и настроения его полотен, через контекст происходивших вокруг событий. Между 1843 и 1847 г. имя Сороки в переписке Венецианова и Милюкова не встречается. 26 июня 1847 г. на глазах Сороки, происходит невероятное событие, потрясшее, надо думать, в очередной раз всё его естество. 13-летний ученик Венецианова Иринарх Васильев, с которым Сорока жил вместе в Сафонкове, получает из рук В.И. Милюкова (владельца сц. Всесвятское) «вольную».

В эти же годы Сорока пишет портрет Венецианова. Кроме самого портрета сохранились три копии. Этот портрет — самое позднее

изображение Венецианова, поэтому он особенно ценен для истории искусства.

В письме от 7 апреля 1847 г. после долгого перерыва Венецианов снова пишет Милюкову о Г. Сороке: «Сего дня, 7 апреля, следовательно, два с половиной, два месяца до того, как я скажу Григорию: в Островки!» В это время Венецианов работает над большим заказом: пишет 20 икон для иконостаса храма в Тверском пансионе для дворянского юношества по заказу губернского предводителя дворянства И.Н. Кожина. Работу предваряет подготовка эскизов. Сорока помогает учителю. В письме 15 мая того же года: «Григорий ваш у меня подвизается. Рождество подмалевал (Корреджиево), теперь подмалёвывает “Благовесчение” с Альбани, а там будет писать “Взятие в небо Богоматери” Мурильо и “Покров” с оригиналов Боровиковского, будет проходить начатое у меня и в Костовском /с. Костовское. — Д.П./ и привезёт их ко мне, а там поедет в Торжок и кончит начатое, а там опять приедет ко мне и довершит, а там? — это вы знаете». Как можно предполагать, поездка Сороки в Торжок состоялась. В храме Борисоглебского монастыря он копирует иконы В.Л. Боровиковского письма 1795 г. «В понедельник, сиречь 1-го сентября, я отправил Григория в Костовское. Рождество готово, а Благовесчение — почти. Поспешил я его туда отправить для того, чтобы воспользоваться прекрасной погодой». Центр Костовского прихода — с. Костовское — находился в 10 километрах на северо-восток от с. Дубровское. В селе стояла церковь Святой Троицы.

Смерть Венецианова 4 декабря 1847 г. оборвала последние надежды Сороки на освобождение из крепостной зависимости. К этому времени относится совсем небольшой (44x36 см) «Автопортрет» Сороки, написанный, скорее всего, для себя. Это его единственное изображение.

Вид на озеро Молдино в усадьбе Островки

Конец 1840-х гг. — наиболее плодотворный период в творчестве Сороки. В Островках им написаны полотна «Вид на озеро Молдино в усадьбе Островки», «Часовня в парке», «Вид в Островках». В этих полотнах уже нет эпичности, но есть быт. Отметим, что местность, изображённая на полотнах, со времён Сороки почти не изменилась.

Ещё одна группа картин этого периода — портреты членов семьи Милюковых: сестёр Лидии и Елизаветы, Конона Милюкова, Анны Петровны Милюковой, владельца Поддубья и первого хозяина Сороки Петра Ивановича Милюкова, а также Аркадия Ивановича Поздеева — соседа Милюковых по имению и портрет тверского историка Василия Алексеевича Преображенского (между 1851 и 1854 г.).

Согласно деревенской легенде между Григорием Сорокой и Лидией Милюковой возникла взаимная любовь, ставшая причиной гибели обоих. Якобы поэтому Милюков не давал Сороке «вольную»: боялся, что, став свободным, он женится на Лидии. Никакой документальной основы эта легенда не имеет, как нет и документов, опровергающих её. Опыт исследований показывает, что совсем на пустом месте крестьянские легенды и предания не возникали.

Рыбаки. Вид в Спасском

В 1852 г. в возрасте 28 лет Григорий создаёт семью. В «Метрической книге родившихся, браком сочетавшихся и умерших по церквам Вышневолоцкого уезда Тверской губернии. Церковь села Поддубья» содержится запись об этом событии: «Июль 18. Помещика Статского Советника Николая Петровича Милюкова,

ва, деревни Покровского крестьянский сын Григорий Васильев, православного вероисповедания, первым браком. Того ж помещика крепостная дворовая девка, сельца Островков Александра Нестерова, православного вероисповедания, первым браком. Таинство венчания совершал священник Василий Владимиров с диаконом Михаилом Малеиным. Поручителями были по жениху того же помещика сельца Островков крепостные дворовые люди: Кузьма Петров и Пётр Силин, а по невесте того ж помещика и того ж сельца крепостные дворовые люди: Александр Васильев и Андрей Афанасьев». По меркам того времени брак очень поздний. Жизнь и быт дворового всецело зависели от воли помещика. Возможно, брак был заключен не по любви, а по помещичьему расчёту.

В 1853 г. в исповедных книгах Сорока снова проходит как дворовый. Последняя из известных прижизненная запись о Сороке в исповедных ведомостях относится к 1860 г.: «В деревне Покровском помещика статского советника Николая Петровича Милюкова

крестьяне... Григорий Васильев 37 [лет], жена его Александра Нестерова 35, дети их Константин 7, Александр 6».

В это время основным источником существования Сороки и его семьи становится иконопись. Есть свидетельства о писании икон и расписывании стен в храмах Николо-Теребенского монастыря на р. Мологе, в с. Маковище, в с. Дубровском, в с. Поддубье (в т.ч. иконы «Воскресение», копия с Боровиковского, и «Святая ночь» — с Корреджо). О неплохих доходах от иконописи говорит то, что у его семьи был единственный в Покровском двухэтажный дом со светёлкой, превращённой в иконописную мастерскую. Милюкову Сорока платил оброку 25 рублей серебром в год. У него ученики и подмастерья. Собрав вокруг себя крестьянских детей, он пытался заниматься с ними живописью. Но развития это не получило.

Семья Сороки растёт. У него рождаются два сына и дочь. По свидетельству внука Н.П. Милюкова Николая Кононовича Милюкова, «отношения Сороки к его владельцу сильно обострились; как множество русских талантливых людей, он начал сильно пить».

Манифест об освобождении крестьян из крепостной зависимости объявили в Твери 6 марта 1861 г. 11 марта он был опубликован в «Тверских губернских ведомостях». Среди ярых противников освобождения крестьян — Н.П. Милюков. Мировые посредники зачитывали Манифест и договоры о выкупе земли на сельских сходах. В договоре о выкупе земельных угодий крестьянами у Н.П. Милюкова значится и подпись Григория Васильева. Кабальные условия выкупа земли провоцировали волнения среди крестьян. Озёра, реки, леса оставались в собственности помещиков, которые накладывали запреты на ловлю рыбы, сбор грибов и ягод... Из 16 деревень, где имел крепостных крестьян Милюков, крестьянские сходы 12 из них уставные грамоты принять и подписать наотрез отказались; мировые посредники вводили условия договоров своей властью. На этой почве только в 1861 г. в Тверской губернии состоялись 103 выступления крестьян против помещиков, в 1862 — 101, в 1863 — 64. Многие помещики, и среди них Милюков, продолжали относиться к крестьянам как к своим крепостным. Те писали жалобы, посылали в Тверь и в Санкт-Петербург ходоков. Вероятно, как человек, владевший грамотой, Сорока в случае разногласий с Милюковым писал от имени крестьянской общины прошения по инстанциям. Н.К. Милюков в своих заметках пишет: «...Сорока явился агитатором против моего деда, которому он, конечно, не мог простить того, что он его, художника, не отпустил на волю. Была ли успешна агитация Сороки среди крестьян, я не знаю. Но, кажется, он был судим за что-то и приговорён к телесному наказанию».

Отношения Сороки с Милюковым обострились до предела к апрелю 1864 г. Сорока писал жалобы на помещика от крестьянской общины, Милюков — на Сороку «за подстрекательства». Неоднократно, как можно предположить, выяснение отношений происходило на сходах публично. Община клокотала и высказывала помещику всю накопившуюся в веках злость и претензии, помещик пытался сохранить рычаги власти и общественный статус. Исполнительная власть и в центре, и на местах, как правило, поддерживала сторону помещиков, так как продолжала оставаться сословной. В ходе очередного конфликта Сороке было назначено наказание, что, согласно молве, и привело его к самоубийству.

Обстоятельства его смерти подробно зафиксированы в «Определении Вышневолоцкого Уездного Суда 11 мая 1864 года по Записке об удавившемся крестьянине деревни Покровской Григории Васильеве». Сорока повесился в горшечном сарае на краю д. Покровское — жизненный круг замкнулся там, где и начался.

По православной традиции Сороку как самоубийцу не отпевали и похоронили за церковной оградой около сарая под кустом сирени. Со временем место его захоронения было утеряно.

Как видно из дела, наказание было наложено, но не реализовано. Однако очередной капли унижения оказалось достаточно, и Сорока наложил на себя руки. Досадить этим бывшему хозяину он не мог, скорее напротив. Это было очевидно и для него самого. Вероятно, он пошёл на этот шаг от усталости, просто от утомления жизнью. Ему на момент смерти был всего 41 год! Долгожданная свобода от крепостной зависимости получена. Очевидно, что ожидаемые плоды от неё были велики. Но вместо этого — отнимающее большие силы многолетнее противостояние с бывшим хозяином. Путь к свободному творчеству открыт, но как его реализовать? Нет ни официального образования, ни статуса. Будь жив Венецианов, он бы помог войти в круг столичных, или, на худой конец, губернских художников. Но учитель давно в могиле. Своими силами эту дорогу не пройти. Лучшие картины — в прошлом, они хранятся в чужих домах. Стало быть, на них при утверждении себя в статусе художника не опереться. Писать что-то новое — сил нет, да, видимо, и кисть уже не та — долгое иконописное ремесленничество наложило свой отпечаток. Обременён ответственностью за семью, воля подорвана вином. Остаётся статус простого деревенского богомаза, который, чтобы прокормить семью, гонит на заказ иконы десятками и сотнями. Долгие годы жизни на положении холопа в усадьбе и иконописца в какой-то степени оторвали его от крестьянской земледельческой среды. В представлении крестьянского мира живопись, хоть и иконопись, — забава, блажь, свидетельство о неумении либо

нежелании работать на земле. (Мол, понятно, когда монах пишет иконы в монастыре, на то он и монах, поэтому и из мира ушёл, чтобы посвятить свою жизнь Богу. Но чтобы крестьянин променял землю на такое ненадёжное ремесло?! Чудит односельчанин!)

«С гибелью Сороки, — констатирует Г.С. Островский, — в русском искусстве окончилась эпоха крепостных художников. Наверное, он был последним — во всяком случае, последним крупным художником, который до самой реформы, а по существу и после неё, пребывал в крепостной зависимости. Смерть Сороки приходится на этот переломный момент, в ней видится особый знак, и она остаётся в летописи отечественного искусства своего рода символической вехой».

В Покровском остались жить жена, семья сестры Евдокии с мужем Савелием и сыном Тихоном.

Первое упоминание о Сороке в печати появилось только в 1894 г. — в одном из выпусков «Русского художественного архива». В журнале была помещена фотокопия «Портрета А.Г. Венецианова», подписанная «Сорока».

В 1920 г. сотрудник Тверской губернской коллегии по делам музеев художник А.В. Скалон конфисковал картины Сороки из имения Воздвиженское и передал их в Тверской краеведческий музей.

В 1925 г. Н.К. Милюков передал в дар Русскому музею альбом рисунков Сороки. (До революции Н.К. Милюков был почётным членом Тверской учёной архивной комиссии, входил в Общество образования г. Вышнего Волочка. До конца 1920-х гг. он жил с семьёй в Вышнем Волочке, а затем переехал в Ленинград.) В последующие годы были собраны и остальные известные картины Сороки.

Перед Великой Отечественной войной биографию Сороки по крупицам собирали Н.В. Журавлёв и Е.К. Мроз, сотрудница Русского музея, впоследствии ставшая директором Калининской областной картинной галереи. Но подлинное открытие Сороки не только для специалистов, но и для широкой общественности состоялось лишь на выставке 1974 г., показанной вначале в Ленинграде, а затем в Калининне и Москве. Впервые воедино были собраны картины и рисунки художника, изданы художественные каталоги, буклеты, наборы репродукций. В последующем картины Сороки неоднократно вывозились для показа за рубеж.

Дом Милюковых из Островков сохранился: после революции 1917 г. его перевезли в с. Овище, сегодня в нём находится сельская библиотека. А на месте самих Островков расположена ведомственная база отдыха.

Как изложено выше, место могилы художника долгое время считалось утерянным. В июне 2006 г. она была найдена при участии В.М.

Сидорова. 19 сентября 2006 г. на ней был открыт памятник. На открытии присутствовали правнучка Г.В. Сороки Варвара Григорьевна Новосильцева. По специальному благословению Патриарха Алексия II на могиле была совершена панихида «по рабу Божьему Григорию».

Что касается значения Григория Сороки именно для Удомельского края, следует совершенно чётко признать: Сорока – подлинный творческий символ Удомельской земли (хотя его самоубийство ставит на этом символе большой знак вопроса). Здесь родились многие люди, составившие Россию. Сюда за вдохновением приезжали многие талантливые люди. В Удомле ими созданы десятки шедевров общерусского и общемирового значения. Но только Сорока от первого до последнего дня своей жизни прожил на удомельской земле. Он родился из её крестьянской народной почвы, его творчество питалось её соками, он похоронен в этой земле...

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Алексей Гаврилович Венецианов. Статьи. Письма. Современники о художнике / сост., вступит. статья А.В. Корниловой. Л., 1980.
2. *Алексеева Т.В.* Художники школы Венецианова. М., 1982.
3. *Архангельский Н.А.* История Удомельского района с древнейших времён до 1900 года. Тверь, 1993.
4. *Архангельский Н.А.* А.Г. Венецианов и его окружение на удомельской земле // Русская провинция. 1998. № 3.
5. *Леонтьева Г.К.* А.Г. Венецианов. М., 1988.
6. *Милюков Н.К.* Мелкие заметки о Григории Сороке // Старые годы. 1916. № 1—2.
7. *Мроз Е.К.* Художники Тверского края // Литературный альманах. Калинин, 1947. Кн. 1.
8. *Островский Г.С.* Григорий Сорока. СПб., 1993.
9. *Подушков Д.Л.* Знаменитые россияне в истории Удомельского края. Тверь. 2009.
10. *Салимов А.М., Салимова М.А.* Имение Милюковых в селе Поддубье. История и архитектура. Тверь, 2003.
11. *Сидоров В.М.* Край вдохновения. Ленинград, 1986.
12. Вестник Тверской областной картинной галереи. 2003. № 12.
13. *Мюллер А.П.* Милюковы — корреспонденты Венецианова: http://venecianov.ru/letters_mil_korr/

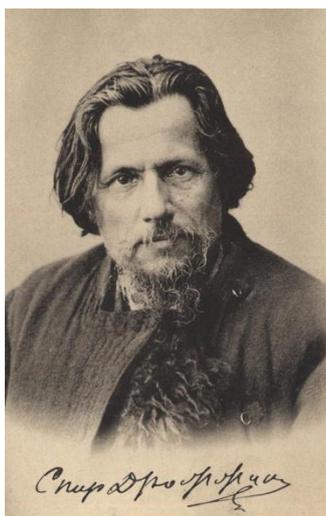
ЖИЗНЬ И ТВОРЧЕСТВО СПИРИДОНА ДРОЖЖИНА: МИФЫ И РЕАЛЬНОСТЬ

К 165-летию со дня рождения поэта

Александр Михайлович Бойников
доцент ТвГУ, член Союза писателей России

Русский поэт-самоучка Спиридон Дмитриевич Дрожжин (1848–1930), уроженец д. Низовка Городненской волости Тверского уезда Тверской губернии на рубеже XIX–XX вв. имел в России широчайшую популярность. Так, 32 из 35 его прижизненных книг были изданы в 1898–1929 гг., а стихи изучались в школах и вошли в классический фонд русской крестьянской лирики.

После 1917 г. жизнь и творчество С. Д. Дрожжина оказались в цепком плену идеологических мифов и фальшивых литературоведческих концепций, которые сильно исказили мировоззренческие основы и содержательное богатство лирики поэта-крестьянина. Почти $\frac{3}{4}$ его стихотворного наследия стало недоступным, а многие его произведения, допущенные к публикации, были изуродованы советской цензурой.

С. Д. Дрожжин вырос в патриархальной атмосфере русской крестьянской среды и воспитывался в православной вере, особенно дедом, который «был необыкновенно богомолен» и «страстный любитель книг Священного писания» [12]. Все варианты автобиографии, дневник и письма поэта свидетельствуют о том, что он оставался православным христианином до конца жизни. Так, в 1900 г. Дрожжин пишет в дневнике: «Слово крестьянин, мне думается, произошло от Слова Крест... По времени Владимира Равноапостольного, когда он сам крестился и крестил народ, называя его крестьянином или Христианином. Последнее слово тогда происходит от Креста или от Христа... а потому Сословие Крестьян надо считать не низшим, а высшим Сословием...» [14].

Из-за бедности семьи Дрожжин в конце 1860 г. был отправлен на самостоятельные заработки в Санкт-Петербург. Его первая «профессия» – мальчик-половой в грязном трактире «Кавказ» при гостинице «Европа».

Пытаясь выбиться из нужды, Дрожжин сменил множество занятий: был приказчиком в табачной лавке и магазине газовых свечей, подручным буфетчика, чернорабочим, лакеем у помещика, доверенным по поставке дров Николаевской железной дороги, агентом Волжского пароходного общества «Самолёт», продавцом в книжных магазинах... В течение 35 лет поэт попеременно проживал в Санкт-Петербурге, Москве, Ташкенте, Харькове, Новгородской и Ярославской губерниях, лишь изредка навещая родную деревню. Вынужденная необходимость продавать свой труд за мизерную плату, постоянная материальная и жилищная зависимость от работодателей сформировали у поэта обострённое чувство общественного неравенства: «Труд

да горе, капли пота // Пополам с слезой, // И тяжёлая забота // С вечною нуждой» (1875) [6].

В стихийно формирующемся мировоззрении поэта сплелись демократические и православно-державные убеждения, что воплотилось и в его лирике. Так, часть произведений 1860–1870-х гг. наполнена мотивами свободы и протеста против угнетателей. В них выражены гражданское негодование и сострадание бедствиям всего народа, достоверно нарисованы тяжёлые условия жизни деревенской и городской бедноты, воспеваются честный труд, вера в силу добра и торжество правды. Одновременно в ряде стихотворений этих лет мощно звучат христианские мотивы и темы.

Однако православно-державные взгляды оставались для поэта определяющими. Узнав о неудавшемся покушении на Александра II в Париже поэт 26 мая 1867 г. записывает в дневнике: «...но Царь царствующих сохранил драгоценную жизнь нашего Освободителя, и народ русский теперь за его спасение усердно молится перед престолом Всевышнего» [8]. Позже убийство царя Александра II он назовёт «страшным злодеянием» [12]. В стихотворении «Русь» (1875) Дрожжин опирается на известную символическую триаду «православие, самодержавие, народность»: *«Всем ты изобильная, // Господом хранимая, // Кроткая и сильная // Русь непобедимая... // Славься же, венчанная // Русь с Твоим Владыкою, // Русь самодержавная // Славою великою»* [9].

В 1896 г. Дрожжин окончательно возвращается в Низовку и всю оставшуюся жизнь сочетает крестьянский труд с литературным. В идейно-художественном аспекте результатом этого шага стала окончательная самоидентификация Дрожжина как поэта-крестьянина, слившегося с родной «почвой» и физически, и духовно. В своей поэзии он стремился к диалектическому постижению глубинных духовно-нравственных истоков русского народа, к пробуждению в нём пассионарной энергии, к утверждению православных начал жизни: *«Развеялись тучи, и жизнь новую // Всё веет вокруг. // В нас силы могучей и веры Христовой // Огонь не потух. // Широко перед нами путь к свету открытый, // Иди же вперёд, // Страдавший веками и славой покрытый // Великий народ!»* (1891) [5].

Постоянно живя в деревне, С. Д. Дрожжин периодически выезжает в Москву и Петербург, поддерживает отношения и завязывает новые знакомства с издателями, редакторами и литераторами А. А. Коринфским, И. А. Белоусовым, Ф. Ф. Фидлером, Н. Н. Златовратским, И. И. Горбуновым-Посадовым и др. В 1899 г. поэт вступает в члены кассы взаимопомощи литераторов и учёных, в 1905-м – в «Общество любителей российской словесности». В 1903 г. Суриковский литературно-музыкальный кружок «писателей из народа» организует в Москве его чествование в связи с 30-летием литературной деятельности. Музыкальность дрожжинских строк вдохновила более 30 композиторов, в том числе весьма известных – Ц. А. Кюи, В. С. Калинникова, В. И. Ребикова, Ф. О. Лашека, Р. М. Глиэра, А. Н. Чернявского. Две песни на его стихи исполнял Ф. И. Шаляпин.

Летом 1900 г. в Низовке вместе со своей спутницей Лу Андреас-Саломе гостил Райнер Мария Рильке (1875–1926), немецкий поэт мирового уровня,

самозабвенно и навсегда влюблённый в Россию. Личность Дрожжина послужила для Рильке эталоном русского национального характера. «Сейчас мы находимся в Низовке у любезного Спиридона Дим<итриевича> и, наслаждаясь его подлинным гостеприимством, чувствуем себя превосходно...» – писал он своей знакомой С. Н. Шиль [15].

О политической лояльности С. Д. Дрожжина свидетельствует малоизвестный факт его пребывания в должности сельского старосты в 1900–1903 гг., который был ключевой властной фигурой в дореволюционной российской деревне и даже обладал при необходимости правом ареста виноватого. В донесении в Тверское губернское жандармское управление от 31 октября 1904 г. о политической благонадёжности Дрожжина говорилось: «Не (так в тексте. – А. Б.) в чём предосудительном в политическом отношении не замечался» [3].

На общественно-политических взглядах поэта также сказались официальное признание его творчества и материальная поддержка со стороны государства. В 1903 г. Российская академия наук назначила ему ежегодную пожизненную пенсию имени императора Николая II в сумме 180 рублей (для сравнения: ежегодная заработная плата сельскохозяйственного рабочего в Северо-Западном районе Европейской России составляла тогда 65 рублей) [16]. В декабре 1910 г. на основании отзыва почётного академика К. К. Романова (К. Р.) четыре книги Дрожжина 1907–1909 гг. были удостоены премии имени М. Н. Ахматова в сумме 500 рублей.

Учитывая принадлежность К. К. Романова к царской семье, его «Отзыв о сочинениях С. Д. Дрожжина» ранее трактовался как «реакционный» и «необъективный» [10]. В действительности К. Р. точно определил мировоззренческую сущность его стихотворений, которые «проникнуты любовью, участием к горю ближнего, стремлением поддержать и утешить, жаждой правды и чистоты духовной» [11], т.е. изначальными чертами христианской этики. К. Р. указал и на другое важное качество дрожжинской поэзии: «Самобытный, своеобразный, не подпадающий под чужие влияния, не заражающийся модными течениями, не увлекающийся подражанием современному декадентству, автор почти неизменно остаётся верен себе и поёт от души, просто, искренно и часто вдохновенно» [11].

11 ноября 1912 г. Дрожжин получил кратковременную аудиенцию у К. К. Романова, которую, как и присланный позднее очерк о себе с его дарственной надписью, воспринял с большой радостью.

Февральскую, а затем и Октябрьскую революции С. Д. Дрожжин вначале встретил восторженно, увидев в них возможность осуществления соборных христианских идеалов. Откликаясь на Февральскую революцию, он в мае 1917 г. в стихотворении «Школьный гимн» пишет: *«Будем жить по Христову завету // В братстве радость и счастье найдём»* [4].

Тезис поэта о симпатиях Октябрю, поднятый на щит в советское время, обычно подкреплялся ссылками на его послереволюционные стихи: «Опять зима на саночках» (1918), «Прошли века неволи злой» (1918), «Ночные думы» (1919), «Запевка» (1920), «На сходке» (1920), «Баян» (1923), «Памяти В.И. Ленина» (1924), которые действительно пронизаны мажорным чувством обновления крестьянской жизни, физического и духовного раскрепощения человека труда: *«Воздвиглась Русь крестьянская // Во всех правах своих.// Земля и воля вольная народу отдана...»* [6].

А потом пришло горькое прозрение. Острое мировоззренческое несоответствие послеоктябрьской действительности исповедуемым Дрожжиным христианским идеалам, его желанию всеобщего крестьянского счастья и свободы вызвали у него глубокий духовный кризис, который ранее тщательно замалчивался. «Да, брат мой, не ожидали мы такой свободы и не такую свободу России рисовали в своих песнях и в своём воображении!» – писал С. Д. Дрожжин своему другу, поэту И. А. Белоусову 3/16 мая 1918 г. [13].

Среди царившего вокруг террора рушились надежды Дрожжина на мирное торжество вселенского добра. Он остро чувствует антинациональную и антиправославную сущность Октября 1917 г.: *«Забыли мы завет Христа: // Земля родная залита // Вся братской кровью, // А над нивой – всё тот же пахарь терпеливый, // В деревне – та же нищета»* (1919) [17].

Твёрдая позиция заступника крестьянства заставила поэта вспомнить толстовскую максиму «Не могу молчать!». Его стихотворение «Душа болит, мутится ум...» (1920), проникнутое жгучей и нестерпимой болью за тверского, русского крестьянина-труженика, вскрывает пагубные последствия политики большевиков в деревне. Поводом для его создания стало реальное событие: в 1920 г. из-за неурожая в основных хлебопроизводящих регионах России для Тверской губернии был значительно увеличен план продразвёрстки: *«Душа болит, мутится ум, // А в голове так много дум. // Так много горя и тоски // Переживают бедняки. <..> И весь трудящийся народ // Лямку старую несёт. // И слышу я со всех сторон, // То горький плач, то тяжкий стон...»* [7]. Мы видим, что поэт поставил знак равенства между политикой «военного коммунизма» и дореволюционной эксплуатацией крестьянства.

После объявления декретом Совнаркома от 5 сентября 1918 г. «красного террора» был взят в заложники и вместе с женой бессудно расстрелян близкий знакомый поэта Н. А. Толстой. Принадлежавшее ему имение Новинки с богатейшей библиотекой и уникальным архивом было разграблено. Через несколько дней после гибели Толстых поэт откликается на это скорбное событие: *«То война, то голод, // К смерти нет преград // И дробит нас молот, // И сечёт булат»* [7]. Конкретный факт беззакония вырастает у Дрожжина до широкого социального обобщения, а молот, выбранный одним из символов

новой России, превратился в бездушное орудие жестокой расправы с православным народом.

Эти крики души были вызваны невыносимыми условиями жизни поэта в тот период. В 1923 г. в статье «Пока не поздно» А. К. Флёров рассказал о крайне бедственных жизненных условиях поэта, вызванных физической слабостью, лишением дореволюционного материального обеспечения и отсутствием действенной помощи со стороны местных крестьян: «Материальное положение поэта очень тяжёлое: раньше, до революции, он жил литературным трудом, получал пособие из кассы литераторов, от литературного общества, и сам-то был бодрее. **За годы революции всего этого лишился** (выделено мной. – А. Б.). Надельной земли нет, да и некому работать...

А крестьяне из этой деревни неужели не помогают своему прославившемуся земляку? – спросите вы. Да, не помогают – и приходится кланяться им, чтобы они привезли дров одряхлевшему старику...

Напомнить лично о своём существовании т. Дрожжин, несмотря на близость к Москве... лишён возможности: нет тёплых сапог, нет денег на наём лошади до станции (9 вёрст), на проезд по железной дороге, на прожитие в Москве, наконец, нет и сил...» [18].

С 1923 г. неблагоприятная ситуация вокруг Дрожжина начала изменяться к лучшему: повторно возрастает его творческая популярность, налаживается материальное обеспечение. Он чаще выступает на литературных вечерах и концертах в Москве, Твери, Клину, Завидове, Редкине. По ходатайству «Общества по изучению Тверского края» Центральная комиссия по улучшению быта учёных назначила Дрожжину повышенную пенсию и академический паёк. Правда, ездить за ним приходилось в Москву, а физические силы таяли... В Низовке Дрожжина посещают делегации школьников и друзья-писатели; он также получает немало писем от почитателей своего дарования. В 1923 г. в Твери прошло чествование Дрожжина в связи с его 75-летием. В том же году в Москве и Твери вышли сразу пять его книг, а он сам был избран почётным членом Всероссийского союза поэтов. Имя Дрожжина присваивается нескольким школам, одной из улиц Твери, пароходу. В год своего 80-летия Дрожжин получил приветствие президента Академии наук СССР А. П. Карпинского.

Невзирая на всё это С. Д. Дрожжин в глубине сознания оставался «внутренним эмигрантом», подчас открыто демонстрируя оппозиционность новой власти. Летом 1929 г. он сердечно принимает в Низовке многолетнего друга – поэта А. А. Коринфского, что было актом гражданского мужества: 14 ноября 1928 г. в Ленинграде Коринфский был арестован, привлечён в качестве обвиняемого по делу «об участии в контрреволюционной работе группы монархистов», решением Коллегии ОГПУ от 13 мая 1929 г. осуждён по

статьям 58-10 и 58-11 УК РСФСР (антисоветская агитация) и выслан в Тверь [1]. Дрожжин, убеждённый в его невиновности, записывает в дневник: «Мой старейший друг-поэт А. А. Коринфский, один из лучших после Некрасова певцов народной свободы, обвинён по ложному доносу в неблагонадёжности...» [2].

После 1917 г. во вновь издаваемые книги Дрожжина категорически не допускались не только его произведения православной тематики, в том числе стихотворения-молитвы, но и образцы крестьянской, пейзажной и психологической лирики, содержащие лишь упоминания о вере и Боге. В результате цензурных ограничений поэт не смог в 1921 г. переиздать свои дореволюционные сборники «Сказки, легенды и были», «Четыре времени года», «Песни крестьянина», «Год крестьянина», «Новые русские песни», «Из мрака к свету». Из дозволенных к печати стихотворений Дрожжина на редкость бесцеремонно изымались строки или даже строфы. Например, стихотворение «В крестьянской семье» (1877) в советских изданиях лишилось девяти (!) строф, стихотворение «Стихнула буря. Глубокая тишь...» (1890) – 22 строки и т.п. В результате нарушалась авторская воля и в корне менялась мировоззренческая направленность купированного произведения. Эта форма цензурного вмешательства носила антиправославный характер: «Божий храм» заменялся на «сельский храм», «крестится пахарь» – на «думает пахарь» и т.п.

Вносить «политически верную» правку, а по совести сказать, наступать на горло собственной песне было для поэта и мучением, и следствием давления на него цензуры, редакторов, издательств, правящего режима в целом. Сколько прекрасных и оригинальных стихотворений С. Д. Дрожжина по этой причине до сих пор отрезано от читателей!

Составители и редакторы дрожжинских сборников 1920-х гг. отбирали для публикаций всего лишь от 25 до 70 стихотворений, и этот негативный подход укоренился в дальнейшей издательской практике. Если обратиться к двум наиболее объёмным дореволюционным книгам поэта «Стихотворения С.Д. Дрожжина. 1866–1888. Третье, значительно исправленное и дополненное издание, с портретом и записками автора о своей жизни и поэзии» (1907) и «Песни старого пахаря. 1906–1912» (1913), то мы увидим следующее: первая книга содержит 300 стихотворений, созданных только в течение 22 лет, вторая – 142, созданных в течение других 6 лет. Итого уже 442 стихотворения. Всего же С. Д. Дрожжин написал более тысячи произведений. Многие ждут своего часа в архивах и разбросаны по дореволюционной периодике. В 1920-х гг. он подготовил к печати Полное собрание сочинений в четырёх томах (беловая рукопись хранится в РГАЛИ), которое так и не вышло.

Самобытное творчество тверского поэта-крестьянина – не потускневший экспонат из запасников литературного музея, а живая, плодоносящая ветвь на могучем раскидистом древе русской поэзии.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Архив УФСБ России по г. Санкт-Петербургу и Ленинградской области. – Фонд прекращённых следственных дел. – Дело П-82625. – Л. 278.
2. ГАТО. – Ф. Р-607. – Оп. 1. – Ед. хр. 130. – Л. 545.
3. ГАТО. – Ф. 927. – Оп. 1. – Ед. хр. 757. – Л. 63.
4. Дрожжин С. Д. Баян: Стихотворения. 2-е изд. – Тверь: Изд-во Тверского ГУБОНО, 1920. – С. 27.
5. Дрожжин С. Д. Новые стихотворения (1898–1903). – М.: Типография Т-ва И. Д. Сытина, 1904. – С. 142.
6. Дрожжин С. Д. Песни гражданина. Стихи. – М.: Московский рабочий, 1974. – С. 68–69.
7. Дрожжин С. Д. Песни труда и свободы. – М.: Девятое января, 1923.
8. Жизнь поэта-крестьянина С.Д. Дрожжина (1848–1905), описанная им самим // Жизнь поэта-крестьянина С.Д. Дрожжина (1848–1905), описанная им самим и избранные стихотворения. М.: Издание редакций журналов «Детское чтение» и «Педагогический листок», 1905. – С. 7–98.
9. ИМЛИ. – Ф. 14. – Оп. 1. – Ед. хр. 106. – Л. 1.
10. Калмановский Е. С. Суриков и поэты-суриковцы // И. З. Суриков и поэты-суриковцы. – М.; Л.: Советский писатель, 1966. – С. 5–54.
11. К. Р. Отзыв о сочинениях С.Д. Дрожжина // К. Р. Критические отзывы. – Пг.: Б. и., 1915. – С. 324–354.
12. Поэт-крестьянин Спиридон Дрожжин в его воспоминаниях. 1848–1884 // Русская старина. – 1884. – Т. XLIII. – С. 503–522; Т. XLIV. – С. 93–122; 307–334.
13. РГАЛИ. – Ф. 66. – Оп. 1. – Ед. хр. 628. – Л. 7.
14. РГАЛИ. – Ф. 176. – Оп. 1. – Ед. хр. 77. – Л. 1 об.
15. Рильке и Россия: Письма. Дневники. Воспоминания. Стихи. – СПб.: Издательства Ивана Лимбаха, 2003. – С. 274.
16. Россия. 1913 год: Статистико-документальный справочник. – СПб.: Русско-Балтийский информационный центр «БЛИЦ», 1995.
17. Тверской кооператор. – 1919. – № 20–21. – С. 10.
18. Флёров А. К. Пока не поздно // Известия ВЦИК. – 1923. – № 50.

ТВЕРСКИЕ ИСТОКИ НАУКИ И ТЕХНИКИ ПОЛУПРОВОДНИКОВ

Борис Александрович Ершов

10 мая 2013 года исполнилось 110 лет со дня рождения одного из первых исследователей полупроводников, нашего земляка, изобретателя и учёного Олега Владимировича Лосева. Про него можно сказать так же, как однажды было сказано про Владимира Зворыкина, изобретателя первой телевизионной трубки – «иконоскопа»: «Иконоскоп... это не первый случай сознательного замалчивания приоритета русских и советских учёных...». Вот и у нас в Тверской области памятная дата скромно была отмечена лишь в сборнике «Тверские памятные даты на 2013 год», ежегодно издаваемого Тверской областной научной библиотекой им. А.М.Горького. И всё. Научная среда как-то прошла мимо этой даты. А между тем вся современная электроника, радиосвязь, Интернет, компьютерная техника и многое другое в своей основе имеют то, что открыл в начале XX века тверич Олег Лосев.

Он родился 10 мая 1903 года в Твери в семье служащего Тверского вагонзавода бывшего офицера Владимира Лосева и его супруги Екатерины Алексеевны. Сын ничем особенным от сверстников не отличался, рос как и все. Отличаться он начал во время учёбы в реальном училище: учился с удовольствием, имел хорошие и отличные оценки, особенно полюбил уроки физики преподавателя Вадима Леонидовича Лёвшина. После уроков Олег занимался сам и смотрел на опыты учителя в физкабинете. Дома в своей комнате устроил «лабораторию», деньги, что давали родители на «вкусненькое», тратил на физические самоделки и книги.

Тверское реальное училище (слева) на ул. Миллионной в начале XX века

В 1914 году началась германская, как тогда говорили, война. Военное ведомство для связи с союзниками развернуло приёмную радиостанцию в Твери на правом берегу Волги у железнодорожного моста, на пустыре. Поставили три стометровые мачты, натянули параллельно Волге провода длиной около версты, неподалёку построили саму станцию. Сегодня это территория ул. Бобкова в направлении к Мигаловской набережной. Станция принимала сигналы с Эйфелевой башни в Париже, её военные и гражданские служащие находились под началом капитана Аристова, затем его сменил штабс-капитан Владимир Лещинский. Здесь работал знаменитый Михаил Александрович Бонч-Бруевич (его называли за глаза просто Бонч), сюда приезжал профессор Владимир Лебединский, тогда ещё молодой 35-летний учёный. А реалист Олег Лосев учился во 2-м классе.

Строгого режима секретности тогда не придерживались, сотрудники станции выезжали в город для чтения лекций о радиосвязи (в те годы использовался термин «беспроволочный телеграф»), охотно допускали на саму станцию любознательных граждан разного сословия и образования. В начале 1917 года реалист 5-го класса Олег Лосев прослушал лекцию Владимира Лещинского, которую тот провёл в училище. Совершенно новый слой знаний захватил сознание Олега и на станции появился тихий, любознательный слушатель, впитывавший всё, что ему показывали и рассказывали. Олег «заболел» радио, дома стал заниматься опытами, на пытливого паренька руководство и сотрудники «положили глаз», закладывая в него основы науки о радио и навыки исследователя.

Осенью 1917 года в Петрограде произошёл переворот, в Твери наступил период неопределённости, это коснулось и радиостанции, согласно новым

Олег Лосев в Тверской радио-станции

советским правилам сотрудники открытым голосованием избрали начальниками Бонча и Лещинского, а сама лаборатория, выросшая из станции, переведена в систему Народного комиссариата почт и телеграфа. В августе 1918 года нарком Подбельский уговорил персонал переехать в Нижний Новгород с целью создания первого в РСФСР целевого НИИ – Нижегородской лаборатории – (НРЛ). В тот же год переезд состоялся и Олег Лосев как-бы осиротел, лишившись научных покровителей в лице учёных и специалистов. Однако самостоятельных занятий радио не бросил.

В 1920 году Олег окончил школу (слова «реальное училище» исчезли) и поехал поступать в Московский институт связи. В институт не попал, но встретил на Первом Всероссийском радиотехническом съезде старых знакомых Бонча и Лебединского, которые уговорили его переехать в Нижний и поступить на работу в НРЛ.

Уговорив родителей, Олег через полгода приехал в Нижний и стал сотрудником НРЛ в лаборатории профессора Лебединского в должности младшего лаборанта с зарплатой 900 рублей. Тверской период становления изобретателя и учёного закончился, начался Нижегородский период.

Первое научное задание Лосев получил от своего научного руководителя профессора Лебединского – исследовать возможность радиоприёма без радиоламп – гордости тогдашней радиотехники, очень дорогих в изготовлении, зачастую капризных в эксплуатации. Радио в те годы большинством людей воспринималось как чудо, исследования в этой отрасли науки велись по всем направлениям, но необходимые приборы и принадлежности приходилось изготавливать зачастую самим.

Молодой исследователь начал с изучения использования магнитных усилителей. Он пришёл к выводу, что они не очень перспективны, и заинтересовался механизмом действия кристаллических детекторов, в которых электроток не подчиняется закону Ома. По результатам работ в июне 1921 года Лосев впервые в своей жизни сделал научную публикацию о магнитных усилителях. Это был рубеж, за которым стоял уже учёный исследователь.

В феврале 1922 года О. Лосев сделал вторую публикацию в журнале «Телеграфия и телефония без проводов» (сокращённо «ТиТбп») с названием «Детектор-генератор, детектор-усилитель». В этой статье на основе летних своих исследований кристаллических детекторов в 1921 году у родителей в Твери он рассказал о радиоприёмнике, в котором вместо радиолампы работал

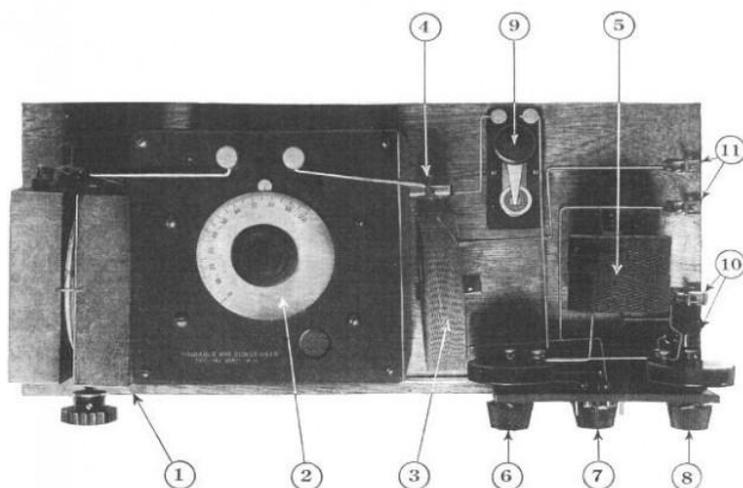

О.Лосев в 1920-е гг.

кристалл цинкита, который в контакте с металлическим остриём генерировал колебания. Приёмник оказался прост в изготовлении и был доступен массовому радиолюбителю, учитывая разруху в стране. В марте 1922 года Олег сделал об этом сообщение на 36-й «лабораторной беседе» (по современному – семинаре), затем доклад на Научном совете Наркомата почт и телеграфа с демонстрацией своей аппаратуры. Чиновники и учёные признали ценность разработок молодого исследователя, поручили ему продолжить работу в этом направлении, а лаборатории изготовить образцы для промышленного производства.

Именно 1922-й год впоследствии историки техники назовут началом эры полупроводников, а Лосева – основоположником теории и практики их использования.

В мае 1923 года Олег Владимирович сам изготовил первый технический образец приёмника-генератора с кристаллическим детектором, в июле аппарат был успешно испытан специалистами. К сожалению, Лосев не догадался сам, а опытные коллеги не подсказали ему необходимость запатентовать изобретение с названием «кристадин».

Top view of the experimental panel, built in the Radio News Laboratories, to produce oscillations with a crystal detector. In the picture the numbers refer to the following parts: No. 1, variometer, 2, variable condenser, 3, honeycomb coil; 4, .005 mfd. condenser, 5, choke coils; 6, potentiometer, 7, switch; 8, resistance, 9, zincite steel crystal detector, 10, phone clips, 11, battery clips.

Кристадин О.Лосева, 1924 г. Фото из иностранного журнала

На Западе в массовом порядке стали делать радиоприёмники по «рецепту» Лосева. Один французский журнал назвал Лосева профессором (которому было 20 лет), а про открытие высказался так: «Он подарил своё открытие миру». На родине, однако, особого значения его работам не придавали – у нас в России так было часто, нередко случается и сегодня. Всё - таки пришлось Олегу сесть за бумаги и оформить заявку на изобретение и получение патента. Но любовь к науке, к эксперименту были всепоглощающими, однако Олег это не афишировал, а работал и работал. Работа была естественным состоянием его души.

В 1924 году брошюра Лосева с названием «Кристадин» разошлась сначала 2-тысячным тиражом, потом её издали тиражом в 15 тысяч! Его приёмник широко вошёл в практику приёма, имя Лосева стало известно не только в СССР, но и за рубежом, где он по-прежнему считался профессором. Между 1927 и 1928 годам он обнаружил другое интересное явление: в кристаллических детекторах в точке контакта острия с металлом появляется свечение, слабое, характерное не для всех кристаллов, наиболее яркое наблюдалось у кристаллов карборунда – у него светилась даже поверхность, даже толща кристалла, прилегавшего к острию. Поэкспериментировав, Олег обнаружил, что яркость свечения пропорциональна протекающему току. Это и есть знаменитое свечение Лосева, ему принадлежит приоритет его открытия, отсюда пошли светодиоды, сигнальные индикаторы, системы отображения информации, часы и калькуляторы, оптическая связь, полупроводниковые лазеры, разного рода табло и очень многое другое, без чего сегодня невозможно представить телевидение, светотехнику, сигнализацию, компьютеры. Термин «электрoluminescence» ввёл американец Дестрио, отметив при этом приоритет русского Лосева, автора «свечения Лосева».

В 1928 году снова перемены – лабораторию расформировали, некоторых сотрудников перевели в Петербург (тогда Ленинград) в Центральную

радиолaborаторию треста заводов слаботочной электропромышленности под руководством знакомого нам Михаила Бонч-Бруевича. Олег к тому времени женился на медичке Татьяне, отношения у них не сложились и в северную столицу жена ехать отказалась. Лосев полностью погрузился в исследования под руководством Бориса Остроумова, на его работы обратил внимание известный в стране физик Абрам Фёдорович Иоффе. К 1937 году на счету Олега Владимировича Лосева два мировых открытия, несколько крупных

О.Лосев в 1930-х гг.

публикаций, авторские патенты на изобретения, а учёной степени как не было, так и нет. Да и должность не ахти уж какая высокая – старший лаборант кафедры физики 1-го Ленинградского мединститута, куда Лосев устроился на работу. У «профессора» Лосева не было диплома о высшем образовании, хотя он в своё время окончил заочно университет в Нижнем, но по недоразумению диплома не получил. Для чиновников этот аргумент перевешивал все остальные. Дело исправил академик А.Ф. Иоффе – по его представлению Лосеву присвоили

учёную степень кандидата физико-математических наук «гонорис кауза» – по совокупности работ. Это было в высшей степени справедливо: Лосев превратился в крупного признанного учёными оригинального экспериментатора, изобретателя и учёного, автора сформулированной и обоснованной им современной модели выпрямления и свечения активных слоёв полупроводников. К 1940 году его имя гремит в научных кругах наравне с именами крупнейших учёных СССР и зарубежья.

Личная жизнь в Питере сложилась более или менее удачно, он женился во второй раз, родителей перевёз к себе, казалось, всё стабилизировалось. Но...

22 июня 1941 года началась Великая Отечественная война. 10 июля фашисты начали наступление на Ленинград, городские жители покидали его город, не всем это удавалось. Семье Лосева тоже не удалось, хотя Лосев хлопотал об этом. Правда, ему удалось отца отправить в г. Ворошиловск Орджоникидзевского края (ныне Ставрополье), но там он оказался без средств к существованию. Весь трагизм сложившегося положения виден из последнего в жизни письма Олега Владимировича в Саратовский госуниверситет.

Кристадин О.Лосева. Современный макет

коллеге В.П.Жузе от 17 ноября 1941 года (в Саратов пришло 13 декабря 1941 года):

Глубокоуважаемый Владимир Пантелеймонович!

Я так и остался в Ленинграде с мамой и женой; только старик отец эвакуировался в г. Ворошиловск. Жалею, что я не эвакуировался со всей семьёй. Небольшую попытку в этом отношении хотя я сделал, попросив Абрама Фёдоровича (Б.Е. Иоффе–авт.) взять меня с собой в Казань, но было уже поздно – все жилища в Казани к этому времени (середина июля) были уже распределены между сотрудниками.

Сейчас я по-прежнему в Медицинском институте; пока ничего, но вообще из Ленинграда, разумеется, следовало уехать с самого начала.

К вам я обращаюсь вот с какой просьбой.

Моему отцу я каждый месяц посылаю по 100 руб. (2 раза по 50 руб.), но начиная с сентября 1941 деньги перестали до него доходить, и он пишет мне, что находится в весьма бедственном состоянии. Я решил попросить всех моих друзей, находящихся не в Ленинграде, выслать ему один раз по 50 руб. Может быть, от кого-нибудь деньги до него дойдут.

Очень прошу Вас, если сможете, выслать ему (один раз) 50 рублей, при первой возможности я возьму эти деньги. (Далее следует адрес отца. –Б.Е. авт.).

Закончил я в начале октября ещё одну статью о полупроводниках: «Метод электролитных фотоспротивлений. Фоточувствительность некоторых сплавов кремния». Отдал её в Редакцию ЖЭТФ (Журнал экспериментальной и теоретической физики. – Б.Е. авт.) в Ленинграде, но, разумеется, переслать её в Казань для редактирования они не имеют возможности; она будет лежать, вероятно, до окончания войны. А стремление закончить эту статью было одной из причин, заставивших меня остаться в Ленинграде. Ещё раз жалею, что не уехал.

Почувствуйте, уважаемые читатели, где истоки происхождения современных солнечных батарей космических аппаратов. Там, в блокадном Ленинграде, в голове нашего земляка Олега Лосева.

В блокаду при холоде, голоде и обстрелах Олег Владимирович охотно работал «по общественной линии»: на себе испытывал действие изобретённого им же электростимулятора сердца, принимал участие в разработке аппаратуры противопожарной сигнализации, изготовил портативный прибор для обнаружения в ранах металлических осколков. Стал донором и, хотя сам был не богатырём, сдавал кровь раненым.

Блокадная жизнь жестока и неумолима. В январе 1942 года умирает мать. Еле двигающийся дистрофик её сын Олег переживёт мать на несколько дней – он умирает от голода 22 января 1942 года в госпитале. Как сотни тысяч в те страшные годы.

Разные специалисты по-разному оценивают отрыв Лосева от современной ему науки: кто в 7 лет, кто в 10–20, а американец Лёбнер даже в 40 лет! То есть прошло столько лет от времени открытия «свечения Лосева» до реализации его в светодиодах.

В СССР труды Лосева впервые были изданы в 1952 году. Разработки нашего земляка легли в основу достижений наших и зарубежных нобелевских лауреатов Николая Басова, Александра Прохорова, Жореса Алфёрова, Джона Бардина, не считая других многочисленных специалистов во многих отраслях современной науки.

А в Твери его забыли. А надо бы хоть памятную доску прикрепить на здании бывшего реального училища, где теперь краеведческий музей. Может быть, в ТГТУ учредят стипендию имени Лосева? Может быть, новую улицу в Твери назовут его фамилией? Ведь свечение Лосева продолжается.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Наталья Коршунова. «Интересная, но трудная проблема...». // От махин до роботов (в 2-х кн.. Кн. 2): Очерки о знаменитых изобретателях, отрывки из документов, научных статей, воспоминаний, тексты патентов / сост. М.Н.Ишков; худож. Б.А.Лавров. – М.: Современник, 1990.
2. Л.Н.Никольский. Олег Владимирович Лосев (1903–1942). 100 лет со дня рождения // Тверские памятные даты на 2003 год. – Тверь: Альфа- Пресс, 2003.
3. Свечение Лосева. // Ершов Б.А., Финкельштейн В.Б. Тверь и тверитяне. Тверия. Книга вторая – Тверь: Изд-во “Студия” – С, 2006
4. Интернет–ресурс: Лосев, Олег Владимирович – Википедия. ru.wikipedia.org/wiki/Лосев и другие ресурсы.

ПЕДАГОГ-МАТЕМАТИК ИВАН КОЗЬМИЧ АНДРОНОВ

Виктор Владимирович Иванов,
преподаватель ТвГУ, краевед

И. К. Андронов
Снимок 1926 года

В становлении и развитии математического образования в советской школе существенную роль сыграл Иван Козьмич Андронов. Он родился 21 мая (2 июня) 1894 года в городе Новосиле Тульской губернии (ныне Орловской области) в многодетной семье [1; 2; 14–17]. (В [1; 15; 16] вместо 2 июня по новому стилю ошибочно указано 3 июня.) Из-за долгой и тяжёлой болезни отца, единственного работника в семье, уже в школьные годы Иван был вынужден совмещать учение с частными уроками, а во время летних каникул работать на заводе [14]. По той же причине в 1911 году (в 17 лет) после получения среднего образования он начал работать учителем в начальной школе. После окончания

учительского института И.К.Андронов преподавал математику в известной своими педагогическими традициями со второй половины XIX века Порецкой учительской семинарии (Симбирская губерния). И. К. Андронову было присуще постоянное стремление к совершенствованию, овладению всей возможной полнотой знаний в избранной области. Для получения высшего педагогического образования он поступил в институт имени П. Г. Шелапутина, по окончании которого в 1918 году начал преподавать в Петербургской губернской учительской школе. После преобразования педагогического института им. П. Г. Шелапутина в Педагогическую академию в 1920 году Иван Козьмич приглашён на работу в ней вначале на должность преподавателя, а затем доцента. В 1925 году Государственным ученым советом при Наркомпросе ему было присвоено звание профессора. В этом же году он был избран на должность профессора Московского государственного педагогического института, где читал лекции по различным математическим дисциплинам и методике преподавания математики [1; 2; 14–17].

Одновременно в 1923–1934 годах И. К. Андронов работал в Тверском (Калининском) педагогическом институте и внёс значительный вклад в подготовку учителей математики. Он преподавал аналитическую геометрию, историю математики, методику математики, заведовал математическим кабинетом, руководил школьной практикой студентов [3; 7; 9; 10; 11; 13]. В 1924–1925 учебном году им была составлена программа по общей методологии и методике математики [4]. В 1925 году он

выступил с докладом «Н. И. Лобачевский как математик и педагог». И. К. Андронов и В. М. Брадис, дружба с которым зародилась в эти годы и связывала их всю жизнь, активно участвовали в работе математического кружка для учащихся школ II ступени города Твери [5; 12].

И. К. Андронов входил в состав предметной физико-математической комиссии Тверского педагогического института. На заседании 1 декабря 1927 года при обсуждении вопросов успеваемости профессор И. К. Андронов обратил внимание на то, что в жалобах студентов III курса просматривается простое стремление «избавиться от сдачи того или иного курса или стремление урезать те или иные зачётные требования. Студенты не умеют учиться, не хотят достаточно интенсивно работать, постоянно просят урезок и убавок в зачётах, тогда как наши требования всегда умеренны и незначительны и, по существу, дальше никаких урезок уже нельзя производить, всё уже достаточно урезано и от дальнейших убавлений требований будет страдать подготовка выпускаемого педагога. Никаких уступок делать не надо, а нужно горячо рекомендовать студентам заняться собой, серьёзной упорной работой, пополняя постоянно этим свой недостаточный для студента запас знаний» [6]. Профессор И. К. Андронов предложил комиссии не быть слишком снисходительной, так как «студенты и без того имеют недостаточное развитие и слабость подготовки. Нужно дать студентам понятие – меньше обращаться с жалобами и просьбами об отсрочках. Нужно в голову их заложить не микроб увливания от зачётов, а микроб усидчивости к учёбе» [6].

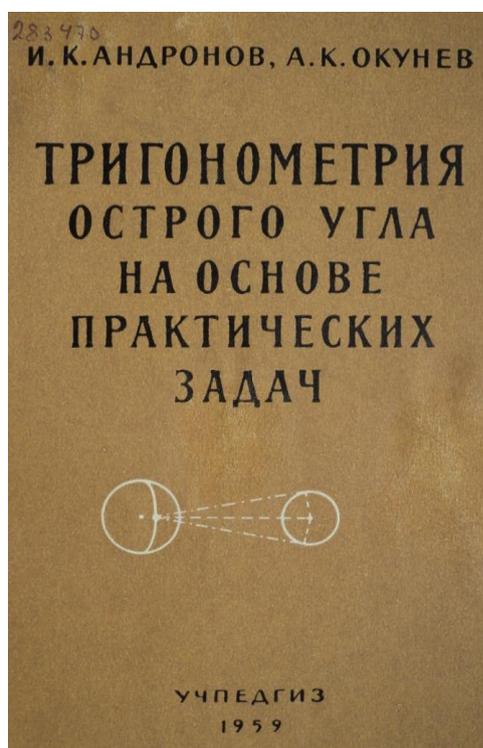
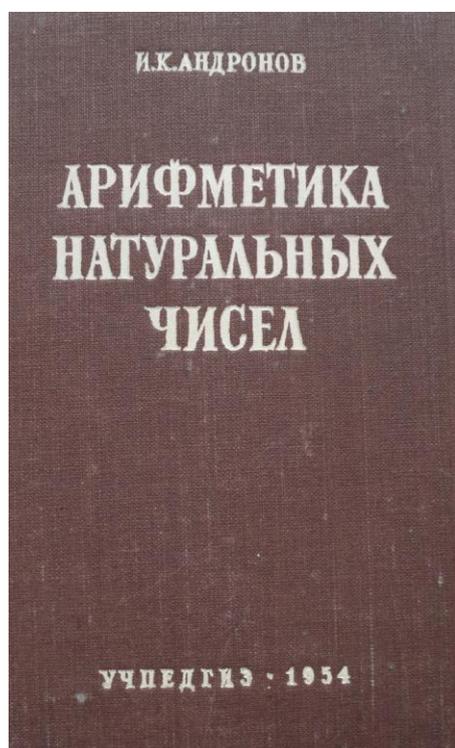
И. К. Андронов большое внимание уделял повышению квалификации учителей математики, выступал на различных курсах и семинарах. В январе 1933 года он проводил учительскую конференцию в Калининне [8].

С 1931 года после перевода Педагогической академии, преобразованной в Академию коммунистического воспитания, в Ленинград И. К. Андронов работал в Московском государственном педагогическом институте. Значительное внимание он уделял вопросам преподавания математики не только в школе, но и в вузах. В «Ученых записках физико-математического факультета МГПИ» была опубликована его статья «О постановке и методах преподавания аналитической геометрии в педагогических вузах» по материалам доклада на конференции профессорско-педагогического состава [14]. После выступления против ликвидации методик как самостоятельных дисциплин, проводившейся директором института, Андронов вынужден был перейти на работу в Московский областной педагогический институт. С 1933 года до конца своей жизни он заведовал кафедрой высшей алгебры, элементарной математики и методики преподавания математики.

В 1934 году ему была присвоена степень кандидата педагогических наук без защиты диссертации. С 1940 по 1961 год он одновременно заведовал кафедрой высшей математики в Московском инженерно-экономическом институте [14; 16].

Иван Козьмич был блестящим лектором, обладавшим глубокими знаниями, широкой эрудицией, феноменальной памятью. Лекции по истории математики он читал артистично, имитируя голосом и жестом различных исторических личностей, о которых шла речь (Б. Паскаль, И. Кеплер и т. д.), и цитируя по памяти обширные отрывки из их сочинений, называя при этом том, год издания, страницу и номер абзаца (сверху или снизу) [2; 15]. Многочисленные лекции И.К.Андропова, доклады на разнообразных научно-методических мероприятиях в различных городах Советского Союза неизменно привлекали внимание учителей математики, воодушевляли слушателей, создавали обстановку творческого подъёма.

Вместе с А. К. Окуневым он практически создал современный курс элементарной математики. Итог этой работы – программа по элементарной математике для педагогических институтов и ряд работ И. К. Андропова: «Арифметика натуральных чисел», «Арифметика дробных чисел и основных величин», «Арифметика» (в соавторстве с В. М. Брадисом) «Арифметика. Развитие понятия числа и действий над числами», «Математика действительных и комплексных чисел».

В этих книгах получила дальнейшее развитие логически завершенная концепция изложения учения о числе [17]. Широко известны

написанные совместно с А. К. Окуневым книги: «Тригонометрия острого угла на основе практических задач», «Основной курс тригонометрии, развиваемой на целесообразных задачах», «Курс тригонометрии, развиваемый на основе реальных задач», «Арифметика рациональных чисел». Иван Козьмич – автор нескольких учебников для школы: «Арифметика, 5–6 класс» (совместно с В. М. Брадисом, 1962), «Математика, 4 класс» (совместно с Ю. М. Колягиным, Е. Л. Мокрушиным, Е. С. Беляевой, 1969). В учебнике И. К. Андропова «Математика для техникумов (курс единой математики)» (1965) реализованы идеи о прикладной значимости математики и её воспитывающей роли, осуществлена попытка объединения традиционных математических дисциплин с выходом на прикладную ориентацию курса математики [1; 15].

Развитию школьного математического образования в СССР, жизни и деятельности многих советских педагогов-математиков посвящена книга И. К. Андропова «Полвека развития школьного математического образования в СССР».

И. К. Андронов – автор более 100 печатных работ по математике, истории математики и математического образования, методике преподавания математики. Все программы по методике математики, (с 1918 года до 1970 года) составлялись под его руководством [15]. Он активно участвовал в разработке программ для начальной и средней школ, для учительских и педагогических институтов, входил в состав экспертных комиссий по математическим и педагогическим наукам при Министерстве высшего образования СССР. Свыше 30 лет он плодотворно работал в редакционной коллегии журнала «Математика в школе», способствовал созданию журналов «Народное просвещение», «Математическое образование» [1].

И. К. Андронов был хорошо знаком с преподаванием математики в других странах, состоял в обширной переписке с иностранными учеными, участвовал в Международных конгрессах по математическому образованию.

С 1959 года И. К. Андронов руководил семинаром «Передовые идеи в преподавании математики в СССР и за рубежом». Под его руководством защищены 110 диссертаций [15; 17].

С первых лет педагогической деятельности И. К. Андронов собирал старинные рукописи, антикварные книги, классические и современные работы по математике. Около 43 тысяч томов насчитывала созданная им библиотека. Ею постоянно пользовались многочисленные ученики и коллеги Ивана Козьмича [2; 15; 17].

По мнению И. К. Андропова, для того, чтобы люди чувствовали себя счастливыми, им необходимы три составляющие: «здоровье, вторая

половина – любимый человек и работа, в процессе которой ты сумел намыть мешочек золотого песка и, как трудолюбивая пчела, отнести и вложить его в соты общего здания человеческих знаний, человеческой культуры» [17].

В 1957 году И. К. Андронов был избран членом-корреспондентом Академии педагогических наук РСФСР. В 1964 году ему было присвоено звание заслуженного деятеля науки РСФСР.

За заслуги в области народного образования И. К. Андронов награжден орденами Ленина и Трудового Красного Знамени, медалями имени К. Д. Ушинского и имени Н. К. Крупской.

Умер Иван Козьмич Андронов 11 ноября 1975 года.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Ахулкова Е. С., Петрова М. А., Сафразбекян Р. А. Иван Козьмич Андронов (1894 – 1975) // Математика в школе. – 1984. – № 5. – С. 78.
2. Брадис В. М. Иван Козьмич Андронов (к восьмидесятилетию со дня рождения) // Математика в школе. – 1974. – № 2. – С. 48-49.
3. ГАТО. Ф. Р-1213. Оп. 1. Д. 10. Л. 16.
4. ГАТО. Ф. Р-1213. Оп. 1. Д. 48. Л. 9.
5. ГАТО. Ф. Р-1213. Оп. 1. Д. 50. Л. 33.
6. ГАТО. Ф. Р-1213. Оп. 1. Д. 64. Л. 51-52.
7. ГАТО. Ф. Р-1213. Оп. 1. Д. 86. Л. 9-11.
8. ГАТО. Ф. Р-1213. Оп. 1. Д. 294. Л. 60.
9. ГАТО. Ф. Р-1213. Оп. 1. Д. 477. Л. 1.
10. ГАТО. Ф. Р-1213. Оп. 2. Д. 107. Л. 76.
11. ГАТО. Ф. Р-1213. Оп. 2. Д. 112. Л. 9.
12. ГАТО. Ф. Р-1213. Оп. 2. Д. 128. Л. 165.
13. ГАТО. Ф. Р-1213. Оп. 2. Д. 104. Л. 26.
14. Депман И. Я. Иван Козьмич Андронов // Математика в школе. – 1954. – № 5. – С. 71–73.
15. Колягин Ю. М. Русская школа и математическое образование. – М., 2001. – С. 179–181.
16. Новосёлов С. И. Иван Козьмич Андронов (к семидесятилетию со дня рождения) // Математика в школе. – 1964. – № 3. – С. 83–84.
17. Шапкина В. Н. Иван Козьмич Андронов // Математика в школе. – 1987. – № 4. – С. 2–3 обложки.

ИРИНА ИВАНОВНА ДЬЯКОНОВА (к 100-летию со дня рождения)

Юрий Григорьевич Папулов
заведующий кафедрой физической химии ТвГУ

И.И. Дьяконова

Ирина Ивановна Дьяконова (1913–1993) – российский химик-органик [1–3]. Родилась 28 ноября 1913 года в Калязине в семье учителя. Ее отец, Иван Георгиевич Дьяконов (1889–1940) – выпускник Петровской сельскохозяйственной (ныне Тимирязевской) академии (1922). С 1923 года он работал в Тверском (Калининском) пединституте. Был зав. кафедрой сельского хозяйства (с 1932 г.), деканом факультета естествознания (с 1935 г.). Доцент (1934), кандидат сельскохозяйственных наук (1938).

Похоронен в Твери на Неопалимовском кладбище; перезахоронен (1952) на Николо-Малицком кладбище. В Твери есть улица Дьяконова [4;5].

Семья Дьяконовых (снимок довоенного времени). В первом ряду (слева направо):
Софья Ивановна Дьяконова (сестра), Лидия Павловна Дьяконова (мать);
во втором ряду (слева направо): Иван Георгиевич Дьяконов (отец),
Елена Ивановна Широкова (сестра), Яков Иванович Дьяконов (брат),
Ирина Ивановна Дьяконова

В 1929 году Ирина Ивановна поступила в Тверской пединститут, который окончила в 1933 году «с присвоением ей звания педагога и права преподавать химию во всех средних заведениях: в техникумах, рабфаках,

школе 10-летке и школах ФЗУ» (копия аттестата И. Дьяконовой об окончании института с выпиской успеваемости по дисциплинам приведена в [4]).

В 1933–1934 годах она работала лаборантом на кафедре химии Калининского пединститута, затем училась в аспирантуре Воронежского университета и (с 1936 г.) Московского госпединститута им. К. Либкнехта, после окончания которой (в 1939 г.) вернулась ассистентом на кафедру химии Калининского пединститута.

Выпуск студентов-химиков IV курса Калининского пединститута, 1938 г.
Третий справа во втором ряду декан И.Г. Дьяконов

Кафедра химии Калининского пединститута, 1945 г.
Сидят (слева направо): ст. преп. Ю.В. Плетнер, ст. лаб. Е.И. Быкова,
доц. В.С. Малиновский, доц. П.Г. Угрюмов. Стоят (слева направо):
препаратор А.С. Кузьмина, лаб. Т.И. Петрова, к.х.н. И.И. Дьяконова

В 1940 году И.И. Дьяконова защитила кандидатскую диссертацию и получила ученую степень кандидата химических наук; в 1946 году она была утверждена в ученном звании доцента. В разные годы заведовала кафедрой химии пединститута (см. ниже).

На демонстрации. Справа налево: к.п.н. Г.А. Кайгородова, к.х.н. Л.И. Немцева, С.А. Семенова, к.х.н. И.И. Дьяконова, Г.Г. Уварова, к.х.н. Ю.Г. Папулов и др., 1968 г.

На занятиях по биохимии в пединституте, 1969 г. В первом ряду (третья слева) – доц. И.И. Дьяконова. Среди студентов крайняя справа во втором ряду ее племянница – Ирина Яковлевна Дьяконова

На высоком научном уровне И.И. Дьяконова читала лекции по органической химии и биохимии. Педагогическую работу сочетала с научной деятельностью, была участником IX Менделеевского съезда по общей и прикладной химии (Киев, 1965 г.). Уйдя на пенсию в 1972 году, она не порывала связей с университетом.

С именем И.И. Дьяконовой связан большой и сложный период в жизни Калининского пединститута и университета. В то время здесь работали такие известные химики, как профессора А.Д. Александров, В.И. Пелевин, П.П. Кондрацкий, доценты С.В. Дмитриенко, П.И. Лерх, В.С. Малиновский и др.

В 1935/36 учебном году в пединституте среди 5 факультетов сформировались факультеты естествознания (декан И.Г. Дьяконов) и географии, которые в 1952 году были объединены в естественно-географический факультет. Во время войны и послевоенный период на кафедре химии работали доценты П.С. Малиновский (зав. кафедрой до 1954 г.), И.И. Дьяконова (зав. кафедрой 1954–1958), П.Г. Угрюмов, О.С. Попов (1955–1958), преподаватели Ю.В. Плетнер, Е.И. Быкова, В.Б. Драницына, Т.В. Рюхина и др. Однако вскоре (1958) кафедра химии была упразднена*. Ирина Ивановна Дьяконова была освобождена от заведования кафедрой и оставлена в должности доцента по группе самостоятельных дисциплин (из записи в трудовой книжке).

В июне 1963 года на должность доцента кафедры физики физико-математического факультета Калининского пединститута был избран автор настоящей статьи – выпускник кафедры физической химии МГУ к.х.н. Ю.Г. Папулов, работавший до этого начальником физико-химической лаборатории ВНИИ синтетических волокон (г. Калинин). Осенью 1963 года в пединституте было вновь открыто отделение химии и биологии. В 1964 году (ректор В.В. Комин) была восстановлена кафедра химии; зав. кафедрой – доценты И.И. Дьяконова (1965 г.), В.Г. Петров (1965–1968), Ю.Г. Папулов (1968–1969), Л.И. Немцева (1969–1970) и к.т.н. А.А. Аверьянов (1970–1971); члены кафедры – к.х.н. Г.А. Кураков, к.б.н. О.М. Крепак, к.п.н. Г.А. Кайгородова, ст. преп. Е.И. Быкова, ассистенты А.С. Левина, В.А. Захарова, Л.А. Лаврова, Т.А. Сошникова, А.А. Столяров.

На кафедре химии сложился дружный коллектив. Запомнились ноябрьские вечера у И.И. Дьяконовой (ул. Крылова, 42), связанные с ее днем рождения. Всегда было много гостей. Звучали шутки, загадки, шарады. Томадой был ее большой друг и поклонник к.г.н., доц. М.М. Бочаров, известный географ, зав. (единой в то время) кафедрой географии (1961–1965) пединститута. Михаил Михайлович в течение ряда лет был деканом естгеофака (скоропостижно скончался 21 мая 1966 г. на 59-м году жизни) [6].

---

* Директором (ректором) института был в это время П.П. Полянский (1946-1964), который жил в том же корпусе № 1, где располагалась химия. Злые языки утверждают, что такое соседство оказалось несовместным.

С преобразованием пединститута в университет (1971) вместо естгеофака (1952–1971 гг.) возник химико-биологический факультет (специальности – химия, биология и география). Кафедра химии разделилась на две: 1) кафедру неорганической химии; зав. кафедрой – д.х.н., проф. И.Л. Крупаткин (1971-85) и д.х.н., проф. И.П. Горелов (1985-2007) ии 2) кафедру органической и биологической химии; зав. кафедрой – к.т.н. А.А. Аверьянов (1971-72); д.х.н., проф. Ю.Г. Папулов (1972-73); д.б.н., проф. А.В. Сергеев

(1973); д.х.н., проф. А.С. Чеголя (1974-82); д.х.н., проф. И.П. Горелов (1982-85). В июне 1973 г. образовалась кафедра физической химии в (во главе с Ю.Г. Папуловым), которой в 2013 г. исполнилось 40 лет.

Отличительной чертой И.И. Дьяконовой были глубокие и разносторонние знания, яркий интеллект и ясный ум, личное обаяние и доброжелательность, всегда привлекавшие к ней людей [1].

Ирина Ивановна умерла 22 июля 1993 г. Похоронена в Твери на кладбище «Лебедево». Светлая память об Ирине Ивановне хранится в наших сердцах.

Автор выражает благодарность к.б.н., доценту кафедры органической химии ТвГУ А.С. Левиной, своей жене Л.В. Папуловой (Чулковой), а также И.Я. Дьяконовой (племяннице Ирины Ивановны Дьяконовой) за ценные сведения по теме статьи.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Папулов Ю.Г., Левина, А.С. Столяров А.А. и др. Прощальное слово // Вестн. ТвГУ. – 1993. – № 3.
2. Папулов Ю.Г., Чулкова Л.В. Памятные даты. Тверской химический хронограф // Вестн. ТвГУ. Сер. “Химия”. – 2003. – № 1. вып. 1. – С. 127–130.
3. Папулов Ю.Г., Чулкова Л.В. Памятные даты. Тверской химический хронограф. // Вестн. ТвГУ. Сер. “Химия”. – 2008. – № 32 [92], вып. 7. – С. 101–103.
4. Папулов Ю.Г., Чулкова Л.В. Из истории химии в Тверском университете // Тверская история. Каргинские краеведческие чтения 2007 года, посвященные 100-летию В.А. Каргина. – Тверь: ТвГУ, 2008. – Вып.1. – С. 38–46.
5. Папулов Ю.Г. Химия в Тверском университете: от школы Максимовича до наших дней // Тверская история и наука России. Каргинские краеведческие чтения. – Тверь: ТвГУ, 2011. – Вып. 4С. 37–42.
6. Папулов Ю.Г., Лебедев Н.М. Химики России на Тверской земле. – Тверь: Твер.гос.ун-т, 2013. – 148 с.

ТОРЖОК – ДРЕВНЕЙШИЙ ГОРОД ТВЕРСКОЙ ОБЛАСТИ

Владимир Борисович Финкельштейн

В России 1016 городов, в том числе 46 древних, возникших еще до нашествия хана Батые на Русь в 1237–1238 годах. В следующий затяжной период, включавший 532 года, на Руси возникли 212 городов. За короткий период в 26 лет, в который императрица Екатерина II провела административную реформу, в России возникли или получили статус города 176 городов. Далее шли XIX век и первые 17 лет XX века, когда в России возникли 72 города, главным образом на юге и востоке страны. Львиную долю городов Российской Федерации – (60%) составляют города, возникшие при советской власти с 1918 по 1991 год.

Наш взор сейчас направлен на территорию коренной России, где возникли древнейшие русские города. Первыми из них являются: Великий Новгород (859 г.), Смоленск (862 г.), Ростов (862 г.) и Муром (662 г.). Далее, уже в X веке, возникли: Псков (903 г.), Углич (937 г.), Трубчевск (975 г.), Брянск (985 г.) и Курск (990 г.).

К XI веку относятся 8 городов, среди которых узнаются и города Тверской области: Казань (1005 г.), Ярославль (1010 г.), Торжок (1015 г.), Ржев (1095 г.).

Итак, Торжок среди городов России занимает 12-е место. Он является древнейшим городом Тверской области. А Тверская область занимает первое место среди субъектов РФ по количеству древних

городов, возникших по XIII век включительно. Таких городов в нашей области – 8: Торжок, Ржев, Торопец, Тверь, Бежецк, Зубцов, Кашин, Старица. Затем идут: Московская область – 6 городов, Владимирская, Ярославская, Смоленская, Брянская и Калужская области – по 4 города, Вологодская область – 3 города, Новгородская, Псковская, Нижегородская, Костромская, Курская и Ленинградская области – по 2 города, Рязанская, Дагестан, Татарстан, Тульская и Липецкая области – по одному. И все!

Древность города подтверждается обычно памятником архитектуры, живым или мертвым. Самым древним памятником архитектуры на территории РФ является комплекс Дербента, состоящий из крепостных стен и башен, цитадели Нарин-Кала и других, относящихся к VI веку. Великий Новгород сохранил самый древний памятник русской архитектуры – Софийский собор, построенный в 1045–1052 годах.

Вид Торжка с вертолётa на монастырь Бориса и Глеба

Архитектурные памятники XII века сохранились в том же Великом Новгороде, Смоленске, Пскове, Переславле-Залесском, Владимире и Старой Руссе. Были две постройки этого столетия и в Торжке. Остатки одного из них – собора Борисоглебского монастыря – обнаружены в ходе раскопок в 1989 году, другой – Спасо-Преображенский собор – был разобран в 1815 году. Эти постройки были бы сегодня самыми древними на территории Тверской области. Сегодня, самыми древними (живыми) памятниками архитектуры на территории нашей области являются: церковь Рождества Богородицы села Городня (бывший город Вертязин),

XVI век (подклет), умирающий собор Антониева Краснохолмского монастыря, конец XV века, Успенский собор одноименного монастыря в Старице, 1530 год, церковь Белая Троица в Твери, 1564 г. и собор Оршина монастыря, 1569 г.

Красив древний Торжок

Красоту Торжку создают архитектурные ансамбли и комплексы в сочетании с холмистым рельефом местности и рекой Тверцой.

Географическое положение Торжка с точки зрения прохождения через него торговых путей выгодное. Но с политической точки зрения он, в прошлом принадлежавший Великому Новгороду, проигрывал, так как находился слишком на большом удалении от него. Одной из причин того, почему в городе не сохранились древнейшие постройки, стало его частое

разорение неприятелем. Торжок многократно принимал удары на себя, защищая столицу феодальной республики от нашествия татаро-монголов, сильных соседей русских княжеств, литовских князей. В XIII–XV веках Торжок развивался как важный пограничный форпост на юго-восточных границах владений Великого Новгорода. Героическая двухнедельная оборона Торжка в 1238 году от войск хана Батые спасла от разорения Новгород. Сам же Торжок при этом был сожжен. Неоднократно он подвергался

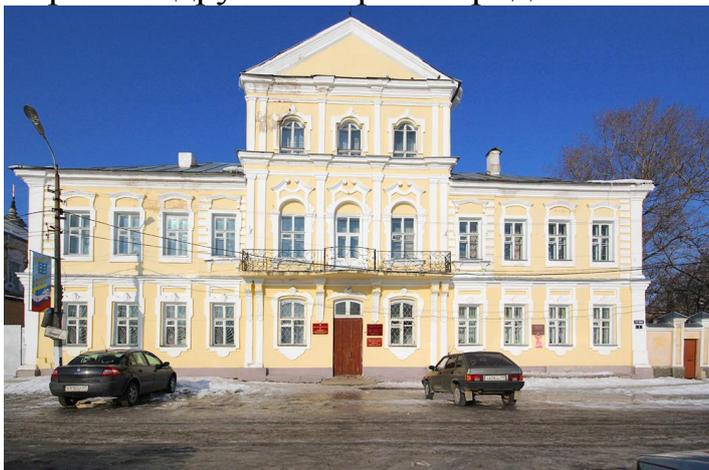
нападениям и захватам со стороны владими́ро-суздальских (1139, 1146, 1168, 1181 гг.), тверских (1315, 1372, 1445 гг.), московских (1340, 1392, 1471 гг.), торопецких (1210 г.) и литовских князей. Но как птица Феникс город возрождался на прежнем месте вновь и вновь. Торговый узел побуждал город вновь вставать на ноги и жизнь продолжалась.

Казалось бы, с образованием централизованного Русского государства при Иване III разорения Торжка должны были прекратиться. Но разорения города Иваном IV Грозным в 1569 году и польскими интервентами в 1609 году опровергают эту иллюзию, И только после того, как Петр I отодвинул государственные границы от Торжка, сделав его тыловым городом, оккупациям он больше не подвергался.

Петр I «прорубил окно в Европу», вывел страну на берега Балтийского моря, основал город-порт Санкт-Петербург, сделав его

столицей России. По воле Петра I была создана Вышневолоцкая водная система, которая включила реку Тверцу. Торжок, стоящий на Тверце, получил мощный импульс к экономическому росту. Разбогатевшие торжокские купцы начали строить каменные храмы, которыми они заменяли небольшие и малопривлекательные деревянные постройки. От времен, когда деревянные храмы господствовали в городском ландшафте, сохранилась **церковь Вознесения**, построенная из дерева в 1717 году. Высокое мастерство демонстрировали местные плотники, создав величественный ярусный храм с тремя восьмериками.

Город Торжок близко расположен к Твери, ставшей в 1775 году центром наместничества, а в 1796 г. – Тверской губернией. Торжок вошел в состав нового административного образования как центр уезда. В задачу губернских архитекторов входило создание генеральных планов уездных городов Тверского наместничества, составление проектов культовых и гражданских построек не только для губернского центра, но и для Торжка. Поэтому прослеживается стилевая направленность в архитектуре Твери, Торжка и других старых городов нашего края.

Здание магистрата

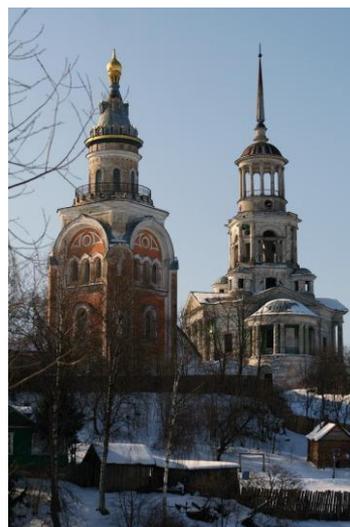
Во 2-й половине XVIII века в развитии архитектуры всех городов Тверского наместничества наступил крутой поворот, связанный со становлением классицизма. Процесс становления архитектуры классицизма наблюдается на ряде построек Торжка. Но дома, возведенные в 1770–1780-х годах, отличаются еще барочным

убранством фасадов с пилястрами по углам и между окнами, с рамочными наличниками, имеющими замковые камни, уши, фартуки. Лучшее других сохранился такой декор в двухэтажном доме по улице Подольной, 7. Влияние барокко проявилось особенно ярко в **здании магистрата** (пл. 9 января, 1–3), представляющем нарядную дворцовую постройку на торговой площади в духе елизаветинского барокко.

Становлению раннего классицизма в гражданской архитектуре городов Тверского наместничества способствовало применение в последней четверти XVIII века образцовых проектов для некоторых типов общественных зданий. Наиболее значительным из них был проект для уездного Присутственных мест и дома городничего и казначеев, разработанный, очевидно, П.Р. Никитиным и утвержденный в качестве образцового тверским наместником Я.Е. Сиверсом. Проект был

осуществлен в 1777 году в Торжке и Вышнем Волочке. В Торжке использован для двух зданий на Дворцовой площади (пл. Революции, 1–3 и 2–4). Тот же проект был использован и для городов некоторых других губерний—Тульской, Калужской, Новгородской, Псковской, Ярославской, Вологодской и проч.

Особо следует остановиться на творчестве выдающегося архитектора–земляка новаторов–Николая Александровича Львова, который жил с 1753 по 1803 год. В 1785–1796 годах по его проекту был построен собор Борисоглебского монастыря в Торжке – одно из самых совершенных произведений зрелого классицизма на территории Тверской области. Кубический объем пятиглавого храма с четырех сторон акцентирован портиками римско-дорического ордера. Массивный центральный восьмигранный барабан господствует над небольшими цилиндрическими барабанами боковых глав. Тема пятиглавия благодаря этому получает подчиненное значение, а все здание уподобляется светскому сооружению–загородному дворцу.

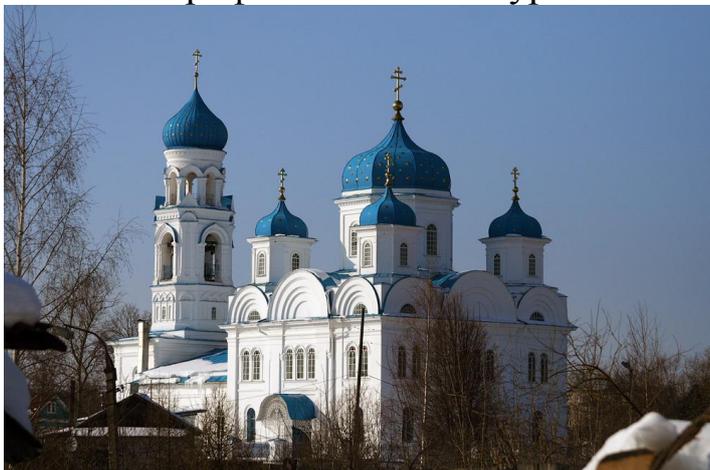
Борисоглебский собор монастыря, Свечная башня и колокольня

Надвратная колокольня Борисоглебского монастыря была построена в 1804–1811 годах уже после смерти Львова. Колокольня – наиболее выразительное произведение Николая Александровича. Она имеет вполне законченные черты зрелого классицизма. Строил колокольню бывший первый губернский архитектор Нижнего Новгорода Яков Ананьевич Ананьев. В 1797 году он переехал в село Никольское под Торжком к Львову, чтобы обучать крестьян глинобитному строению. Он умер вскоре после сооружения колокольни.

Церковь Климента (ул. Луначарского, 12), построенная еще в 1685 году, перестраивалась в 1835 году. Завершение колокольни в виде ротонды-беседки можно объяснить влиянием приемов и форм, характерных для Николая Александровича Львова. Влияние Львова

отразилось в архитектуре Воскресенской церкви (ул. Грузинская, 7-а). Колокольня не сохранилась. Вероятно, по проекту Н.А. Львова построена в 1811 (или 1814) году Часовня Животворящего креста у пешеходного моста.

В 1809–1815 годах в Твери работал К.И. Росси, архитектор, который позже создал величественные ансамбли в Санкт-Петербурге. От раннего Росси в Твери сохранились несколько жилых домов и собор Христорожественского монастыря, построенный в 1813–1820 годах по проекту 1811 года. По этому же проекту в Торжке в 1820–1822 годах сооружен городской Спасо-Преображенский собор, чей монументальный объем и сейчас играет заметную роль в панораме города. Пятиглавые величественные храмы в Твери и Торжке, стали первыми на территории Тверской области зданиями в стиле ампир, отмеченные к тому же высоким профессиональным уровнем.

Михайловский собор

В стиле ампир в Торжке построены приходские церкви – Ильинская (1822 г.), Покровская (1823 г.). В Ильинской церкви в 1826 году находилось тело покойного императора Александра I при перевозе его из Таганрога в Санкт-Петербург. Церковь была закрыта в 1927 году и частично разрушена (снесены барабан и верхние ярусы

колокольни). Протоиерей церкви Александр Вершинский 8 декабря 1937 года был расстрелян. В 2001 году он был причислен к лику святых. Здание церкви несколько десятилетий было использовано под общежитие, затем склад. В 2004 году начались восстановительные работы и 12 марта 2005 года в Ильинской церкви совершил первую божественную литургию архиепископ Тверской и Кашинский Виктор. Ильинская церковь приобрела новый статус – она стала первым после 1917 года подворьем Ниловой пустыни.

Покровская церковь, к сожалению, до сих пор стоит в руинном состоянии, она заброшена. Губернский архитектор Иван Федорович Львов в стиле ампир составил проект, по которому в 1838–1840 годах в торжокском Воскресенском монастыре была построена церковь Иоанна Предтечи. Она представляет собой двухъярусную купольную ротонду с фасадами, обработанными квадратным рустом и дорическими пилястрами.

Благодаря удачно найденным пропорциям храм занимает достойное место в комплексе монастыря и в панораме центральной части левобережья Торжка. Он же в 1837–1842 годах построил соборную Входаиерусалимскую церковь. Ярусная колокольня этого храма увязывала в единый архитектурный ансамбль Спасо-Преображенский собор. Но колокольня и барабан церкви в 1930-е годы были разрушены. Барабан с куполом восстановили в 1979 году, колокольня восстановлена не была.

Архитектура второй половины XIX века в Тверской губернии отмечена развитием различных эклектических течений и направлений. Представителем этого стиля в Торжке является *церковь Михаила Архангела*, построенная в 1850–1865 годах в так называемом русско-византийском стиле. Это значительный по размерам пятиглавый храм с ярусной колокольней.

Для города, стоящего на берегах реки, важное значение приобретают мосты. Первый мост через Тверцу в Торжке был построен и торжественно открыт 30 марта 1883 года. Это был мост с фермами, который предназначался первоначально для железной дороги. 110 лет простоял этот железный мост в Торжке. В 1993 году он был заменен на пешеходный висячий. Длина 80 метров, ширина – 6 метров. В 1967–1970 годах в Торжке был построен еще один мост через Тверцу, который стал основным автодорожным мостом и в городе и на направлении Торжок–Осташков.

Неотъемлемой частью любого исторического культурного города являются памятники монументального искусства. В Торжке неоднократно останавливался великий Пушкин. Поэт не раз упоминает Торжок в своих произведениях. В городе функционирует музей А.С. Пушкина. 2 июня 1973 года на площади Пушкина состоялось открытие памятника А.С. Пушкину скульптора И.М. Рукавишникова. На открытии выступил с речью писатель Борис Полевой.

13 июня 2004 года в Торжке открыт первый в стране *памятник Николаю Александровичу Львову*. Место для памятника выбрано очень удачно: берег Тверцы и панорама центральной части Левобережного Торжка. Скульптор Ю. Карпенко, архитектор В. Городович.

28 апреля 2006 года. Город Тверь.
Финкельштейн В.Б.

К 775-летию битвы на реке Сить

Б.К. Виноградов
Краевед

Битва на реке Сить. Худ. П.И. Бучин, 1943 г., из фондов Угличского историко-архитектурного и художественного музея.

Начало нашествия

Татаро-монгольское нашествие на Северо-Восточную Русь и прилегающую Волжскую Булгарию началось осенью 1236 г. и завершилось осенью 1238 г. Позднее нашествие продолжилось на Южную Русь (1239 – 1242). Причины поражений русских войск достаточно очевидны и хорошо исследованы:

1. В условиях феодальной раздробленности князья не смогли провести мобилизацию личного состава и собрать войско, способное на адекватный ответ силам вторжения, нападение не было внезапным: оно ожидалось, целый год монгольские войска (150–200 тыс. человек) с трудом громили Волжскую Булгарию (100 000 человек) на границах Рязанского и Владимиро-Суздальского княжеств. Тысячи беженцев разместились во Владимирском княжестве.

Юрий Всеволодович через монаха Юлиана осенью 1237 г. предупредил венгерского короля Белу IV о наличии планов у татар захватить венгерское королевство. Могли ли русские князья собрать достойную силу, способную противостоять монголам? Безусловно, могли, поскольку в 1232 – 1233 гг. Владимирский князь Юрий Всеволодович сам

совершил со своим войском поход в эту же Булгарию и легко нанёс им и соседним буртасам поражение. В свою очередь, Булгария ещё в 1223 г.

Икона благоверного великого князя
Юрия Всеволодовича

нанесла поражение монгольским войскам Субедэя, возвращавшимся за Волгу после успешной битвы с киевскими войсками на реке Калке. Как видим, силы были примерно равны, боевой потенциал, безусловно, был в наличии у русских князей, но не был своевременно мобилизован.

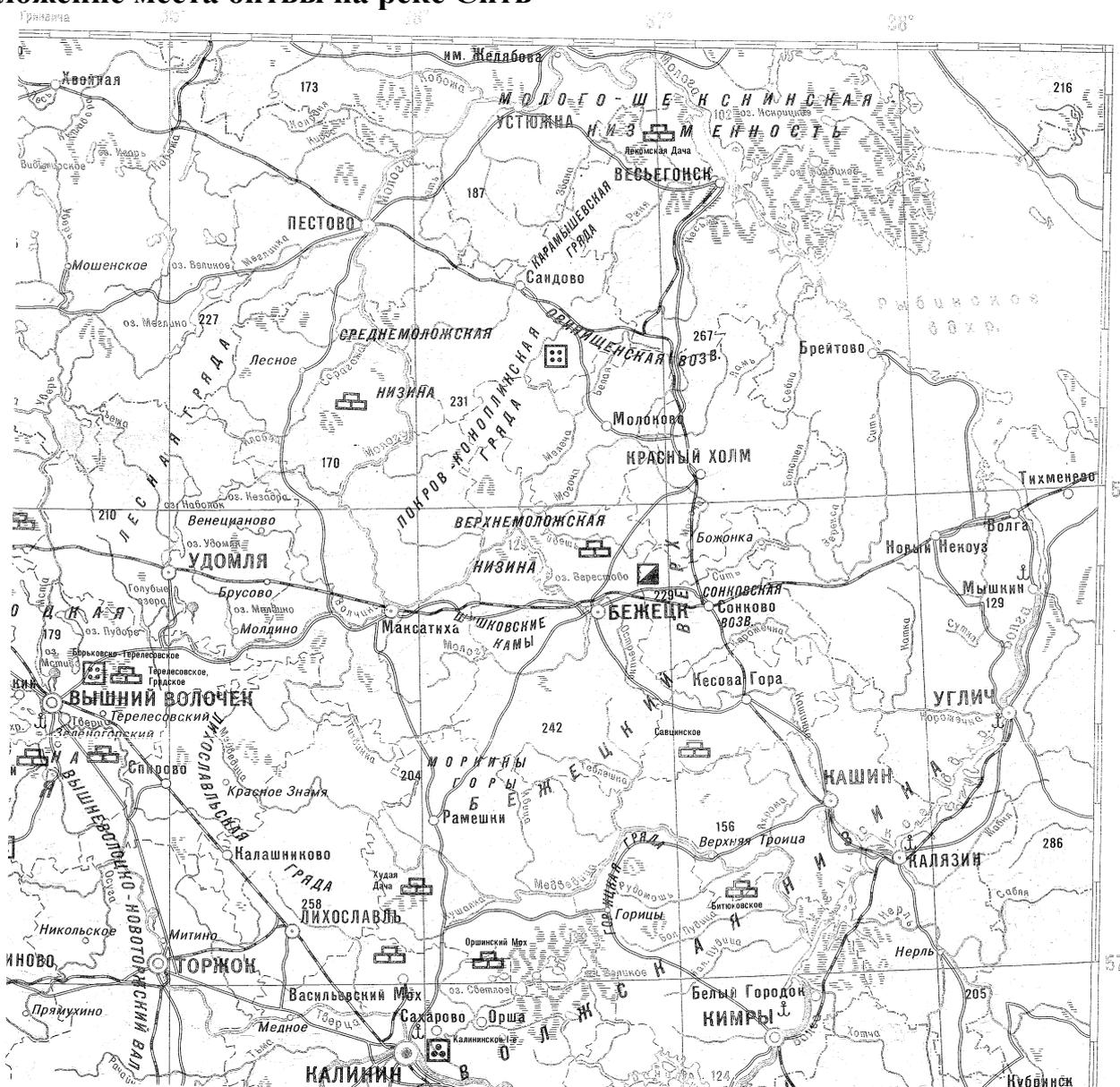
2. Вторая причина заключается в наличии второго фронта агрессии с запада – против русских княжеств. Брат Юрия Всеволодовича (1188–1238) новгородский князь Ярослав Всеволодович (1195–1246, отец Александра Невского), в эти же годы противостоял нашествию Тевтонского ордена и Ордена Меченосцев в союзе со Швецией в течение 1229–1250 гг. В 1234 г. войска Владимирского княжества вместе с новгородцами отражали нашествие тевтонов, разгромив их около Дерпта, где

участвовал юный Александр Невский. Уже через два года после битвы на реке Сить в помощь новгородцам (Александру Невскому) пришли небольшие владимирские дружины для сражения со шведами на реке Неве (1240 г.) и с тевтонскими рыцарями на Чудском озере (1242 г.).

Первой к 21 декабря 1237 г. пали Рязань и всё княжество. Владимирский князь Юрий Всеволодович собрал все имевшиеся боевые силы, соединённые в важном пункте – под Коломной. Здесь в бою великокняжеского войска участвовали остатки рязанских и пронских полков под руководством рязанского князя Романа Игоревича и воеводы Еремея Глебовича, а также были «Новгородцы со своими вои» и ополчения отдельных городов (Москвы и др.). Генеральное сражение было ожесточённым, но проигранным. Войско 1 января 1238 г. было разбито под Коломной. 20 января пала Москва, затем пали отдельные города один за другим. В течение только февраля 1238 г. пали 14 городов княжества, в том числе: Суздаль – 4 февраля, Владимир – 8 февраля и Ростов 21 февраля. Пала Тверь, 21 февраля началась осада Торжка, который пал 5 марта. Великий князь Юрий Всеволодович поручил оборону столицы воеводе Петру Ослядяковичу и сыновьям Всеволоду и Мстиславу. Сам князь с дружиной уехал на северо-запад и разбил свой воинский стан на реке Сить. В летописях указано, что Юрий Всеволодович не прямо пошёл к Сити, а через Волгу из Углича по реке Корожечне до Коя: «А сам, поехав на Волгу с сыновцы (племянниками) своими, с Всеволодом и Владимиром и ста на Сити станом, ждучи к себе брата Ярослава и Святослава с полки» (Летопись I Новгородская ПСРЛ, т.1, 1841). Он, по всей вероятности, временами отлучался

из стана на Сити для посещения Ярославля и других городов. Никоновская летопись очень кратко указывает движения татар после взятия Владимира и Суздаля: «Оттуда татары пошли на великого князя Юрия, а другие пошли к Ростову, третьи – к Ярославлю и взяли его; иные пошли на Волгу и на Городец и попленили всё по Волге до Галича Мерьского». Среди других путей главной целью татар оставалось преследование остатков русских дружин: «пошли на великого князя Юрия», наседая и преследуя его по пятам, не давая времени собраться с силами. Летописец разъясняет смысл этого маневра князя Юрия: «Еха на Волгу совокупляти вое противу татаром». Не имея шансов на победу, князь уклонялся от битвы в надежде со временем собрать более боеспособное войско. Однако татары непрерывно шли по следам отступающих войск

Положение места битвы на реке Сить

Район боевых действий

Район реки Сить вокруг села Божонка тяготел к старинным торговым трактам, фрагменты которых местами хорошо сохранились и сегодня. Они показаны на картах Менде (1850) и Стрельбицкого (1871):

1. Из Новгорода по реке Чагодоша подходила к Мологе и Весьегонску большая дорога, прикрытая лесами. Дальше она шла вниз по Мологе и её правому берегу до Волги.

2. С севера из Белозёрского монастыря на юг шла большая дорога «Белозёрка» через Череповец – Николо-Раменье – Весьегонск – Кашин на Волгу. По этой дороге в 1848 г. проехал писатель М.П.Погодин из Белозёрска до села Божонки. О ней упоминал В.А.Плетнёв (1903). Эти главные дороги пересекались у Весьегонска на реке Мологе. «Белозёрка» от Весьегонска шла на юг через деревню Лаврово (в верховьях Сити), пересекая реку у деревни Литвиново и села Богоявленское и проходя через деревни Задоры, Пищалкино, Добрыни на Пуршево и к деревням Василёво, Перетерье и Кобылино, стоящим на реке Корожечне. В деревне Кобылино основная ветвь «Белозёрки» уходила с левого на правый берег Корожечны в деревню Марьино и деревню Белозёрка и далее – прямо на юг через деревни Лбово, Фенево, Брылино. После Брылино тракт шёл вдоль реки Кашинки через Матвеевское, Павловское, Ляхово, Юрино, Ластома, Ромацино – Высоково и далее на Кашин. После него тракт шёл вдоль реки Медведицы через Шеренский лес (речка Шеренка), выходя на Волгу рядом с устьем реки Нерли, идущей со стороны Переславля – Залесского из озера Плещеево.

3. Вторая ветвь тракта «Белозёрка» от деревни Перетерье шла через село Кой, Лемехово – на Углич. Она проходила по реке Корожечне и выходила к Угличу на Волге (т.н. Угличский тракт Кой – Углич).

4. Другая древняя дорога проходила с запада на восток. Она шла вдоль реки Волчины на Бежецкий Верх, выходила к Бежецку. Далее она продолжалась как «Бежецко–Рыбинский тракт». Шла через Сабурово (нынешнее Сонково), Корнеиху, Федосеиху, Раменье и выходила к Волге и далее – в Рыбинск. Об этом тракте также упоминает М.П. Погодин. Два древних тракта («Белозёрка» и «Бежецко-Рыбинский») пересекались между деревнями Пищалкино и – Добрыни: через 65 км Бежецко – Рыбинский тракт выходил к Волге.

Таким образом, село Божонка на реке Сить находилось в месте пересечения нескольких важных торговых трактов: в 6 км к западу проходила «Белозёрка»; в 13 км южнее проходил Бежецко – Рыбинский тракт; в 20 км южнее в селе Перетерье начиналось ответвление от «Белозёрки» в виде Кой–Угличского тракта с выходом через 50 – 55 км на Волгу; в 85–90 км севернее в Весьегонск выходил Новгородский тракт. В 120 – 150 км восточнее вдоль Шексны проходил тракт от Ярославля на север до Белозёрского монастыря.

Место вокруг Божонки было издревле заселено. В духовных грамотах угличских князей в XI–XII вв. постоянно указывалась Божонка как административный центр большой округи после Углича и Романово. Дорога с Углича до Божонки и далее на север была древнейшей дорогой. В XIII в. Божонка входила в состав Владимирского княжества. Но и сюда в труднодоступную Божонку церковь прислала своего наставника – попа Вахромея, который построил церковь. А.И. Преображенский записал предание, что « на месте погоста (кладбища) в Божонке был монастырь». В.А. Плетнёв указал на составителя «Генерального соображения по Тверской губернии», записавшего рассказ: « что в Краснохолмской округе издревле было удельное княжение князей Мещерских, и что находящееся ныне около Ярославской границы на реке Сить село Божонка было **городом**, где владеющий князь имел пребывание... Достоверных документов на сие предание не имеется, но некоторые остатки земляного вала и бугров до сих пор видны». Крупных сёл, подобных Божонке, в среднем и нижнем течении Сити не было: о них не известно из духовных грамот. Низовья Сити, видимо, были освоены заметно слабее по сравнению с Божонкой, которая тяготела к богатому Бежецкому Верху, хорошо освоенному за 200 лет колонизации.

Место Юрий Всеволодович выбрал удачно. Стан на реке Сить обеспечивал ряд преимуществ: дремучие леса прикрывали от прямого удара ордынской конницы, пройти сюда по лесным дорогам зимой было нелегко. Князь надеялся отсидеться за лесными чащобами до прихода помощи из северных городов, из многолюдного Великого Новгорода от брата Ярослава. Река Сить в районе Божонки создаёт обширную болотистую территорию. Сама Божонка расположилась на протяжённом крепком возвышенном холме, который с севера, востока и юга был окружён труднопроходимыми болотистыми лесами. Единственным путём подъезда к Божонке был путь с запада – со стороны тракта «Белозёрки» – около 6 км.

Отход войск. Преследование

Отход остатков русских войск происходил от Владимира по двум направлениям. Первое – на север по старинной прямой дороге на Юрьев-Польский (где присоединилась дружина Святослава Всеволодовича – брата Юрия), Переславль-Залесский (родина Александра Невского). Переславль-Залесский занимал важное стратегическое положение на столбовой дороге по двум рекам Нерли (большой и малой) от густонаселённого бассейна Клязьмы к ледовому Верхневолжскому зимнику – к Твери, Торжку и Новгородской земле. Через Юрьев-Польский поставлялось в Новгород зерно по речкам Нерль и Дубна к Волге и далее, а зимой речным путём вверх по Волге, Тверце с волоком во Мсту; другим

путём – по реке Медведице до нынешних деревень Волхово и Новгородка и выходом по реке Большая Тигма в Тверцу и Мсту. Из Переславля Залесского путь войск лежал по вытекающей из озера Плещеево речке Нерль Большая, или Волжская, по Волге – выход к Кашину и далее вверх по речке Кашинке и по тракту «Белозёрка» до села Божонка. Второе направление: войска Василько Константиновича из Ростова (пал 21 февраля) уходило на Углич и далее по реке Корожечне на село Кой и до села Божонка.

Кроме Юрия Всеволодовича на реке Сить собрались князья: брат Святослав из Юрьева-Польского, племянник Василько Константинович из Ростова, племянники Константиновичи – Всеволод (князь Ярославский) и Владимир (князь Угличский) и другие князья. Не смогли прийти до Сити с отрядами Иван Стародубский, а также брат Ярослав Всеволодович из Новгорода Великого. Ростовский епископ Кирилл бросил паству и бежал спасаться в Белозёрский монастырь: «... и тамо избыв ратных». Когда миновала опасность, на обратном пути по «Белозёрке» он заехал на место Ситской битвы у села Божонка, нашёл тело Юрия Всеволодовича и отвёз его через село Кой и Углич в Ростов.

Татары 21 февраля 1238 г. взяли Ростов, затем – Юрьев-Польский и Переславль-Залесский, после Переславля они спустились вниз по Нерли до устья на Волге и сожгли крепость Скнятин. В летописях нет подробностей падения в феврале Костромы, Ярославля и Вологды. Углич был сдан без боя в конце февраля, оборонять его было некому: князь Владимир с отрядом воинов ушёл на Кой и далее в село Божонку. В Угличе Бурундай дал трёхдневный отдых войску. Татары, двигаясь к Божонке по следам русских войск по «Белозёрке», в конце февраля сожгли городок Кашин, Киясову (Кесову) Гору всего в 40–70 км южнее села Божонка, с холма которого было видно зарево пожара. Татары надвигались к Божонке по двум направлениям: от Кашина и от Углича на Кой, соединяясь у деревни Перетерье–Добрыни в единый поток, движущийся на север по «Белозёрке» к месту битвы. Перед началом битвы ставка Бурундай находилась в Кое.

Битва

Времени на строительство укреплений и серьёзную подготовку войск не было. Князь Юрий Всеволодович «повеле воеводе своему Жирославу Михайловичу совокупити войско и укрепляти люди, готовяся на брань. А в сторожи посла мужа храбра Дорофея Семёновича с 3 000 мужей, да увестъ о татарах». Дорофей отъехал от князя и направился на тракт «Белозёрка» навстречу ожидаемого подхода татарских войск. Однако быстро вернулся к князю, «мало отошед, паки возротися и поведа, рекий: “Княже, уже обошли нас татарове... мы их ждали от Бежецка а они пришли от Коя”». Татары подходили по тракту «Белозёрка». И вот

«соступишася на реке Сити обои полки, и бысть брань велия и сеча зла, льяшася кровь, яко вода, надолзе времени никто же хоте уступить. Но к вечеру одолеше безбожнии». Таким образом, события развивались скоротечно в течение одного дня: от обнаружения Дорофеем утром татарских войск, идущих от Коя по «Белозёрке» и до завершения битвы вечером на льду реки Сить около села Божонка и в его окрестностях. Народное предание сохранило название луга «Плотовик» у села Божонка вдоль реки Сить, где по преданию рубились с татарами русские воины. Название луга произошло от того, что после сечи тела лежали плотно, как лес на сплаве. Летопись сообщает: « Убиен быс великий князь Юрий Всеволодович на рице на Сити и вои его мнози погибоша ». Новгородский современник писал: « Бог же есть, како скончася, много бо глаголют о нём иные». М.П. Погодин записал рассказ старожила села Божонка, что отступавший по направлению вниз по реке Сить к селу Могилицы (10 км от Божонки) князь был настигнут и убит у ручья Сидоровского, протекавшего среди заболоченной местности в 5 км восточнее села Божонки.

Тело Юрия Всеволодовича было вывезено ростовским епископом Кириллом, после битвы возвращавшегося из Белозёрского монастыря по тракту «Белозёрка». Он заехал на поле битвы у села Божонка. Епископ перевёз тело князя по Угличскому тракту через Кой и Углич в Ростов, похоронил его в соборном храме. Через год тело князя было перенесено во Владимир в Успенский храм. В 1645 г. было обретено нетленное тело князя и состоялось церковное прославление святого князя патриархом Иосифом в присутствии царя Михаила Фёдоровича Романова.

Два племянника князя и брат Святослав спаслись бегством с частью воинов. Племянник Василько Ростовский попал в плен. После битвы на Сити войска татар двинулись назад по «Белозёрке» к Кашину с выходом на Волгу к Твери. Василько был убит в 24 км юго-западнее Кашина в Шеренском лесу около речки Шеренка, вытекающей из болота Лаптево и впадающей в реку Медведицу около деревни Слободка.

Память потомков

Документальных упоминаний о битве на Сити дошло до нас мало. В глубокую древность уходит почитание церковью места битвы на реке Сить вскоре после битвы. В старину село Божонка называлось молельней, Божьим городком, Божня. Церковь в Божонке всегда была. Писатель М.П.Погодин застал деревянную церковь начала XVIII в.

В церкви всегда был придел благоверного князя Егория – Георгия, память о котором отмечалась 4 (17) февраля. Это единственная церковь вдоль реки Сить и во всей России с таким приделом и такой датой. В 1858

г. был построен каменный храм в русском стиле с заимствованием форм XVI–XVII вв. Этот стиль весьма строг и суров, храм – некое святилище памяти погибших на Сити. Таким образом, служители церкви в глубокой древности первыми в своих записях указали (видимо, со слов епископа Кирилла Ростовского) на место битвы около

Божонки. Столетиями их вывод не менялся, не было других мнений у церкви.

Итоги

Многие исследователи в поисках причин поражения в битве на Сити приводят различные обстоятельства:

1. Военная слабость Юрия Всеволодовича. Хотя до этого сражения он был известен как решительный и умелый воин.

2. Нападение на стан было неожиданным, не вели разведку. Это не так. Владимиро – Суздальцы ожидали нападения, воевода Жирослав Михайлович «совокуплял воев», а Дорофей Семёнович выехал в «сторожи» и обнаружил нападавших там, где и ожидал их встретить, откуда ждали нападения, т.е. с юга, со стороны села Кой. С других сторон движения войск и нападения не было и не указано в летописях. Однако авторских вариантов движения войск, порой, взаимоисключающих, у исследователей очень много.

3. Новгородцы не успели подойти на реку Сить. Обвиняли Ярослава Всеволодовича в нерасторопности и даже предательстве своего брата Юрия Всеволодовича. Это обвинение не оправдано. Ведь за один–полтора месяца отправить гонца из Владимира, собрать войско в Новгороде и доставить его на реку Сить, было невозможно. Войско, скорее всего, не было даже готово, когда битва закончилась. Мобилизация должна проводиться заблаговременно.

4. Высказывалась даже версия, что на Сити монголов вообще не было, а русское войско было разгромлено булгарами в отместку за поражение в 1232 г. Эта версия не подтверждается летописями. Летописцы хорошо знали своих соседей – болгар, но все дружно пишут именно о монголах. К тому же, менее чем за год до битвы болгары сами

были жестоко разбиты татарами и не имели боевых сил для похода на Сить.

5. Некоторые бездоказательно пишут о большом разбросе русских войск на обширной территории вдоль среднего и нижнего течения Сити на 100–140 км. Причём эти 100–140 км якобы были окружены нападавшими. Это явное преувеличение. У Юрия Всеволодовича было не более 10 тыс. воинов. Получилось бы лишь по одному воину на 10 метров обороны! У Бурундая было не более 30 тысяч человек: при таком кольце окружения в 250–300 км приходилось бы по одному человеку на 10 м цепи окружения. Между тем при штурме Владимира он был окружён всеми основными силами Батыя, т.е. около 150 тыс. воинов. При периметре окружения 5 км плотность цепи нападения была в 200 – 300 раз больше, что обеспечивало успех.

6. Это было не генеральное сражение, а рядовая битва, поэтому такого разброса войск не могло быть. Около Божонки битва разыгралась вдоль русла Сити на протяжении не более 10–15 км в треугольнике: Божонка – Могилицы (Соловцы) – Шелдомеж.

7. Место битвы располагалось на берегах реки Сить около с. Божонка, что подтверждается следующими фактами:

1) Место для стана около села Божонки было выбрано из-за наличия рядом с селом нескольких торговых трактов – «Белозёрка», Угличский и Бежецко-Рыбинский, а также Новгородский тракт у Весеьгонска. Это обеспечивало возможность подхода войск из других мест.

2) Стан был защищён с трёх сторон лесами и болотами, в которых были устроены завалы-засеки. Наличие в болотах восточнее Божонки прямых просек для дорог – гатей, выложенных стволами дубов в несколько слоёв; из дубов также строили оборонительные засеки.

3) В летописях прямо указано, что отряд Дорофея, недалеко отошедший от стана князя, быстро вернулся назад с известием о подходе татарских войск со стороны Коя, т.е. рядом с Божонкой. Битва завершилась к вечеру. Не было многих центров сражения на огромных расстояниях. Других путей подхода войск татар в летописях не обнаружено.

4) Весь берег Сити изобилует человеческими костями: и сегодня на высоком берегу находят человеческие кости и черепа, они встречаются и в низких пойменных участках, размытых водой. Были находки оружия, фрагментов доспехов, большого меча. Таких находок нет на нижней Сити.

5) Видимо, по инициативе епископа Кирилла Ростовского и Владимирского (его поминание 23 мая ст.ст.) православная церковь вскоре после битвы особым образом отметила факт гибели великого князя у Божонки: Юрьев день в Божонке установлен 4(17) февраля, а не 9 декабря. В церкви Покрова Богородицы (в Божонке) уже в древности был

придел благоверного великого князя Юрия. В существующем каменном храме Покрова у иконостаса центральные фрески изображают князей Юрия Всеволодовича и Василько Ростовского с оружием. Таких дат, придела и фресок не было ни в одном из других храмов вдоль Сити и в её округе: церковь всегда признавала местом битвы и гибели князя только село Божонка. В глубоком прошлом была создана икона благоверного князя Георгия Всеволодовича. До 1940-х гг. икона находилась в храме в селе Божонка.

6) В селе Шелдомежь в приходской церкви Воскресения Христова (1779 г. – деревянная, вместо древней; 1832 г. – каменная) было 2 придела: великомученика Георгия Победоносца и чудотворной (явленной) иконы Божьей Матери Шестоковской (6 марта ст.ст.). 1896 г. архиепископ Савва и праведный Иоанн Кронштадтский благословили строительство нового храма Живоначальной Троицы (1906г.). В храме было также 2 придела: великомученика Георгия Победоносца и иконы Богоматери Шестоковской (от слова «шесток» – печной). При церкви всегда была женская община – узаконена в 1887г. Святейший Синод, признавая за общиной большое религиозно-нравственное значение, в декабре 1906 г. принял Указ о переименовании общины в монастырь. Чудотворная икона Богоматери Шестоковской всегда была хранительницей этих мест. Община и монастырь вместе с явленной иконой стояли как бы на божественной страже местности, где в 1238 г. в побоище положил жизнь свою за веру и отечество благоверный великий князь Юрий Всеволодович. Монахини Шестоковского монастыря ухаживали за курганами, проводили на них 4 марта богослужения. Место битвы около Божонки освящено глубоким религиозным чувством с древнейших времён, является искренне намоленным многими поколениями верующих, хранивших память о погибших воинах.

7) Перечень памятников о битве свидетельствует, что первые памятники 100–200 лет назад возникли в селе Божонка и в ближайшей округе. На нижней Сити всего 3 памятника, все они возникли лишь недавно, в последние годы. Православные памятники в виде церквей и храмов в Божонке, Шелдомеже и Моггилицах возникли 500–700 лет назад.

8) Большинство авторов считают место возле Божонки единственным местом битвы. Лишь некоторые авторы считают, что у Божонки была локальная битва отряда Дорофея, а основное сражение произошло в 100 км ниже по течению Сити на отрезке между сёлами Станилово–Лопатино–Покровское, где якобы и погиб князь Юрий. Этому противоречат записи в летописях, где указано, что отряд Дорофея находился рядом (вместе) с великим князем, бой произошёл в одном месте и завершился к вечеру этого же дня. Тело князя не было похоронено на поле боя, а вывезено епископом Кириллом в город Ростов.

Выводы

1. Юрий Всеволодович уклонялся от последней битвы, пытался спасти остатки войска для наращивания сил и грядущих битв. Это ему не удалось.
2. Битва произошла в одном месте – около села Божонка на реке Сить – в течение дня.
3. Битва была обречена на поражение всем ходом предыдущих боёв, проигрышем генерального сражения под Коломной и соотношением противостоявших сил на реке Сить.

ПАМЯТНИКИ

о битве на реке Сить в марте 1238 г.

А. Около Божонки

1. В селе Божонка в 1841 г. стояла церковь около кургана (холма) высотой 5 сажен (10,5 – 11 м). В ней был придел Георгия Всеволодовича. В эту церковь заходил М.П.Погодин.
2. По берегам Сити и в пойме вымывало вешней водой обилие человеческих костей.
3. В селе Божонка на вершине холма стояла деревянная часовня (разобрана в 1934 г.).
4. В селе Божонка стоит церковь Покрова Пресвятой Богородицы (1858 г.) с приделом благоверного великого князя Юрия Всеволодовича. Сегодня возобновлена служба, когда отмечается день памяти великого князя 4(17) февраля и князя Василько Константиновича Ростовского 4(17) марта.
5. В церкви Покрова до 1940-х гг. находилась древняя икона Благоверного князя Юрия, а на стенах – фрески с изображением князей Юрия и Василько Ростовского с оружием. Икона хранится в другом месте.
6. В селе Божонка 23.09.1972 г. открыт памятник (стела) в виде стилизованной крепостной стены красного цвета с зубцами. Памятник установлен по инициативе Виктора Дмитриевича Попкова (1924 – 1980) – учителя школы в Мокеихе.
7. В Мокеихе в школьном музее имелись экспонаты: оружие, доспехи воинов.
8. В селе Божонка 6 мая 2010 г. Тверской и Ярославской епархиями установлен новый Поклонный крест на вершине холма (около церкви Покрова) и отслужен молебен (день Георгия Победоносца).

Памятник воинам, павшим на реке Сить

при защите Отечества.

Б. В низовьях Сити

13. У деревни Лопатино в сентябре 1980 г. открыта высокая белая стелла (арх. Б.В.Бухта, г. Ярославль).

14. У деревни Лопатино и Юрьевское в 2005 г. установлена новая рубленая часовня с надписью «Павшим за Святую Русь в 1238 г.».

15. «Памятник погибшим воинам» стоит напротив Игнатова близ Станилова, что не совсем справедливо» (Сергей Ершов).

9. В селе Задорье в школьном музее были экспонаты: доспехи, оружие средневековых воинов, старинные предметы быта. Музей ликвидирован, экспонаты исчезли.

10. Могилы – церковь и огромный деревянный крест на вершине кургана (село опустело в 1930-е гг.). На кургане монахини совершали службы.

11. В селе Шелдомеж – Воскресенская церковь (1700 г.) с чудотворной иконой Б.Матери Шестоковской (1779 г.) в шелдомежской общине и монастыре. Монахини ухаживали за курганами и совершали службы 4 марта.

12. В деревне Добрыни в 1987 г. открыт памятник воинам, павшим

ТВЕРЬ И ОРДА

Фарит Батыргариев
краевед

В своем докладе я хотел бы поделиться впечатлениями от прочитанных работ некоторых краеведов и отметить, если можно так выразиться, общие места, мимо которых проходят краеведы в своих работах. Отсюда тема доклада должна звучать скорее всего так: освещение темы Тверь и Орда в работах тверских краеведов. Очень коротко. То, что я скажу, историкам известно.

В многочисленной исторической литературе дореволюционного периода и особенно советского времени история Россия по традиции рассматривалась в великодержавном духе – как история формирования Российской империи, история русского народа, часто в противопоставлении Руси народам Востока, в первую очередь тюркским народам.

Этот взгляд на историю переключался и в краеведение. И хотя в постсоветский период он был пересмотрен многими историками, но спроецированный в краеведение, он до сих пор живет.

Тверское краеведение в этом не исключение. У исследователей, которые рассматривают события средневековой истории Твери, преобладает односторонний подход, сформировавшийся еще в XIX веке.

В работах краеведов Орда представляется силой, не имеющей структуры, организации, а действия Орды спонтанны и носят иррациональный характер.

А между тем с самого начала зарождения монголосферы кочевая цивилизация имела социокультурную модель, каркас которой впоследствии был перенесен на все завоеванные народы и территории.

Еще Федоров-Давыдов в книге «Общественный строй Золотой Орды», вышедшей в 70-е годы прошлого века, подробно описал сложение улусной системы и выделил основные категории и термины.

Коротко о сути улусной системы (Федоров-Давыдов цитирует Владимирцева): «Так же как род или его ответвление владеет определенной, которые являются его потомственными крепостными вассалами, совершенно так же род является владельцем “народа-государства”. С этой точки зрения все племена и народы, вошедшие в состав монгольской империи Чингис-хана, делаются вассалами его или его рода» [1;2].

После завоевания монголами Русь становится частью Джучиева улуса, т.е. вассалом хана. В некоторых источниках территория русских княжеств, признавших власть правителя Орды, называется Русский улус.

Про термины. «Золотая Орда». Название «Золотая Орда» на Руси фиксируется лишь в 1656 году в историко-публицистическом сочинении «Казанская история», когда самого государства уже не существовало.

Своеобразной чертой русско-ордынских отношений было отсутствие их юридического, письменного оформления каким-либо двусторонним документом – договором, соглашением, вассальным обязательством и т.д.

Все виды русских гарантий носили вещественный, а не письменный характер: это была дань, аманаты-заложники и подарки.

«Иго». В русских летописях термин «иго» не встречается. Он появился в конце XV века в польской исторической литературе. Первым его употребили хронист Ян Длугош в 1479 году и профессор Краковского университета Матвей Меховский в 1517 году. А само словообразование «монголо-татарское иго» употребил первым в 1817 году Х.Крузе, книга которого лишь в середине XIX века была переведена на русский и издана в Петербурге.

Управление оседлыми народами на завоеванных территориях общеимперской администрацией при всех злоупотреблениях, насилиях и беззакониях все же позволило провести ряд общих мероприятий по переписи населения, организации связи и меры по упорядочению денежного дела. Суть данных мероприятий – включение Руси в общую финансовую, торговую и транспортную системы монголосферы.

После переписи северо-восточная Русь была разделена на 15 туменов. Это значило, что по закону ясы при необходимости данный округ обязан был выставить ополчение в 10 тысяч боеспособных мужчин.

В рамках «ямской системы» по всей длине караванных дорог построили караван-сарай, где купцы могли остановиться, надежно сохранить свой товар, загнать животных, а в городах – даже воспользоваться финансовыми услугами, принять баню, поесть.

Впоследствии развитая централизованная финансовая система Золотой Орды служила примером для Московской Руси после ее распада, что отражается не только в подражании русским монетам конца XIV – начала XV века. Сарайского дерхема, но и подтверждается наличием в русском языке множества экономических терминов тюркского происхождения: «деньги», «таможня», «казна», «сундук», «ям», «алтын», «барыш», «хозяйство» и т.д.

Золотоордынский ярлык на тюркском языке

В.С. Борзаковский, ссылаясь на родословные книги и летописи, пишет, что у Михаила Ярославича (дословно) «татар много у него служащих ему». Доказательство тому сохранившиеся до середины XVII века топонимы «Татарский двор» и «Татарская горка».

Таким образом, и Тверь была втянута в орбиту монголосферы. Одним из основных каналов, связавших Тверь и Орду, была торговля. А улица Ямская – откуда название?

Ярлык определял не только повинности покоренного народа, но и являлся инвеститурой – правом на власть, которая заверялась клятвой. Ярлык давался сильному правителю внутри империи, которому можно было доверить власть.

И поэтому разговоры (они взяты из летописей) о том, что путем интриг можно было заполучить его, мне кажутся не состоятельны. Монголы были заинтересованы в спокойствии внутри империи.

Вручение ярлыка на правление

Не могу не коснуться знаковой фигуры Тверской истории. Любое неповиновение вассалов Улуса воспринималось монголами как нарушение законов Ясы, в их глазах это был просто бунт. И в этом ряду Михаил Тверской не исключение.

Про Бортеневское сражение, отмечу, не вдаваясь в детали, что ни в одном из

известных средневековых источников, относящихся к этому времени, кроме русских летописей, не зафиксирована Бортеневская битва (сражение). Как в дореволюционной, так и в советской историографии эта битва трактуется как междуусобное сражение между московским и тверским князем. А придавать сражению общерусский масштаб как «первой победы русских над монголо-татарами», на основании того, что там был посольский отряд, – это значит находится в плену мифов провинциального сознания. К слову, все источники по истории Улуса Джучи изданы Казанским издательством в двухтомнике.

В трудах краеведов много цитирования летописей и ввода в оборот идиом, которые начинают собственную жизнь на страницах других книг. Одна из них «за веру святую».

Дошедший до нас единственный актовый источник XIII века, – это ярлык Менгу-Тимура 1267 года, выданный русскому духовенству. Он гласит: «а кто веру их похулит или ругается, тот ничем не извинится и умрет злою смертью» (Голубинский, с.77-80, 84., по «Богословский вестник», №7 за 1893 год. Перепечатка в журнале «Родина»).

В 1261 году была организована Сарайская епископия, которая просуществовала до 1480 года. Ярлык освобождал духовенство от всех видов дани и от всех повинностей перед ханом. За оскорбление церквей, хуление

веры, уничтожение церковного имущества (книг и т.д.) полагалась смертная казнь. Именно в это время началось накопление богатств церковью.

Покровительство всем без исключения религиям стало возможным благодаря монгольской имперской идеологии, которая сформировалась при Чингиз-хане. Кратко она выглядела так: «Власть хана, несмотря на избрание на курултае, была личной. Она была дарована хану Вечным Синим Небом».

Легитимация власти определялась именно тем, что она была пожалована хану Небом. И в подчинение ему и в «упорядочение» были отданы Небом все народы, и не было разницы между подлинной принадлежностью к его государству и принадлежностью потенциальной. Такая концепция власти отчетливо не признавала границ» [3]. Эти концепции власти ханов многих кочевых государств до появления государства монгольского уходят корнями в древний восточно-азиатский культ Неба как верховного божества.

Все остальные религии монгольские правители рассматривали как сакральные потенции для укрепления своего господства над миром.

Монгольский сценарий войны предусматривал смерть неповинувшимся. Бросая вызов земным правителям, монгольский хан следовал доктрине, начинавшейся словами: «Силою вечного Неба!» [3].

Можно вспомнить и историю Третьего рейха. Гитлеровцами была создана организация Аненербе (бюро по изучению наследия предков), которая занималась поисками Шамбалы, опять таки для использования сакральных сил для мирового господства.

Вернемся к краеведению. Никто не хочет замечать, что активное строительство каменных храмов началось именно в ордынское время. Конечно, ордынцы не помогали строить, но откуда средства, если по рассказам некоторых краеведов монголы грабили русские земли чуть ли не каждый месяц. В массовом сознании до сих пор бытует мнение, что монголы только тем и занимались, что грабили и разрушали храмы. Если взять статистику, то выясняется, что в Северо-Восточной Руси из 24 храмов домонгольского периода были разрушены только два. Летописец, сидевший в келье, не мог дать оценку реальности, а тем более вникнуть в структуру повседневности монгольской империи. И испытания, свалившиеся на головы христиан, религиозное сознание трактовало как «за веру святую».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Владимиров Б.Я. Общественный строй монголов. Монгольский кочевой феодализм. Л., 1934, с. 98–99.
2. Franke H. From Tribal Chieftain to Universal Emperor and God: The Legitimation of the Yuan Dynasty. Munchen, 1978. P.16–18 (по книге Юрченко А.Г. Золотая Орда: между Ясой и Кораном. Начало конфликта. СПб., 2012. С.52).
3. Федоров-Давыдов Г.А. Общественный строй Золотой Орды. М., 1973. С.43.
4. Юрченко А.Г. Золотая Орда: между Ясой и Кораном. Начало конфликта. Евразия. СПб., 2012. С.47.
5. www.berzinarchives.com Связь нацистов с Шамбалой и Тибетом
6. // [http:// uvek.sgu.ru/education/religion](http://uvek.sgu.ru/education/religion)

САМЫЕ ДРЕВНИЕ ГОРОДА ТВЕРСКОЙ ОБЛАСТИ: ИХ ОСНОВАНИЕ, РАЗВИТИЕ, СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ

Надежда Романовна Козлова
зав. сектором исторического отдела ТГОМ

Тверская область – одна из крупнейших областей Европейской части России образована в 1935 году Территория, оформленная в конце XVIII веке в состав Тверской губернии, включала как исконно тверские земли, т.е. земли Тверского княжества (сложившегося в 1240-х годах и практически сохранявшегося в границах до присоединения к Москве в 1485 г.), так и земли соседних государственных образований Средневековья: города, принадлежавшие ранее Новгородской губернии и Смоленскому княжеству.

Из 23 городов Тверской области 15 городов имеют статус исторического города. Из них самые древние – Торжок и Торопец, которые существовали уже в XI века, Тверь и Бежецк в XII веке. Зубцов, Ржев, Кашин и Старица – укрепленные города с XIII века. Единственный древний город, дата основания которого нам известна, это Старица, построенная князем Михаилом Ярославичем Тверским в 1297 году. Археологические раскопки на Старицком городище полностью подтверждают эту дату.

Территория Тверского края уже в древности была довольно густо заселена по сравнению с другими областями. Здесь находились истоки важнейших водных дорог древней Руси: Днепра, Волги и Западной Двины. Вдоль речных путей и появились первые города. До сих пор на карте области существуют много сел, в название которых входит слово «городище», «городня», «городок». Лишь малая доля таких городов просуществовала несколько столетий и дожила до наших дней.

Город – это крупное поселение, жители которого заняты главным образом в промышленности и торговле. Это обычно административный и культурный центр района. В раннее Средневековье в условиях полного господства натурального хозяйства в Европе имелись лишь поселения, бывшие административными центрами, резиденциями правителей, укрепленными пунктами. Развитие регулярного товарообмена, разделение сельскохозяйственного и ремесленного труда способствовали сложению системы городских образований. На Руси уже в IX веке существовали древние города: Киев, Любеч, Ладога, Полоцк, Смоленск, Новгород, Ростов и др. В X веке их количество увеличилось. В XI веке по летописным данным появились 64 города, в XII в. – около 130. Города Древней Руси были не только крепостями и политическими центрами, но и крупными торгово-ремесленными центрами. Современная археология выделяет такое понятие, как прото-город, т.е. поселение, имеющее

городские признаки, но, возможно, еще не имевшее крепостных сооружений. Основным экономическим признаком города – это центр ремесла и торговли. В IX веке у восточнославянских племен сложилось раннефеодальное государство. Города становятся административно-политическими центрами.

Общепринятое правило, по которому первое упоминание в летописях считается датой основания города, в наше время зачастую сильно корректируется данными археологических раскопок, согласно результатам которых город оказывается значительно древнее, чем считалось по летописным источникам. Как отмечает в «Истории Тверского княжества» В.С. Борзаковский, «самая сильная колонизация славян в приволжский край шла с северо-запада. Новгородцы могли пользоваться многочисленными реками, озерами, волоками... Все старые города этого края выстроены... на путях сообщения при больших реках и озерах. Очевидно, что древнейшими поселениями в земле Веси и Мери были Торжок и Бежецк, как ближайšie к землям ильменских славян...». Еще одним направлением колонизации были древние монастыри.

По датам первого упоминания представляем следующие исторические города Тверской области: Торопец – 1074 год; Торжок – 1139 год, (косвенное упоминание – 1015 г.); Бежецк (Бежецкий Верх, Городец, Городецк, Городецко) – 1196 год; Тверь – 1135 год (1208 г.); Зубцов – 1216 год; Ржев – 1216 год; Кашин 1238 год (1288 г.); Старица – 1297 год; Белый (Белая) – 1355-1359 годы.

Исторически сложилось так, что самые древние из городов – Торжок, Торопец, Бежецк – были за пределами исконно тверскими, т.е. Тверского княжества.

Торжок

Торжок, расположенный в среднем течении реки Тверцы, впервые упомянут в летописи в 1139 году в связи с его захватом и разорением

Борисоглебский монастырь

сuzдальским князем Юрием Долгоруким. Уже из этого следует, что город существовал до разорения. Древнейшее поселение с городским культурным слоем обнаружено в Торжке на мысу при впадении ручья Здоровца в Тверцу и датируется рубежом IX–X вв. Однако это поселение нельзя в полном

смысле назвать городским. У города много функций: ремесленно-торговые, административно – политические, военно-оборонительные,

культурно-бытовые. Накопление этих функций занимало довольно длительный период. Не всегда удается обнаружить наличие крепостных сооружений на определенный период. Еще один показатель принадлежности к городу – остатки деревянных мостовых. По зафиксированному в одном из раскопов города Торжка 4 ярусам мостовых можно датировать его возраст рубежом X–XI веков. Исследования Торжка, в том числе и по материалам из буровых скважин, дают толщину культурного слоя от 1 до 4 метров и позволяют сделать вывод о существовании на территории его современной центральной части городского поселения X века. К сожалению, этот период не нашел отражения в летописях. Существует косвенное свидетельство о древности Торжка: в начале XI века под стенами города поселился боярин Ефрем, ставший основателем одного из древнейших русских монастырей – Новоторжского Борисоглебского монастыря.

Первое название города – Новый Торг. Есть версия, что поселение Старый Торг было в нескольких километрах ниже по течению реки Тверцы. История Торжка с самого начала связана с Великим Новгородом. Политическое устройство было таким же, как и в Новгороде: городом управляли князья-наместники и бояре-посадники, важнейшие вопросы решались на городском вече. В городе чеканилась монета. Через Торжок шло снабжение Новгорода хлебом. С середины XII века в Торжке устраивались хлебные блокады для решения политических споров с Новгородом. В XII–XVII веках Торжок более 20 раз подвергался нападениям врагов, 3 раза был разрушен, 9 раз сожжен, но каждый раз быстро восстанавливался. В 1238 году Торжок выдержал героическую двухнедельную осаду войском хана Батыя, после чего был полностью разрушен. Город разоряли тверские, московские, литовские князья и иностранные интервенты. С 1478 года Торжок вошел в состав Московского государства. Большую роль в развитии экономики играло расположение Торжка на важном водном пути, а в XVIII веке Вышневолоцкая водная система связала его с Санкт-Петербургом. Сухопутная «государева дорога», связавшая две столицы, также проходила через Торжок. Жители города занимались торговлей, промыслами, обслуживали водные пристани и ямские станции. Большую славу имели новоторжские производители сафьяна, кузнецы, плотники, гончары, а особенно – искусные золотошвеи. Во второй половине XIX века в Торжке было 500 торговых заведений, 7 кожевенных заводов, лесопильный завод, гимназия, духовное училище, женское училище, земская учительская школа, больница, мужская учительская семинария. Экономическое положение города изменилось в связи со строительством железных дорог и падением роли водной системы. К 1917 году это был провинциальный купеческий город.

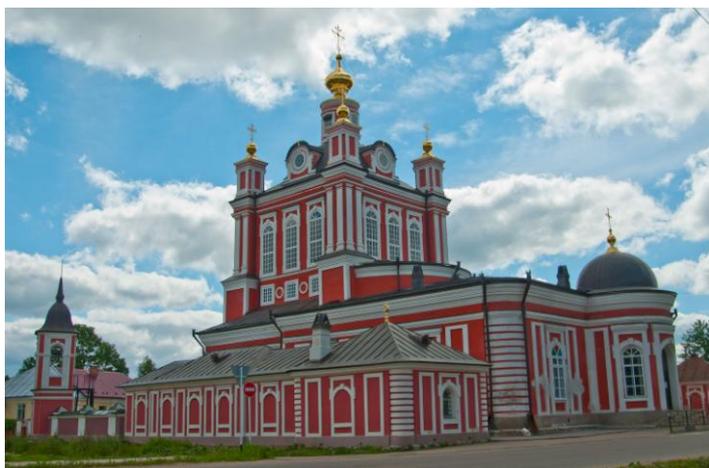
Сильные разрушения причинили Торжку бомбежки немецко-фашистской авиации в годы Великой Отечественной войны. Несмотря на потери, по количеству уцелевших памятников Торжок занимает первое место в Тверской области и входит в число 116 российских городов, историко-архитектурные центры которых объявлены заповедными.

Во второй половине XX века население Торжка превышало 50 тысяч человек (1986–1998 гг.). В городе насчитывалось более 20 предприятий машиностроительной, химической, легкой и пищевой промышленности. Торжокский район стал одним из главных центров льноводства, в Торжке был открыт Всесоюзный научно-исследовательский институт льна.

Сегодня Торжок является крупным центром вагоностроения. В городе работают единственный в России завод противопожарного оборудования, завод полиграфических красок, обувная фабрика, ведется строительство и реставрация зданий, действует многофункциональный оптово-розничный центр производителей легкой промышленности «Торжок». С конца 1990-х годов началась (позже, чем в других городах области) тенденция к снижению численности населения, но этот показатель для Торжка не является катастрофичным (в 2012 г. уже зафиксирован рост населения – 49,7 тысяч против 47,8 тысяч человек в 2011 г.) По сравнению с другими районными центрами Тверской области, Торжок находится в более выгодном положении. Это связано с удачным местоположением города на трассе Москва – Санкт-Петербург. Имеет значение небольшая удаленность от областного центра, а главное – обилие и разнообразие сохранившихся памятников, богатая история, развитая музейная сеть, активная деятельность местных властей и населения по привлечению в город туристических потоков, стремление сделать Торжок туристической столицей Верхневолжья.

Торопец

Первое косвенное упоминание о Торопце относится к 1074 году. Лаврентьевская летопись под этим годом сообщает о купце Исаакии Торопечанине. Первое прямое упоминание города Торопца содержится в грамоте князя Ростислава Смоленской епископии за 1159 год. Кривитеск, Кривич, Кривит – так назывался древний город, основанный здесь племенем кривичей, название сохранялось в быту и рукописях до середины XIX века. Город возник на берегу реки Торопы, на древнем пути «из варяг в греки». Владели городом новгородцы, а затем смоленские князья. Первым самостоятельным торопецким князем стал Мстислав Ростиславич Храбрый, его сын имел прозвание Мстислав Удалой.

Корсунско-Богородицкий собор

Главный город в междуречье Западной Двины и Ловати был предметом спора Новгорода, Владимира и Смоленска. В XIV веке пограничный Торопец был захвачен литовцами, а в 1503 году стал центром Торопецкого уезда Московского государства. Торопецкий кремль, изначально устроенный на высоких

подрезанных вертикально холмах, в XIV веке был перемещен на остров. Во время войн население сжигало посады и перебиралось в крепость. В 1580 году город выдержал осаду Стефана Батория, в Смутное время находился под властью поляков. В XVI веке Торопец был большим торгово-ремесленным центром с численностью населения 2400 человек.

Несмотря на все войны, эпидемии, пожары и наводнения, город богател из-за удобного для торговли местоположения. Торопецкие купцы вели выгодную торговлю с европейскими странами, и даже с Персией и Китаем. В XVII–XVIII веках в Торопце велось бурное каменное строительство храмов и жилых домов. Но ситуация изменилась в конце XVIII века, когда новые торговые пути прошли в стороне от Торопца и он стал постепенно превращаться в заурядный провинциальный уездный город.

К концу XIX века здесь проживали 7,3 тысячи человек. В начале XX века действовало несколько заводов: лесопильный, 3 кожевенных, мыловаренный, кирпичный, черепичный, водяная и паровая мельницы. В 1907 году недалеко от города прошла железная дорога. В 1935 году город был включен в состав Калининской области, с 29 августа 1941 по 29 января 1942 года был оккупирован немецко-фашистскими войсками.

1970 – 1980 годы были самыми успешными в экономическом развитии. В Торопецком районе было 15 промышленных предприятий, 13 из них в городе: деревообрабатывающий завод, швейная и обувная фабрики, ремонтный завод, леспромхоз, мясокомбинат, пивоваренный завод, велось строительство тароупаковочного завода. Перестройка 1990-х годов привела к резкому снижению численности жителей города.

Сейчас в Торопце проживают 12,9 тысяч человек (2011 г.), в 2012 году – 12,659 человек. Успешно работают несколько предприятий федерального значения по производству упаковочных материалов для пищевой промышленности, полиэтилена, изоляционных и укрывных материалов типа «изоспан», геотканей, нетканых материалов, одноразовой посуды, одноразовых медицинских приборов (всего более тысячи наименований). В будущем планируются переход на производство экологически безвредной

упаковки для пищевой промышленности и производство строительных материалов. В городе имеются мебельно-деревообрабатывающий комбинат, швейная и обувная фабрики, литейно-механический завод, работает леспромхоз, ликеро-водочный завод. Деятельность маслосырорудельного завода и мясокомбината приостановлена. Работают районная больница и поликлиника, средние школы, библиотеки, спортивная школа, сельскохозяйственный техникум, краеведческий музей, открыт филиал Московского гуманитарно-экономического института. Удаленность от областного центра, от Москвы и важных дорог, отсутствие туристической инфраструктуры сдерживают развитие региона, хотя здесь расположено большое количество памятников (41—общероссийского значения, более 50 — регионального уровня).

Бежецк

До 1766 года город назывался Городецко в Бежецком Верхе. О древнейшей истории города сведений мало, но в новгородских летописях есть ряд упоминаний о значимости Бежецкого края в XI–XII веках. Вполне возможно укрепленное поселение было здесь и значительно раньше — на рубеже X–XI веков. Масштабные археологические раскопки могли бы уточнить датировку. Первое неоспоримое свидетельство существования административного центра в Бежецком «Верхе» относится к 1196 году. До середины XIII века роль центра имело поселение Бежичи (Бежицы), в 12 км от современного Бежецка. В XIII–XIV веках новгородские владения подверглись завоеваниям со стороны монголо-татар, литовцев, московских и тверских князей.

Колокольня Введенского храма

Центр был перенесен в Городецко (на рубеже XIII–XIV вв. или в XV в.). Укрепления занимали мыс на правом берегу реки Мологи при впадении в нее речки Похвалы.

В XV–XVI веках Бежецкий Верх находился в составе владений Москвы. В Смутное время город не раз разорялся. В 1610–1613 годах здесь был сооружен деревянный острог, серьезное укрепление с огнестрельным вооружением. Крепость была разобрана к 1720 году. Административное подчинение города менялось неоднократно, с 1775 года это был центр уезда

Тверской губернии. Регулярное строительство началось здесь в конце XVIII века. В городе проживали более 3000 человек, работали 2 воскобойных, 4 кирпичных и 1 солодовенный заводы. Каменных зданий было мало. В 1870 году через Бежецк прошла Московско–Виндаво–Рыбинская железная дорога,

что способствовало быстрому развитию города. Здесь сформировались династии купцов-промышленников. В городе и уезде стало успешно развиваться торговое льноводство. В конце XIX – начале XX века широко развернулось каменное строительство. К 1917 году здесь было более 20 храмов и часовен, красовались торговые ряды, купеческие особняки и благотворительные учреждения.

В советское время город был одним из крупных промышленных центров Тверской области, в годы Великой Отечественной войны сильно пострадал от бомбежек. В 1943 году было основано одно из крупных предприятий – «Бежецксельмаш», с 1960-х годов его продукция поступала в 30 стран мира. Численность населения Бежецка длительное время составляла около 30 000 жителей, но в начале 2000-х годов стала неуклонно снижаться.

В настоящее время в Бежецке проживают 24 000 человек. Действуют заводы: «Бежцксельмаш», Бежецкий опытно-экспериментальный, автоспецоборудования, ремонтно-механический, электроламповый завод «Старт», льнозавод, трест «Бежецкмежрайгаз»; комбинаты: нетканых материалов, железобетонных конструкций, швейная фабрика, мясокомбинат, комбинат по переработке молочных продуктов, ремонтно-строительные организации. Через город проходят железная дорога, газопровод, другие коммуникации. Работают 5 средних школ, 2 начальных, медицинское и педагогическое училища, промышленно-экономический колледж, центральная районная больница, поликлиника, родильный дом, музеи, кинотеатр, дома культуры. По количеству памятников, мемориальных мест, исторических объектов есть перспективы для организации и успешной деятельности туристического бизнеса. В городе ведется интенсивное строительство.

Несмотря на 200-летнее нахождение в составе Тверского подчинения, города, сложившиеся в эпоху феодальной раздробленности, сохраняют свою культурно-историческую самобытность. В народной памяти сохранились вольнолюбивые традиции, присущие новгородской феодальной республике, исторически закрепилось чувство, отличавшее жителей пограничных городов русско-литовского порубежья.

На протяжении своей истории города бурно растут и развиваются или превращаются в села, исчезают с лица земли в результате множества факторов: наличие водных, шоссейных, железнодорожных и других удобных путей сообщения, близость границ или близость столиц, на них отражаются природные (стихийные бедствия, землетрясения, наводнения), климатические (засуха, подъем уровня вод), экологические, исторические (войны, разрушения), политические (перенос столиц) условия. Город, расположенный вблизи мегаполиса, вряд ли станет крупным центром. Отток населения в Москву и крупные города уже не поддается регулированию со стороны правительства. Сокращение численности населения, развал экономики во время перестройки и смены политического руководства страны в первую

очередь ударили по малым городам России, привели к уменьшению процента коренного населения. Остается надежда на то, что в будущем все же будет больше внимания исконно российской глубинке, где сохраняются многовековые народные традиции.

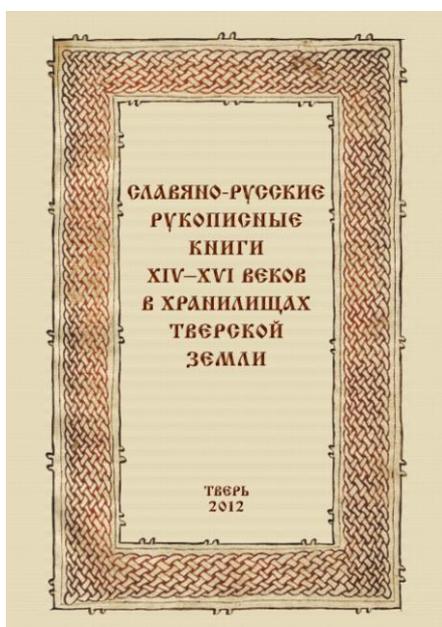
СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Тверская область: энциклопедический справочник. Тверь, 1994.
2. Малыгин П.Д.. Типология исторических городов Тверской области: учебно-метод. пособие. Тверь, 2012.
3. Борзаковский В.С. История Тверского княжества. СПб, 1876; Тверь, 1994.
4. Города и районы Калининской области. М., 1978.
5. Города Тверской области: Историко-архитектурные очерки (XI – начало XX в.)/ редактор-составитель Г.К. Смирнов. СПб., 2000.
6. Малыгин П.Д. Древний Торжок: Историко-археологические очерки. Калинин, 1990.
7. Малыгин П.Д. Древнейший монастырь России // Житие Ефрема Новоторжского: из фонда «Редкая книга» ТГОМ. Тверь, 2011.
8. Кузнецов Д. Петр Малыгин: Археология – это гордость Торжка. // Курьер. 2001. №33, 25-31 авг.
9. Суслов А.А. Торжок и его окрестности. М., 1970.
10. Регионы России. Основные характеристики субъектов Российской Федерации: статистический сборник. Госкомстат России. М., 2003 г.
11. География России: энциклопедический словарь, / гл. ред. Г.М. Лаппо. М., 1998.
12. Галашевич А.А. Торопец и его окрестности. М., 1972.
13. Иродионов П. Исторические, географические и политические известия, до города Торопца и его округа касающиеся. Торопец, 2001 (воспроизведение издания СПб., 1778).
14. Торопец. / сост. Б. Лапченко. М., 1974.
15. Дворников А.С. Город Бежецк и Бежецкий край: Очерки по истории и археологии. Тверь, 1996.
16. Очерки по истории Бежецкого края. Тверь, 1921.
17. На Верхней Волге: Памятные места Калининской области. М., 1978.
18. Свод памятников архитектуры и монументального искусства России. Тверская область. 4.2. М., 2006.
19. Поспелов Е.М. Географические названия мира: Топонимический словарь. М., 2001

СЛАВЯНО-РУССКИЕ РУКОПИСНЫЕ КНИГИ XIV–XVI ВЕКОВ В ХРАНИЛИЩАХ ТВЕРСКОЙ ЗЕМЛИ

Галина Сергеевна Гадалова
историк

В конце 2012 г. в Тверском издательстве «Книжный клуб» вышел каталог «Славяно-русские рукописные книги XIV–XVI веков в хранилищах Тверской земли» [1], подготовленный тверскими археографами под научным руководством И.В. Поздеевой в рамках программы «Книжность Древней Твери» (первоначальное название – «Тверь рукописная»). Это третья книга программы: в 1995 и 2002 годах были изданы каталоги старопечатных книг XVI – первой четверти XVIII века [2].

В каталог тверских рукописей XIV–XVI веков вошли научные описания 90 книг по методике, разработанной археографической лабораторией МГУ под руководством И.В. Поздеевой [3]. Описание каждой рукописи состоит из трех частей: дефиниции, собственно описания и примечаний. Дефиниция содержит научное название памятника, имя писца, место написания и датировку книги, формат, размер, листовую формулу, характеристику почерков. Собственно описание рукописи включает определение извода языка, описание и датировку филиграней, украшения, роспись содержания, описание и датировку переплета,

записи на листах рукописи, сохранность книги и источник ее поступления в современное хранилище. В примечаниях отражены сведения и результаты исследований по двум предыдущим разделам.

Данная методика позволяет максимально полно выявить историческую информацию всех книжных памятников, которая для удобства работы структурирована в девяти указателях: хронологическом; названий рукописей; авторов и произведений; имен святых, упоминаемых в Прологах; имен писцов, владельцев, продавцов и других лиц, упомянутых в записях; географическом; датированных записей и помет; записей с ценами на книги; рукописей по современным хранилищам.

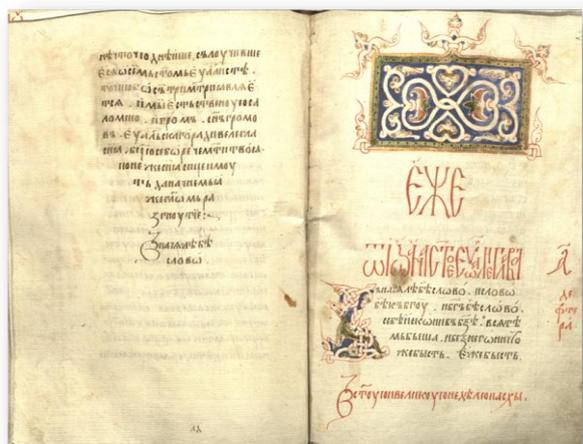
Из 90 рукописных книг каталога 78 сегодня находятся в фондах Государственного архива Тверской области (ГАТО), 9 рукописей – в Тверском государственном объединенном музее (ТГОМ) и его филиалах, по одной рукописи – в фондах Всероссийского историко-

этнографического музея (ВИЭМ), Научной библиотеки Тверского государственного университета (НБ ТвГУ) и Тверской областной картинной галереи (ТОКГ).

Каждая сохранившаяся книга уникальна по своему содержанию, оформлению, бытованию и даже по материалу, на котором написана. Например, Ирмологион рубежа XIV–XV веков написан на пергамене (ГАТО. Ф. 1409. Оп. 1. Д. 40), остальные рукописи – на бумаге.

Две книги созданы в XIV в.: Поучения аввы Дорофея – сербского извода (ТГОМ. Тв.м. КП–1859), фрагменты Поучения о борьбе с грехами – среднеболгарского извода (ГАТО. Ф. 1409. Оп. 1. Д. 109). Обе рукописи были переданы в дореволюционные фонды Тверского музея осташковским священником В.П. Успенским. По мнению исследователей, Поучения аввы Дорофея имеют Хиландарское происхождение [4]. В Россию рукопись была привезена А.В. Рачинским (1826–1877), который служил в Измаиле в 1855–1856 годах и в Варне в 1862 году.

Среди 14 книг XV века – Евангелия, Апостолы, Псалтирь, Минеи, Октоих, Поучения Григория Богослова, Сборник богослужебных текстов и Сборник слов и поучений на двенадесятые праздники и Пасху на основе Торжественника минейного.

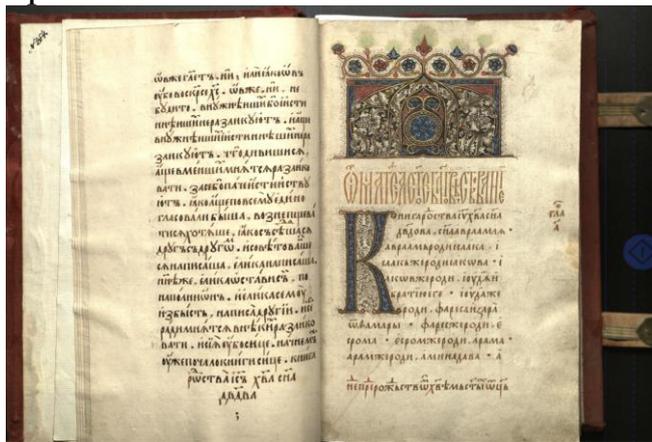
Евангелие тетр. Тверь, 1417 г. Колофон. Заставка. Инициал. Л. 280 об.-281. Писец дьяк Спасо-Преображенского собора Илия

Евангелии первой четверти XV века вклеены миниатюры четырех евангелистов, написанные, возможно, в Твери в конце XVIII века (ГАТО. Ф. 1409. Оп. 1. Д. 980). А настоящим шедевром миниатюрной живописи является Сборник слов и поучений на двенадесятые праздники и Пасху из архивной коллекции. В книге 10 миниатюр написаны разными мастерами новгородской, московской и тверской школ, перед которыми прокладки с вклеенной розовой тафтой, обрамленной чередующимся рисованным и прорезным орнаментом (ГАТО. Ф. 1409. Оп. 1. 1028).

Некоторые книги уникальны по месту написания и является тверской святыней. Так, одно из Евангелий тетр. создано дьяком Тверского Спасо-Преображенского собора Илией в 1417 году (ТГОМ. Тв.м. КП–1893). Поучения Григория Богослова переписаны самим преподобным Паисием Угличским, племянником прп. Макария Калязинского в 1450-е годы в Калязинском монастыре (ТГОМ. КЗФ. КП–851). В

Среди других рукописей – прежде всего богослужебные книги. Так, сохранилось пять рукописных книг рубежа XV–XVI веков: Апостол, Евангелие тетр, Минея, Псалтирь с воследованием и Святцы с тропарями и кондаки, в том числе русских святых; две рукописи рубежа XVI–XVII веков: Минея и Сборник богослужебный.

Самое большое количество рукописей (66), было создано в XVI веке, среди них помимо богослужебных книг – Евангелие толковое Феофилакта Болгарского, два учительных Евангелия, Златоуст, Паремийник, пять Прологов, Старчество, Слова Максима Грека, Житие прп. Антония Римлянина и восемь сборников слов и житий.

Евангелие тетр. Троицкий Калязинский монастырь, 1533 г. Заставка и инициал в начале евангелия от Матфея. Л. 12. Писец – инок Афанасий

трети XVI веке большие заставки, крупные инициалы и рамки на полях неовизантийского стиля, профессиональной работы в красках по золоту. Начальным листам текста каждого Евангелия предшествуют листы с вырезанной серединой и вставками из синей тафты в орнаментированных красочных рамках (ТОКГ ин КГ-2579).

В Каноннике 1539 года из русских праздников написаны Славник свв. Борису и Глебу (л. 222 об.) и Службы прп. Макарию Калязинскому под 17 марта и 26 мая (ГАТО. Ф. 1409. Оп. 1. Д. 1492). В Минее праздничной (Трефологионе) находятся службы тверским святым: князю Михаилу Ярославичу Тверскому (22 ноября), свт. Арсению Тверскому (2 марта) и прп. Макарию Калязинскому (26 мая). Рукопись принадлежала церкви

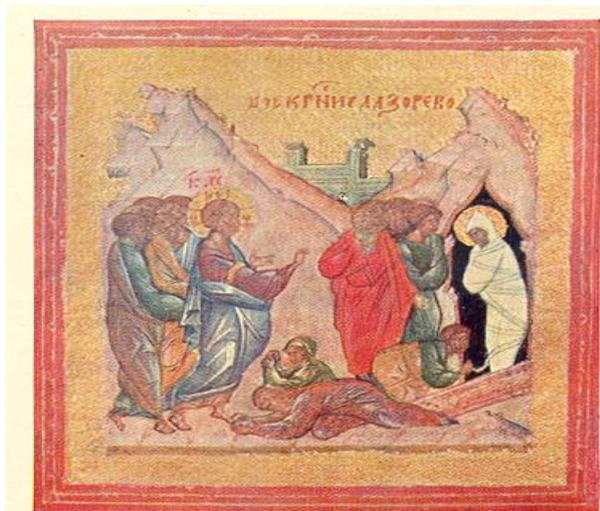
Одно из Евангелий тетр написано в 1533 году иноком Афанасием в Троицком Калязинском монастыре. В рукописи четыре большие заставки и инициалы переходного от неовизантийского к старопечатному стилю в красках по золоту высокопрофессиональной работы (ТГОМ. КЗМ. КП-193). В другом Евангелии середины XVI века – изображения четырех евангелистов в красках с золотом искусной работы (ТГОМ. Тв.м. КП-23169). В Евангелии первой

Евангелие тетр. Середина XVI в. (до 1554 г.). Миниатюра с изображением евангелиста Матфея и начало Евангелия. Л. 2 об.-3

Бориса и Глеба на Тверском государевом дворе, а затем кафедральному Спасо-Преображенскому собору (ГАТО. Ф. 1409. Оп. 1. Д. 1319).

В составе Евангелия учительного, созданном в 1530 году дьяком Тверского Успенского Желтикова монастыря Карпом «поповым сыном» Васильевым Мазузиным, нами выявлен 41-й список первого славянского стихотворения – «Азбучной молитвы» Константина Преславского (ГАТО. Ф. 1409. Оп. 1. Д. 996. Л. 598 об.–599) [5].

«Воскресение Лазаря». Миниатюра Сборника конца XV века. Гос. Архив Калининской обл., № 1028, л. 118 об.

Особый интерес представляет Евангелие толковое Феофилакта Болгарского, переписанное в 20–40-е годы XVI века, которое было вложено патриархом Никоном в Федоровский монастырь, возможно, в период его остановки в Твери с 6 сентября по 18 октября 1656 года во время путешествия в Вязьму [6]. По листам рукописи написано 86–дополнительных толкований, современных книге, в основном к текстам Евангелия

от Марка (72 замечания), близким почерком, но беглым полууставом, чернилами или киноварью, отражающие разные уровни оценки и эмоционального отношения к тексту читателя, например: «Смотри zde и трезвися умом»; «Зде разумии, Б(о)гъ сътвори оду на бл(а)гое, а не злое творити, како *ж* нации г(ла)голють. Без Б(о)жиа суда не может быти ничто»; «Разумеи, как оставити б(о)гательство и дати нищим, или продати все злое бесамъ»; «Разумеи же, како невежда учити подобает», «Разумеите, духовнии, аще въ градех ленитесь учити слово Б(о)жие, что паки в селех просеете», «Разумеи в безлобии детищъ, а быхомъ и мы таци были», «Разумеи в зависти наипаче *от* своих» (ГАТО. Ф. 1409. Оп. 1. Д. 1025).

Таким образом, введение в научный оборот сведений о рукописях XIV–XVI веков из тверских хранилищ не только раскрывает репертуар книг и историю их бытования, но и открывает мир духовной культуры наших предков. Кроме того, Каталог рукописей является своего рода охранной грамотой верхневолжских раритетов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Славяно-русские рукописные книги XIV–XVI веков в хранилищах Тверской земли / Л.А. Беспалова, В.А. Бушлякова, Л.А. Быкова, Г.С. Гадалова (отв. сост.); под ред. И.В. Поздеевой. Тверь, 2012.
2. Гадалова Г.С. Старопечатные и рукописные кириллические книги Научной библиотеки Тверского государственного университета: Каталог / под ред. И.В. Поздеевой. М.; Тверь, 1995; Гадалова Г.С., Перелевская Е.В., Цветкова Т.В. Кириллические издания в хранилищах Тверской земли (XVI век–1725 год): Каталог / под ред. И.В. Поздеевой. Тверь, 2002.
3. Поздеева И.В. Добро есть и душеполезно всякому почитание книжное // Славяно-русские рукописные книги XIV–XVI веков в хранилищах Тверской земли. С. 5–11.
4. Поздеева И.В., Турилов А.А. Новые находки и идентификация рукописей Хиландарской школы // Тверская старина. 1998. № 18–19. С. 115–122; Pozdeeva I., Turilov A. New Discoveries and Identifications of Manuscripts of the Hilandar Scriptorium // Monastic Traditions/ Selected Proceedings of the Forth International Hilandar Conferens (The Ohio State Universiti, 14–15. August. 1998). Bloomington, 2003. P. 244–262.
5. См. публикацию текстов: Гадалова Г.С. Азбучные стихотворения в тверских рукописях XVI в. // Слово и вяра: Международна научна конференция, посветена на 90-годишнината от рождението на проф. Боню Ангелов. 18–19 октомври 2004 г., г. Стара Загора. Велико Търново, 2007. С. 129–140; Она же. Тверской список азбучной молитвы Константина Преславского // Язык как зеркало времени: К 75-летию со дня рождения профессора Р.Д. Кузнецовой. Тверь, 2007. С. 81–88.
6. См.: Колосов В. Прошлое и настоящее г. Твери. Тверь, 1994. С. 37, Жизневский А.К. Поход великого государя святейшего Никона, патриарха Московского... в 1656 г. в Тверь, Вязьму и Иверский монастырь. Тверь, 1889. С. 16, 18–19.

БОРИС ШТЮРМЕР КАК СИМВОЛ ДЕГРАДАЦИИ И КРАХА РОССИЙСКОЙ АРИСТОКРАТИИ

Борис Александрович Ершов
журналист, краевед

*Судьба играет с человеком,
Она изменчива всегда:
То вознесёт его высоко,
То бросит в бездну без следа.*

*Народная песня «Шумел, горел пожар московский»,
на слова баллады Н.Соколова «Он»*

1916 год. Российская империя уже второй год ведёт непобедоносные военные действия на фронтах Первой мировой войны. Внутри империи всё более усиливается напряжённость в отношениях между сословиями, между обществом и властью, между царским двором и аристократической элитой, между всеми этими слоями в отдельности. Все ожидают каких-то перемен, одни со страхом, другие с надеждой. В этой обстановке во главе огромной страны оказались два представителя Тверской губернии, оказались не по своей воле или желанию, а вследствие хода истории, распорядившейся их судьбой непостижимым образом. Это Михаил Васильевич Алексеев, начальник штаба Ставки Верховного Главнокомандования, уроженец Твери, и председатель Совета Министров Борис Владимирович Штюрмер, уроженец Бежецкого уезда. Такого случая в тверской истории до них не было и пока не будет в ближайшей перспективе.

Если о М.В.Алексееве существует обширная литература разного жанра, в целом дающая ему более или менее положительную характеристику, то о Б.В.Штюрмере так сказать затруднительно – его деятельность у руля правительства получила у современников и потомков в основном негативную оценку. Рассказывая далее о жизни и о его деятельности, автор руководствуется мыслью о том, что наше прошлое следует постигать, изучая биографии не только приятных персонажей, но и менее приятных. И те и другие – представители своего времени, своих жизненных обстоятельств, складывавшихся в результате общего хода госпожи Истории, которая не всегда рисуется нам святочной картинкой из-за того, что её делают люди. А люди всегда разные. Очень даже.

Где родился и учился

Родился Борис Владимирович 15 июля (27 июля по н.ст.) 1848 года в селе Байково Бежецкого уезда (ныне Кесовогорский район, в верховьях речки Кашинка, в 10 км от Кесовой Горы в сторону Бежецка) в семье отставного ротмистра Владимира Вильгельмовича Штюмера и его жены Эрмионии Николаевны Паниной. Крестили сына в сельской церкви во имя св. мученицы Параскевы Пятницы, сооружённой в 1810 году.

Помещики Штюмеры владели 650 десятинами земли, основу их благополучия составляли оброк и барщина как и у всех помещиков того времени. Глава семейства пользовался уважением среди уездного общества, некоторое время он избирался мировым судьёй и гласным (депутатом) местного земства. О детских годах Бориса и его младшего брата Сергея нам ничего неизвестно, не знаем также, какое обучение и воспитание он получил перед тем, как поступить в Петербургский университет. Но точно известно, что Борис Штюмер окончил юрфак университета в Петербурге в 1872 году со степенью кандидата правоведения, после чего получил место в канцелярии Первого департамента Правительствующего Сената.

Б.В.Штюмер

Бежецк 1912 – 1914 гг., Большая улица

Начало карьеры чиновника

Первым департаментом Сената начальствовал обер-прокурор Александр Половцов (1832–1909), известный в те времена администратор, меценат. Под его влиянием формировался будущий не менее известный в элитных кругах Борис Штюмер. Уже молодым в совершенстве говорил по-французски, а его кандидатская диссертация «О праве обычном» получила почётный отзыв. Первый департамент Сената занимался делами исполнительского характера, начётами казны и в казну, спорами между

министерствами о казённом имуществе, утверждением в должности мировых судей. Получив в университете некоторый набор либеральных воззрений, Борис Владимирович и на службе по мере возможностей проявлял себя не только ревностным служакой, но и человеком, склонным к компромиссу. Это было время Александра II, царя-реформатора, новые веяния стали возникать во многих сферах жизни Империи.

В 1875 году молодой чиновник Штюмер получил не слишком высокий чин – «титулярный советник» (армейский аналог – «капитан»), а вскоре его в 1876 году перевели в Департамент министерства юстиции, которым руководил граф Константин Пален (1833– 1912). Здесь Штюмер служил столоначальником Департамента.

Царских чиновников и политических деятелей в советское время принято было изображать в иронично-уничижительном стиле, что не соответствовало реальности: они в массе своей отличались работоспособностью, компетентностью, преданностью царю как символу Отечества. Карьерных высот достигали через долгие годы службы, проходя по её ступеням последовательно, не чураясь, конечно, появившейся протекции. В 1878 году, ещё числясь чиновником Министерства юстиции, Борис Штюмер назначается секретарём Экспедиции церемониальных дел Министерства Императорского двора, функции которого в некоторой степени можно сравнить с функциями современной администрации Президента РФ. За исполнительность и рвение в 1879 году молодой Штюмер (ему исполнился 31 год) получил первое придворное звание «камер-юнкер».

В 1881 году народовольцы убили царя Александра II, на престол взошёл его сын Александр III, но придворные порядки остались в основном теми же. В том же году Борис Штюмер стал надворным советником (это гражданский чин), продолжая службу под началом нового министра двора графа Иллариона Воронцова-Дашкова (1837– 1916). Граф благосклонно покровительствовал Штюмеру, поэтому по его протекции в 1882 году усердного службиста назначают правителем дел Экспедиции по церемониальным делам, то есть он стал самостоятельным (хотя и небольшим) начальником. Его стараниями Экспедиция сделалась самым видным учреждением министерства двора, Штюмер любил и умел устраивать различные торжества, безукоризненно исполняя свои обязанности на столь ответственном и щекотливом посту. Он приобрёл известность «большого знатока всяких, и особенно, дипломатических церемоний».

Служба позволила ему сблизиться с царской семьёй, поэтому новый император в 1883 году в связи с предстоящей коронацией назначил Штюмера делопроизводителем церемониального отдела Коронационной комиссии, а вскоре правителем дел Канцелярии верховного

церемониймейстера графа К.И.Палена, его бывшего начальника по Минюсту. В эти годы Борис Владимирович и стал близким знакомым будущему императору Николаю II, тогда ещё юноше 15 лет. В семейном положении также произошли изменения: в эти же годы он женился на Елизавете Васильевне Струковой, родившей двух сыновей – Георгия (1880) и Владимира (1883).

Дальнейшие ступени чиновника и земца

Рост в чинах у Штюрмера продолжался непрерывно и успешно: в 1885 году он – коллежский советник, в 1889 году – статский советник, в 1891 году – действительный статский советник. Согласно действовавшему тогда Табелю о рангах названные чины имели армейские аналоги соответственно от «полковник» до «генерал-майор». Рос и его придворный статус: в 1888 году ему присвоили чин камергера Двора из особого расположения к нему царя. В 1885 году Борис Штюрмер переведён в другой департамент Сената – департамент герольдии, в котором прослужил до 1892 года. К этому времени его избрали гласным (депутатом) Бежецкого и Кашинского уездных земских собраний.

Начало 1890-х годов для Бориса Штюрмера ознаменовалось двумя изменениями в его жизни: он был причислен к Министерству внутренних дел и в тот же 1892 год его назначили как Кашинского гласного Председателем Тверской губернской земской управы вместо Фёдора Родичева, которого либеральные земцы избрали, но министр внутренних дел Иван Дурново (тогда он назывался директором Департамента полиции) его не утвердил. Назначение явилось следствием конфронтации либералов в Твери с губернатором Павлом Ахлестышевым (1845–1933), который выдал министру отрицательную характеристику Родичеву. Министр назначил туда своего подчинённого, то есть Бориса Штюрмера, уже слывшего мастером политических компромиссов.

На родине Б.В.Штюрмера в эти годы происходили такие события. Отец вместе с младшим сыном устроили богадельню для «призрения бедных безродных и увечных крестьян села Байкова». Краеведы из Кесовой Горы пишут, что Штюрмер построил сыроварню, оранжерею, конный завод и скотный двор. Он по-прежнему оставался уважаемым членом дворянского общества Бежецкого уезда. Но через 10 лет в психике отца произошёл надлом, у него появилась мания расточительства, возникли долги, он начал продавать землю. Всё это тяжело переживал старший сын, пришлось много потрудиться, чтобы выправить положение и сохранить фамильное гнездо, за которым стал присматривать брат Сергей.

Тверская земская губернская управа отличалась шумным характером вследствие того, что она была расколота на три фракции: правых, центра и левых.

Назначенный на трёхгодичный срок Штюмер в силу своих убеждений старался примирять конфликтующие стороны, что не всем нравилось. За эти годы мы впервые встречаем негативную оценку его личности, данную Иваном Петрункевичем (1844–1928), будущим одним из основателей партии кадетов, депутатом 1-й Государственной думы: «Этот господин имел особые виды, которые он быстро и осуществлял, обладая единственным талантом – интригой». Впоследствии Штюмер удостоится большим количеством нелестных характеристик и эпитетов от самых разных чиновников и политиков. А пока он в 1894 году был утверждён почётным мировым судьёй по Кашинскому уезду, что говорит о его влиянии и популярности среди земства. В этой почётной должности он пробыл до 1897 года, занимая пост Новгородского губернатора.

Губернатор Штюмер

Б.Штюмер, 1890-е
годы

В апреле 1894 года Бориса Штюмера назначили губернатором Новгородской губернии. Он стал высшим должностным лицом, отвечавшим перед Сенатом и императорской фамилией за многое, что происходило в губернии. Губернатор являлся председателем губернского правления, статистического комитета, губернского присутствия, контролировал земские и городские дела, «питейные» и фабричные вопросы, дела по воинской повинности. Он имел право ревизии всех уездных администраций, закрывать общества, клубы, артели, осуществлять надзор за земским самоуправлением вплоть до вмешательства. Ему вменялось быть блюстителем неприкосновенности прав верховной власти, точно исполнять законы, высочайшие повеления, указы Сената и предписания начальства. То есть – он был хозяином губернии, хотя и не абсолютным, однако наделённым очень широкими правами и полномочиями. На Новгородской земле Штюмер, как отмечали тогда, проявил себя, бесспорно, талантливым администратором. Это заметили, весной 1896 года ему доверили участвовать в подготовке коронационных торжеств – на престол вступал Николай II. В мае того же года ему был присвоен почётный титул «гофмейстер Двора Его Императорского Величества» с правом носить специальный шикарно расшитый мундир.

В июле 1896 года Штюмера назначили губернатором Ярославской губернии. Тут в более значительной степени проявились противоречия в его управленческой деятельности. Местные краеведы отмечают, что при Штюмере в Ярославле появились трамвай и электричество, число начальных училищ выросло, развернулась кампания за трезвость, губернатор разрешил издание газеты «Северный край», при нём на высоком уровне отметили 100-летие А.С.Пушкина (в 1899 г.), 150-летие русского театра, он способствовал сбору средств на создание памятника основателю театра Ф.Г.Волкову, сам занимался благотворительной деятельностью, поддерживал историков и краеведов, в результате этого был избран почётным председателем 1-го съезда исследователей истории и древностей Ростово-Суздальской земли, стал почётным гражданином Ярославля и Углича. Вместе с тем он не отличался щепетильностью в денежных делах: «Он и его супруга часто заимствовали в ярославских магазинах дорогую одежду и вещи, туманно обещая заплатить позднее. Любил устраивать пышные балы, держал себя часто высокомерно (В.Гиляровский назвал его «напыщенным вельможей»), за всё это ярославцы прозвали его помпадуром. Однако император высоко оценивал деятельность Штюмера как губернатора, хорошо отзывались о нём и другие высокопоставленные чиновники. Управляющий земским отделом МВД, товарищ (по современному заместитель) министра внутренних дел, тверской земец Владимир Гурко (1863–1927), сын генерал-фельдмаршала И.В.Гурко, охарактеризовал Штюмера так: «Надо отдать ему справедливость, что в обеих этих губерниях он сумел наладить отношения с местным земством. Держа перед правительством определённо правое знамя, он одновременно избегал всякого столкновения с земскими деятелями».

Губернатор и гофмейстер

В Министерстве внутренних дел

В августе 1902 года Борис Штюмер назначается директором Департамента общих дел МВД. Что ни говори, но это – очередное повышение в карьере чиновника Штюмера. Этих дел общего характера было множество, как сугубо административных, так и носящих общественно-гражданский оттенок. Одно из них – надзор за земством, доставлявшем немало хлопот властям, особенно за тверским земством. В 1903 году Штюмер получил задание ревизовать тверское земство, на

Министр
В. Плева

него было «возложено производство всестороннего обозрения земских и других, соприкасающихся с деятельностью их, учреждений Тверской губернии». Эта ревизия стала ударом по либеральной репутации Штюмерера, в недавнем прошлом лидера правого крыла тверских земцев. Прибыв в Тверь, он заявил, что не намерен предпринимать карательные меры, однако всё произошло с точностью до наоборот. В правительстве и у царя давно сложилось негативное представление о тверском земстве в связи с «направлением, не соответствующим требованиям государственного порядка», с «неуместными суждениями на земских собраниях», со стремлением «обратить школьное преподавание в орудие пропаганды не только против существующего государственного и общественного порядка, но и против религии».

Лидер Новоторжского уездного земства Иван Петрункевич дал Штюмереру свою характеристику, которую впоследствии в разных вариациях повторяли и другие политики и чиновники: «...это был невежественный человек, авантюрист и карьерист, олицетворявший самые дурные и порочные стороны нашей бюрократии». Сделав скидку на явный эмоциональный перебор, можно также утверждать о всём бюрократическом сообществе Российской империи.

И.Петрункевич

Штюмерер представил министру и царю доклад о результатах ревизии, последовало распоряжение о закрытии Тверского губернского Новоторжского уездного земств, о высылке из губернии целого ряда гласных, а также многих учителей и врачей, разделявших либеральные взгляды. Всё это молва приписала Штюмереру и с тех пор ему присвоили титул «крайний реакционер», хотя справедливости ради следует отметить, что такое решение принимал сам Николай II вместе с министром В. Плева. Известно выражение царя от 1 января 1904 года в адрес Тверского губернского и, особенно, Новоторжского уездного земств: «Настало время треснуть неожиданно и крепко». В июне 1904 года Штюмерер получил за эту работу «Высочайшую благодарность», а в Твери и Торжке вместо земств появились управы с назначаемыми членами. Обвинения в разгроме земств Штюмерер отметал: «Это мне приписывают, не я был виновен в этом».

28 июля 1904 года эсер Егор Сазонов из боевой организации партии эсеров бросил бомбу в карету министра В. Плева, который скончался на месте. Поскольку авторитет Бориса Штюмерера, гофмейстера Двора, бывшего губернатора двух губерний, влиятельного чиновника МВД в глазах Николая II после «тверской ревизии» ещё более вырос, то царь решил назначить Штюмерера на освободившуюся должность министра внутренних дел. Борис Владимирович знал об этом и уже приготовился к новому качеству, но тут вмешалась императрица Александра Фёдоровна, имевшая сильное влияние на

супруга – министром внутренних дел был назначен князь Пётр Святополк-Мирский (1857–1914). Но царь не забыл своего протеже – в виде исключения Борис Штюрмер получил членство в Государственном Совете (хотя формальных данных у него не было) с правом присутствовать в Департаменте законов.

Член Государственного Совета

Итак, несостоявшийся министр Штюрмер превратился в одного из членов высшего законосовещательного органа Империи, с 1906 года ставшего верхней палатой законодательного учреждения Империи. Особо ярких проявлений его деятельности в новом качестве мы не наблюдаем. Был членом особого совещания, руководимого графом Алексеем Игнатьевым (1842–1906) (помещик Ржевского уезда, земский деятель), занимавшегося согласованием действующих законов с указами императора по делам веры, исполнял обязанности гласного Кашинского уезда, был избран почётным попечителем Кашинского Алексеевского реального училища. Кстати, Борис Штюрмер оказал существенную помощь местному православному обществу в возобновлении причисления Анны Кашинской к лику святых. В этом ему помогло то, что его знал и выделял сам император, от которого зависело многое в церковных вопросах.

Кашинские купцы и уездное дворянство – делегаты к Николаю II об открытии святых мощей Анны Кашинской . Сидят (слева-направо) Д.И.Манухин, В.С.Кисловский, настоятель собора Аминичский, Б.В.Штюрмер, Пономарёв, Лядов. Стоят Захаров, Носов, Лихачёв, Оболенский, 1909 г., *фото Василия Колотильщикова.*

В 1905 году царь снова чуть не назначил Штюмерера министром внутренних дел вместо ушедшего Святополка-Мирского и снова неудачно практически по тем же причинам.

В 1908 году Штюмерер опять чуть не попал в министры внутренних дел, а в 1909 году «наверху» впервые возникла мысль сделать его премьером. Но назначение снова не состоялось, положение Петра Столыпина (1862–1911) как премьера было тогда прочным. Между прочим, Штюмерер не ставил под сомнение реформы Столыпина и не вставлял палки в колёса. В 1911 году князь Владимир Мещерский (1839–1914), авторитетный публицист, и уже имевший влияние на императорскую семью Григорий Распутин поддержали кандидатуру Штюмерера на должность обер-прокурора Святейшего Синода. Но и это не произошло. Какой-то рок висел над Штюмерером, его постигали неудачи. Однако император держал его на примете, он ценил преданность.

В 1912 году многие прочили Бориса Штюмерера в предводители Московского губернского дворянского собрания, ещё чуть-чуть и избрание с утверждением царя на этот пост свершилось бы, но вмешался его бывший начальник В.П.Коковцов. Он уговорил царя отказаться от этой кандидатуры, аргументируя своё несогласие одиозностью фигуры Штюмерера и возможным конфликтом элиты Москвы со столичной властью в случае его назначения.

Исполняя нетяжёлые обязанности члена Госсовета, Штюмерер много времени посвящал своим общественным делам. Кружок Штюмерера превратился в своеобразный салон, к мнению которого элита прислушивалась. Возможно, в этом имели значение личностные качества Бориса Владимировича: «Осторожность в словах создавала среди лиц, приходивших с ним в соприкосновение, впечатление умеренности, которое находило подкрепление в том, что о наиболее острых вопросах он говорил без особой раздражительности» (публицист, писатель Лев Клячко). За эти качества и ценил его царь, полагая, что они удовлетворяют требованиям «сожителства с общественностью». В 1913 году, в 300-летний юбилей дома Романовых, в знак благоволения к Штюмереру его включили в свиту царя при посещении Твери.

Летом 1914 года началась роковая для Российской империи война с Германской империей, война, ставшая первой Мировой войной. Аристократия, дворянство, средние слои российского общества начало войны встретили с невиданным энтузиазмом, офицеры просили разрешить им взять с собой парадные мундиры, чтобы вовремя участвовать в победном параде в Берлине... Отрезвление наступило очень скоро.

Салон Штюмерера гремел вовсю. Его решения в форме «пожеланий» передавали министру Двора Владимиру Фредериксу (1838–1927), а тот доводил их до сведения императрицы, влиявшей на политику

постоянно. Известность и влияние Штюрмера по этой причине продолжали расти, Александре Фёдоровне импонировало то, что салон стремился найти способы вытасчить утопающую власть, не трогая заимевшего огромное влияние на императорскую семью «Старца» – Григория Распутина, которого общественное мнение подвергало гласной и негласной жестокой критике.

10 декабря 1915 года главноуправляющий канцелярией по принятию прошений царю В.И.Мамонтов доложил Николаю II о прошении члена Госсовета В.Б.Штюрмера заменить ему фамилию на Панин по матери. Простая российская публика, не вдаваясь в детали, связывала неудачи на фронтах и ухудшение жизни с немцами внутри страны: царица-немка, неудачливые генералы-немцы, разные Фредериксы, Штюрмеры, Бюнтинги и прочие, коих немало было на русской службе – тоже немцы, вот они-то и вредят России! Наш герой был православным, мать его – русская, сам Борис Владимирович по сути своей тоже был русским, но косых взглядов и подозрений он, и такие как он, не избежал. Ему показалось, что под другой фамилией станет легче. Император в тот момент думал, как и кем заменить премьера Ивана Горемыкина(1839–1917), которого считал виновником неудач в экономике страны и в скверном снабжении армии. Штюрмера царь помнил, знал о его преданности, поэтому у него возникла мысль поставить его на пост премьера. Последовал обмен мнениями с супругой через письма (царь находился в Ставке в Могилёве).

18 января 1916 года Штюрмер вызывается в Царское Село на приём к царю, происходит обмен мнениями об обстановке в стране, о решениях некоторых политических вопросов, после чего царь предложил Штюрмеру возглавить пост председателя Совета министров. Естественно, согласие получено, новоиспечённый премьер получил наказ относиться к Думе примирительно в духе поиска компромиссов. Официальное назначение произошло 20 января 1916 года.

На вершине власти

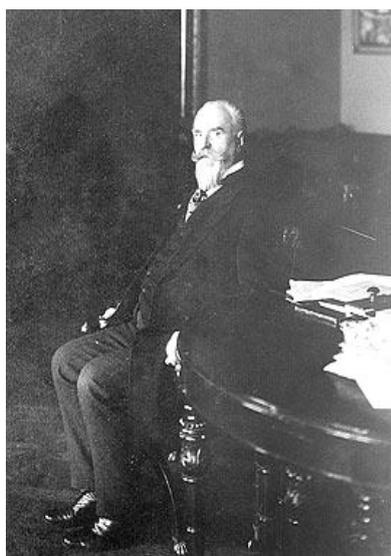
Назначение Штюрмера председателем Совета министров вызвало шок практически у всех высших чиновников, известных политиков, публицистов и у средней публики. Член ЦК партии кадетов, депутат IV Государственной думы Павел Милюков (1859–1943) дал новому премьеру уничижающую характеристику (правда, находясь в эмиграции), с которой были согласны многие: «Штюрмер не был таким рамоликом (почти маразматиком – Б.Е. авт.), как Горемыкин. Но он всё же проявлял все признаки старчества и мог ходить “на верёвочке” (*намёк на высказывание Распутина о Штюрмере – Б.Е. авт.*). Совершенно невежественный во всех областях, за которые брался, он не мог связать двух слов для

выражения сколько-нибудь серьёзной мысли и принуждён был записывать или поручать записывать для своих выступлений несколько слов или фраз на бумажке. В серьёзных вопросах он предпочитал таинственно молчать, как бы скрывая своё решение. Зато он очень хорошо умел соблюдать при всех назначениях собственные интересы. Убедить царя, что Думу нельзя созывать на короткий срок и только для бюджета, было нетрудно. На этом Штюмер и свалил Горемыкина». Василий Шульгин (1878–1976), лидер прогрессивных националистов в IV Думе, – вспоминает этот момент так:

Назначают «заместо Столыпина» – Штюмера, о котором Петербург выражается так:

--Абсолютно беспринципный человек и полное ничтожество...

За внешность его называют «святочным дедом»... Но этот «дед» не только не «принесёт» порядка России, а «унесёт» последний престиж власти. К тому же этот «святочный дед» с немецкой фамилией...». Невысокого мнения о новом премьером был и посторонний наблюдатель – посол Франции в Российской Империи Морис Палеолог (1859-1944). Справедливости ради, надо отметить, что он такого же мнения был о большинстве тогдашних российских бюрократах.

Премьер Штюмер

«Три дня всюду собирал сведения о новом Председателе совета министров. То, что я узнал, меня не радует.

Штюмеру 67 лет. Человек он ниже среднего уровня. Ума небольшого; мелочен; души низкой; честности подозрительной; никакого государственного опыта и никакого делового размаха. В то же время с хитрецой и умеет льстить...

Ни личные качества Штюмера, ни его прошлая административная карьера, ни его социальное положение не предназначали его для высокой роли, ныне выпавшей ему. Все удивляются этому назначению. Но оно становится понятным, если допустить, что он должен быть

лишь чужим орудием; тогда его ничтожество и раболепность окажутся очень кстати. Назначение Штюмера дело рук камарильи при императрице; за него пред императором хлопотал Распутин, с которым Штюмер близко сошёлся. Недурное будущее всё это нам готовит!».

Не всем импонировала и внешность премьера: «Старый уже человек, крупной фигуры, высокого роста, с некрасивым лицом, воспроизводившим своими чертами облик хищной птицы, волосом рыжий с сединою (чиновник МИДа Б.Лопухин)».

Возглавив Совет министров, Штюмер в повседневной работе опирался на двух своих приближённых: Ивана Манасевича-Мануйлова и

Илью Гурлянда. Первый – бывший агент охранного отделения, а до того работавший в тюрьмах Ярославской губернии при Штюмере, назначен им управляющим своей канцелярией. Второй – тоже выходец из Ярославской губернии, где когда-то Борис Штюмер губернаторствовал. Илья Гурлянд – семейный друг Штюмеров, известный правый публицист, ставший Борису Штюмеру неофициальным советником и помощником, это он сочинял шефу разного рода записки и тексты речей.

Кроме высоких своих начальников – царя и царицы, Борис Владимирович имел более жёсткого и непосредственного начальника – Григория Распутина. Однажды наш герой попытался проявить самостоятельность в делах министерских, но при встрече на квартире митрополита Питирима Распутин грубо накричал на премьера: «Ты не смеешь идти против желания мамы!» (т.е. царицы. – Б.Е. авт.). Штюмер что-то бормотал в оправдание. «Смотри, чтобы я от тебя не отошёл, тогда тебе крышка!», пригрозил «Старец». Потом, после отъезда Штюмера, Распутин сказал Манасевичу- Мануйлову: «Он, старикашка, должен ходить на верёвочке, а если это не так будет, то ему шея будет сломана». Эти слова потом до многих дошли.

3 марта 1916 года Штюмера по совместительству назначили министром внутренних дел вместо Алексея Хвостова (1872–1918), которого заподозрили в организации заговора с целью убить Распутина, и не без оснований.

Перед Штюмером стояли пугающе трудные проблемы. На фоне военных неудач к 1916 году Россия потеряла Польшу, часть Прибалтики и Белоруссии, полностью Галицию и потери продолжались, внутреннее состояние государства вызывало тревогу. Впоследствии советские историки писали: «Самодержавная бюрократическая машина не справлялась с управлением страной. Транспорт не обеспечивал перевозок. Не хватало хлеба и других продуктов питания. Быстро росли цены на товары. Спекулянты наводнили рынок. Казнокрадство стало обыденным явлением. Нарастало предреволюционное брожение, охранка производила многочисленные обыски и аресты, либералы от политики, думцы, публицисты, почуяв некоторую свободу, стали метать громы и молнии в адрес царских министров. Новому главному полицейскому Борису Штюмеру было от чего схватиться за голову».

Царь и его ближайшее окружение (в значительной степени царица и Распутин) видели решение проблем в замене одних министров другими,

«Словом сказать, товарищи министры поют свои ведомств». Карикатурщик Кукрыниксы.

Рис. Кукрыниксы, 1930-е гг. Совет министров Штюрмера

(1861–1927). Что в этих условиях мог совершить не блиставший способностями Борис Штюрмер? Плыть по течению, изображая кипучую работу с окладом 20 000 рублей в год – огромные деньги по тем годам.

В недрах обеспокоенной элиты в условиях министерской чехарды и скатыванием страны в общий кризис кто-то произнёс слова о необходимости диктатуры, видя слабость самодержавия. Некоторые приписывают эту мысль начальнику штаба Ставки Верховного командования генералу Михаилу Алексееву (напомним – нашему земляку), озабоченному состоянием снабжения и продовольствия армии из-за несогласованных действий военных и гражданских ведомств. По его мнению, диктатором в этом деле должен быть военный. Вопрос обсуждался в Ставке с участием Штюрмера, в результате приняли решение о создании нового учреждения «Особое совещание министров для объединения всех мероприятий по снабжению армии и флота и организации тыла». Оно получило дополнительные полномочия: контроль и ограничение деятельности некоторых гражданских организаций, запрет всяких съездов, собраний, забастовок, введение военного положения на фабриках и заводах, закрытие неугодных газет. Председателем «Особого совещания» назначили Штюрмера, то есть 28 июня 1916 года наш герой стал почти диктатором. Однако он сообразил, что три важных поста ему не потянуть, поэтому попросил царя освободить его от должности министра внутренних дел. Подвернулся удобный случай – царь задумал освободить с поста министра иностранных дел Сергея Сазонова (1861–1927), сторонника Антанты и продолжения войны. Подходящей в тот момент кандидатуры на замену не было и царь снова по совету супруги и Распутина обратил взгляд на Штюрмера, верного слуги своего. Тот

желательно преданных трону и свободных от новомодных либеральных «штучек». В марте 1916 года увольняют военного министра Алексея Поливанова (1855–1920), а его предшественника Владимира Сухомлинова (1848–1926), слывшего в обществе взяточником и герmanoфилом, виновником неготовности русской армии к войне с Германией, пытались реабилитировать, что вызвало бурю негодования. Появилось недовольство деятельностью министра иностранных дел Сергея Сазонова

согласился снова занять третий пост. Почему? Как пишет Павел Милюков: «Министерство внутренних дел кропотливо, там во всякое время дня и ночи справки, телеграммы, телефоны, распоряжения... А министерство иностранных дел легче: сиди и слушай, как в определённый час Нератов (заместитель министра – авт.) разговаривает с послами».

Итак, 7 июля 1916 года Борис Владимирович Штюрмер стал министром иностранных дел с сохранением поста премьера, председателя «Особого совещания», членства в Государственном совете, с сохранением придворного титула «гофмейстер». Однако никакой диктатуры со стороны «диктатора» не было, а было бездействие власти, работа в правительстве и в МИДе шла без чётких планов, без программ, много усилий уделялось борьбе с Думой, с общественностью, с нарастающими подпольными движениями.

Политические шахматы, в которые играли царь и его окружение, не могли стабилизировать внутреннее тревожное состояние Империи. Председатель центрального Военно-промышленного комитета Александр Гучков (1862–1936) в одном из писем в Ставку генералу М.Алексееву (1857 -1918) рисовал такую картину: «Ведь в тылу идёт полный развал, ведь власть гниёт на корню. Ведь, как ни хорошо теперь на фронте, но гниющий тыл грозит ещё раз, как было год тому назад, затянуть и Ваш доблестный фронт и Вашу талантливую стратегию, да и всю страну, в то невылазное болото, из которого мы когда-то выкарабкались со смертельной опасностью... А если Вы подумаете, что вся власть возглавляется г. Штюрмером, у которого (и в армии и в народе) прочная репутация если не готового предателя, то готового предать, – что в руках этого человека ход дипломатических сношений в настоящем и исход мирных переговоров в будущем, – а, следовательно, и вся наша будущность, – то Вы поймёте, Михаил Васильевич, какая смертельная тревога за судьбу нашей родины охватила и общественную мысль, и народные настроения».

1 ноября 1916 года началось очередное заседание (после летних каникул) Госдумы. Депутаты настроены решительно. При общем шуме и волнении на трибуну поднимается Павел Милюков (один из лидеров «Прогрессивного блока») и произносит эмоциональную речь, в которой клеймит «тёмные силы» в стране. Не упоминая никаких фамилий, он гневно распространяется о предательстве при Дворе, фактически давая понять, что речь идёт о царице, Распутине и Штюрмере. Говоря о продажной и неумелой политике его правительства, Милюков несколько раз пафосно задавал вопрос залу: «Что это – глупость или измена?». Разогретые речью Милюкова депутаты пришли к выводу, что правительство Штюрмера неспособно удержать ситуацию,

скатывающуюся к революции, его надо заменить таким, которое в своей работе опиралось бы на большинство в Думе.

Штюрмер сразу же собрал Совет министров с целью привлечь Милюкова к ответственности. Но было уже поздно. Текст речи разошёлся по стране, да и репутация Штюрмера в глазах царицы и Распутина сильно упала. Разочаровался в нём и царь. 7 ноября он вызвал премьера в Ставку и там лишил Штюрмера премьерства, поста министра иностранных дел, оставив ему членство в Госсовете, повысив денежное содержание до 24 000 рублей. В качестве моральной компенсации ему присвоил придворное очередное звание «обер-камергер».

10 (23) ноября царский указ был обнародован. Председателем Совета министров царь назначил Александра Трепова (1862 – 1928), старого сановника, верного монархиста. В декабре его тоже быстро сняли.

Крах

Несостоявшийся «диктатор» тяжело переживал своё падение. 1 декабря Морис Палеолог вспоминал: «Штюрмер так удручён своей опалой, что покинул министерство иностранных дел, не простившись с союзными послами, не оставив даже карточки. Знаменательная некорректность со стороны такого традиционного и церемонного человека!

Сегодня днём, проезжая вдоль Мойки на автомобиле, я замечаю его у придворных конюшен: он с трудом продвигается пешком против ветра и снега, сгорбив спину, устремив взгляд на землю, с лицом мрачным и расстроенным. Он меня не видит, он ничего не видит. Сходя с тротуара, чтоб перейти набережную, он чуть не падает».

Злорадство по отношению к отставке Штюрмера было непродолжительным, страну захлёстывали другие, более сногшибательные события. 16 декабря родственники царя Великий князь Дмитрий Павлович и князь Феликс Юсупов с примкнувшим к ним монархистом и черносотенцем Владимиром Пуришкевичем, заманив Григория Распутина во дворец Юсуповых, с трудом убили его, заработав слышимые и неслышимые аплодисменты российской либеральной элиты. Монархисты же вздрогнули от того неизвестного, что надвигалось на самодержавие.

Нам неизвестно, как Борис Штюрмер перенёс это событие. Скорее всего, с раздвоенными чувствами: с одной стороны, он избавился от нравственного диктата Распутина, с другой – возникло тревожное чувство за судьбу монархии, которой он служил всю жизнь. Немногочисленные коллеги сочувствовали ему, говоря, что обвинения его, императрицы и Протопопова в измене, в стремлении заключить сепаратный мир с

Германией есть полные чушь и вздор. Однако держаться от него стремились подальше.

В стране и Петрограде нарастала революционная напряжённость. 27 февраля в столице власть в лице правительственного аппарата оказалась парализованной, её захватили Временный комитет депутатов Госдумы совместно с Петроградским Советом рабочих и солдатских депутатов, 2 марта царь Николай II под давлением представителей Госдумы и генералитета отрёкся от престола. 28 февраля либералы из Временного комитета начали аресты наиболее одиозных и ненавидимых в народе министров царского правительства разных созывов. Арестовывали генералов, деятелей охраны и жандармерии, крупных чинов, свозя их в павильон Таврического дворца, где работала Дума. Штюрмера арестовали одним из первых 28 февраля. Его арестовывали, как и всех, без ссылки на какой-нибудь закон, объявив политическими преступниками. Он, конечно, попытался уехать из города с чемоданами документов из личного архива, который вёл много времени, и документов служебных, которые почему-то решил сохранить у себя. Но не успел – «добровольные жандармы» взяли его и поместили вместе с другими в павильоне Таврического дворца. Обвинений пока не предъявляли никаких, единственная их вина состояла в том, что они каждый в своё время был призван на службу самодержавию.

Вскоре всех перевели в камеры тюрьмы «Кресты». Штюрмер разболелся – он страдал почками. В марте было сформировано Временное правительство, которое создало Чрезвычайную следственную комиссию (ЧСК) для проведения допросов арестованных с целью доказать их причастность к измене, к попыткам заключить с Германией сепаратный договор. А на самом деле показать себя борцами со старым режимом. Допрашивали по несколько часов, не выявив никакой измены и предательства. Один из свидетелей (Ф. Видберг, 1920 г.) вспоминал: «Больной, истощённый старик, страдающий хронической болезнью почек, Штюрмер попал в сырую, холодную камеру Трубецкого Бастиона, где в полном одиночестве, терпя постоянный, мучительный голод, в самых отвратительных условиях лишения элементарнейших требований комфорта, он был обречён неизбежно на мучительную, долгую агонию, при которой оставалось мечтать о смерти, надеяться на неё и ждать её, как желанную избавительницу. Обращение с заключённым было ужасное: ему приходилось переносить не только самые грубые издевательства и оскорбления, но и по-бои». Сжалившись над стариком, следователи ЧСК решили освободить Штюрмера, но, узнав об этом, депутат Александр Керенский (1881–1970) «...прибежал в комиссию и уверял, что освобождение произведёт тяжёлое впечатление на “широкие демократические массы” и может взорвать правительство» (следователь

А.Ф.Романов). Жена Елизавета Васильевна несколько раз ходатайствовала об улучшении содержания мужа в тюрьме, но её просьбы в письменной и устной форме находили лишь злорадные отговорки, а то и прямо насмешки. По свидетельству Ф. Видберга, этого охранникам показалось мало, «хотелось чего-либо пикантного... И вот люди, одетые в мундиры бывших доблестных русских воинов, но волей, работой и стараниями друзей и единомышленников, возглавителей революционной рвани, превращённые в “сознательных товарищей”, “спасающих революцию”, придумали новый способ развлечения: поочерёдно, “справа по одному”, они стали подходить к Штюмеру и мочиться на его лицо». Другой свидетель – И.Манухин. Он вспоминает: «Состояние его (уремия) было таково, что обречённость была очевидна. Однако даже в этом случае два дня ушло на переговоры и уговоры, прежде чем Б.В.Штюмера удалось увезти в больницу, где он и скончался».

Когда он был уже в агонии и умирал, жена и другие хотели войти в комнату, их задержали караульные и объявили, что никого не пропустят: «Никого не пропустим! Пускай околевает при нас и только при нас. Много чести ему простаться с родственниками!». Такова была революционная ненависть.

Умер Б.В.Штюмер 2 (по некоторым данным 9) сентября 1917 года. Похоронили его родственники в Петрограде, а на каком кладбище – нам неизвестно.

По иронии судьбы после большевистского переворота сюда же в «Кресты» попали почти все те, кто давал команду на арест Штюмера и его коллег по чиновническому клану. Большевики не церемонились: первым расстреляли Протопопова, потом Щегловитова и Хвостова, другим чудом удалось эмигрировать, где они и закончили свой жизненный путь, оставив воспоминания с разной степенью достоверности о том, что видели и что натворили.

... К 1918 году имение Штюмеров постигла судьба имений всех помещиков России: землю крестьяне поделили, усадьба подверглась разорению. Краеведы из Кесовой Горы сообщают: «Брат Бориса Сергей Владимирович в 1923 году пишет заявление в Губмузей о сохранении усадьбы в качестве музея. Там была детская колония, собственность расхищена и испорчена. Сергей добился назначения на должность инструктора по охране памятника. Работал там до 1924 года». Потомки Штюмеров живут там и сегодня.

Ну и какое нам дело до Штюмера?

Действительно, человеку, не заглядывающему ни в прошлое своего народа, ни в его будущее, живущему только сегодняшним днём, нет никакого дела до одного из политических неудачников начала XX века.

Мало ли тогда таких, как Штюрмер, барахтались в штормовом хаосе предреволюционной бури, всех не упомнишь! Что было – то больём поросло.

Однако подождите. Пусть читатель припомнит 90-е годы того же XX века, крах советской системы в России, хаос, хоть и не такой беспредельный, как в начале века, но всё же очень болезненный для народа и страны. Не напоминают ли уважаемому читателю судьбы взлетевших на политический Олимп Руцкого, Хасбулатова, Лебеда, судьбу героя нашего повествования? Разумеется, каждый из них сильно отличался от Штюрмера и по интеллекту, и по способностям адаптироваться к складывающимся обстоятельствам, да и по личным жизненным целям – тоже. Впрочем, последнее, возможно, неверно. Или свежий пример с бывшим министром обороны Сердюковым: его взлёт и падение с оглушительным шумом – разве не напоминают траекторию судьбы Бориса Штюрмера?

Следовательно, как вывод вырисовывается рекомендация всем тем, кто пожелает быть включённым в свиту царя (вождя, генсека, президента и т.п.): необходимо правильно оценивать свои возможности, свои жизненные цели на соответствие требованиям условий нахождения в свите Хозяина. Надо правильно сделать выбор: служить Хозяину или народу, государству? В первом случае возможна потеря головы в прямом смысле.

Политическая турбулентность в России – исторически обыкновенная вещь. А потому ситуации, схожие с судьбой Штюрмера, непременно будут иметь место. Значит, учесть ошибки предшественников, как говорится, сам Бог велел.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Милюков П.Н. Воспоминания (1859–1917). Т. 2 / Сост. и авт. вст. ст. М. Г. Вандалковская; Коммент. и указатель А.Н.Шаханова. –М.: Современник, 1990. –(Серия мемуаров «Память»).
2. Кобылин В.С. Анатомия измены. Император Николай II и Генерал-адъютант М.В.Алексеев. СПб.: Царское дело, 1998.
3. Палеолог М. Царская Россия накануне революции: пер. с фр. – Репринт. воспроизведение изд. 1923 г. – М.: Политиздат, 1991.
4. Катков Г.М. Февральская революция. пер. с англ. Н.Артамоновой, Н.Яценко; под общ. ред. А.И.Солженицына. – М.: Русский путь, 1997.
5. Шульгин В.В. Дни. 1920: Записки/сост. и авт. вст. ст. Д.А.Жуков; коммент. Ю.В. Мухачева; худож. А.Сергеев. – М.: Современник, 1989.
6. Богданович А.В. Три последних самодержца: Дневник. – М.: Изд-во «Новости», 1990.

7. Ерошкин Н.П. Самодержавие накануне краха: книга для учителей. – М.: Просвещение, 1975.
8. Касвинов М.К. Двадцать три ступени вниз: 2-е изд., испр. – М.: Мысль, 1987.
9. Лемке М.К. 250 дней в царской ставке. 1916. / – Мн. инск.: Харвест, 2003.
10. История гражданской войны в СССР: в 5 т. Т.1. Подготовка великой пролетарской революции (от начала войны до начала октября 1917 г.) / под ред. коллектива авторов. – М.: Гос. изд-во «История гражданской войны», 1935.
11. Пикуль В.С. Собрание сочинений: в 20 т. Т.11. Нечистая сила, кн. 2. Роман.—«Деловой центр», 1993.
12. Эдвард Радзинский. Загадки жизни и смерти. Распутин. – М.: ВАГРИУС, 2003.
13. Григорьева Е.В. Б.В.Штюрмер: Российский бюрократ на рубеже двух полити-
ческих эпох (1872–1917): автореф. дис. канд.ист.наук. – СПб., 2004.
14. www.dissercat.com/content/by-shtyurmer
15. Савельев В.В. Дворянская семья Штюрмер: бежецкие корни «рокового премьера». // Род и семья в контексте Тверской истории: дворянские роды Тверской губернии. – Тверь: ТО «Книжный клуб», 2009. – вып.3.
16. ru.wikipedia.org/wiki/Штюрмер
17. www.rusempire.ru/glavy-pravitelstva
18. www.yar.rodgor.ru/gazeta/220/history
19. bezh.asobezh.ru/bezechane/shtjumer.htm
20. www.mid.ru/bdomp/dip_vest.nsf – Журнал 12.2001. Б.В.Штюрмер (министр иностранных дел).
21. www.rusdeutsch--panorama.ru. Здесь же приводится достаточно большая библиография.
22. Шилов Д.Н. Государственные деятели Российской империи. Главы высших и центральных учреждений. 1802–1917. Библиографический справочник. – СПб.: Изд-во «Дмитрий Буланин», 2001.
Это одно из самых полных и подробных пособий для историков и краеведов, занимающихся историей Российской Империи. Содержит следующие разделы по каждому персоналию: происхождение и семья; служебная карьера; награды и почётные звания; научная, культурная и общественная деятельность; литература и архивы. www.rusarchives.ru
23. Мультатули Пётр. «Кругом измена, трусость и обман». Подлинная история отречения Николая II. – СПб.: Изд-во Астрель,

**По «Пушкинскому кольцу Верхневолжья»
ЭКСПУРСИОННАЯ ПОЕЗДКА УЧАСТНИКОВ
XX КАРГИНСКИХ ЧТЕНИЙ В 2013 ГОДУ**

Составлена Владимиром Александровичем Галочкиным
по материалам краеведческих записок
Владимира Борисовича Финкельштейна

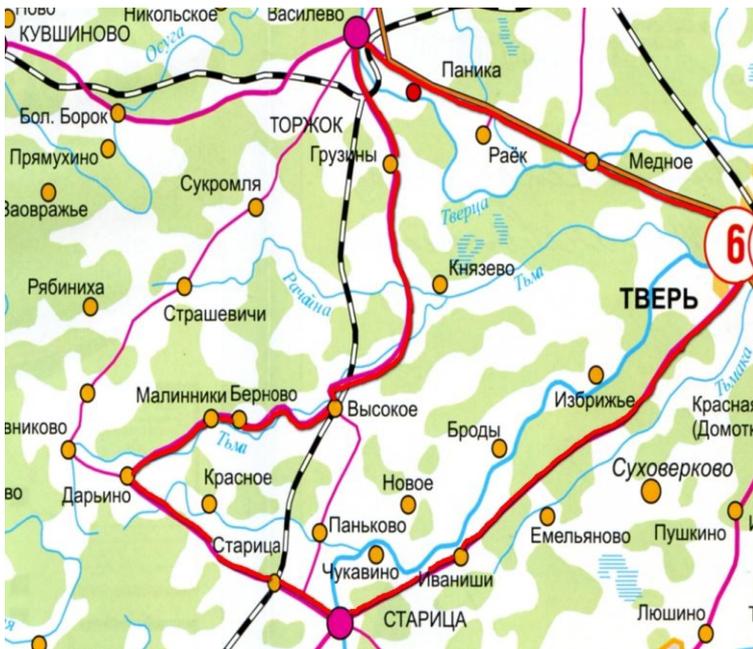
В представлении многих людей жизнь величайшего поэта России связывалась с Москвой, Петербургом, Молдавией, Одессой, Крымом, Кавказом и двумя усадьбами, родовыми вотчинами Пушкиных – Ганнибалов: Михайловское, что на Псковщине (и Тригорское, имение Осиповых-Вульф, самых верных друзей Пушкина, сейчас объединённых в Пушкинский Музей – заповедник), и Болдино в Нижегородской губернии. Однако сегодня участники поездки откроют для себя много нового и увидят удивительное, равнодушных не будет точно!

Наш экскурсионный маршрут – по памятным местам Тверской области, связанным с пребыванием А.С. Пушкина в Тверском крае. Маршрут организован в 1971 году в связи с созданием музея А.С. Пушкина в Бернове и соединяет в кольцо протяженностью 240 км пушкинские места Верхневолжья: *Тверь, Чукавино, Старица, Малинники, Павловское, Берново, Курово-Покровское, Грузины, Торжок.*

Участники конференции в Старице

Среди достопримечательностей маршрута «Тверское Пушкинское кольцо» – архитектурные памятники, сооруженные по проектам В.В. Растрелли, М.Ф. Казакова, Н.А. Львова, К.И. Росси.

Наиболее интересные объекты: Императорский Путевой дворец в Твери, гостиница Гальяни, где останавливался Пушкин, памятник Пушкину; село Иваниши – Успенская церковь (памятник архитектуры XVI века); Старица–Успенский Старицкий монастырь; село Малинники – парк бывшей усадьбы П.А. Осиповой-Вульф; село Берново – усадебный дом Вульфов

(сегодня музей А.С.Пушкина), старинный парк; село Павловское – парк в бывшем имении А.И. Вульфа; деревня Старое Глинкино – бывшая усадьба Ртищевых (памятник архитектуры начала XIX века); село Грузины – каменные дома для крестьян (уникальный памятник архитектуры XVIII века), усадебный дом Полторацких, старинный парк; Торжок –гостиница Пожарского, бывшая городская усадьба Олениных (ныне музей А.С.Пушкина); село Митино – бывшая усадьба Львовых, старинный парк; погост Прутня – могила А.П. Керн. И множество других исторических объектов.

Следует упомянуть предысторию организации тверских памятных мест, связанных с пребыванием А.С. Пушкина в Тверском крае, в некий музейный комплекс. Она относится к 30-м годам. XX столетия, когда большая группа пушкинистов – историков и краеведов изучавших наследие поэта, при активном содействии СМИ районных и областных газет, работников культуры, с согласия партийных органов стала публично ставить вопрос о создании в Калининской области ещё одной заповедной пушкинской территории – как Пушкиногорье. На основании изученных дат пребывания Пушкина в усадьбах и имениях своих друзей, в состав предлагалось включить БЕРНОВО – МАЛИННИКИ – ПАВЛОВСКОЕ – КУРОВО-ПОКРОВСКОЕ, где поэт создал известные произведения, входящие в состав всех сборников его наследия. В связи с военным лихолетьем и послевоенным восстановлением территорий данный проект был отложен на более чем 30 лет.

И только в 1971 году экскурсионный маршрут был создан.

В Твери неоднократно останавливался А. С. Пушкин, проезжая Государевой дорогой, ночевал в гостинице Гальяни, здание которой сохранилось. 9 ноября 1826 года Пушкин в письме С. А. Соболевскому писал:

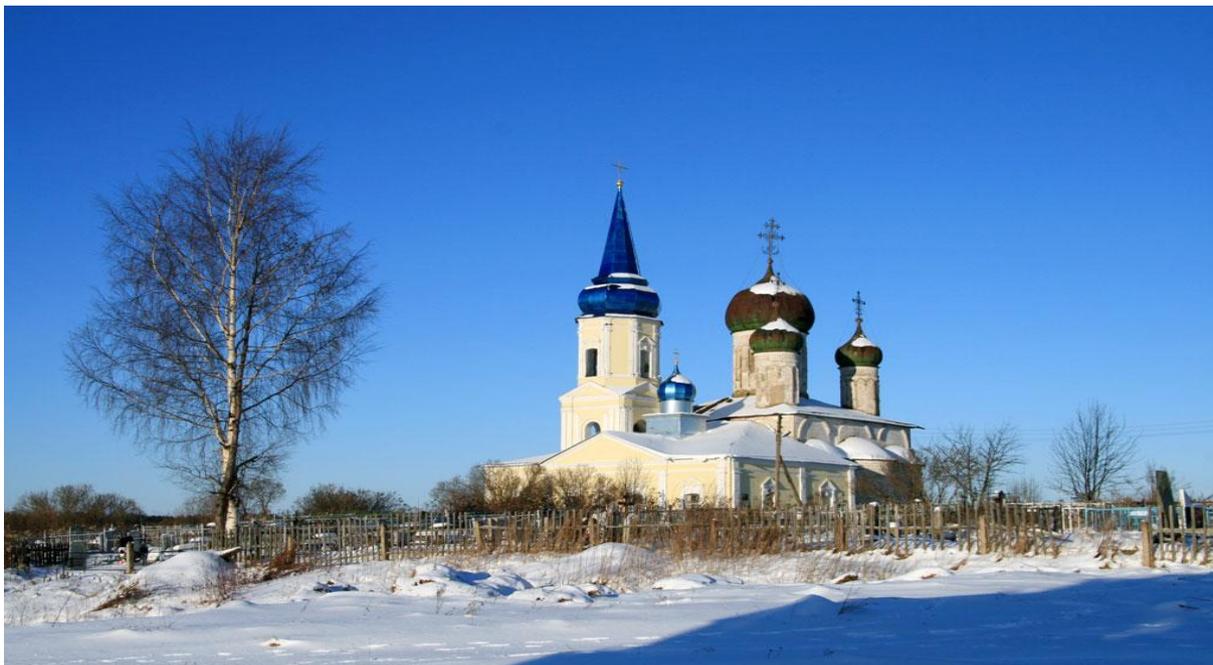
*У Гальяни, иль Кольони
Закажи себе в Твери
С пармезаном макарони,
Да яичницу сvari.*

13 августа 1830 года А.С.Пушкина в Твери встречал Ф. Н. Глинка. В 1836 году в Твери чуть не состоялась дуэль Пушкина с В. А. Соллогубом.

В городе установлены два памятника Пушкину – на Театральной площади (1972 г., ск. Е. Ф. Белашова) и на волжской набережной Михаила Тверского (1974 г., ск. О. К. Комов). Именем Пушкина названы улица и библиотека.

Итак наш путь на Старицу и первая на маршруте – деревня **Зуево**, от которой есть поворот на Суховерково, где дорога пересекает реку Тьмаку. Здесь находится **могила А. Н. Унковского**, видного общественного деятеля времён подготовке к отмене крепостного права в 1850-х годах.

Проезжаем село **Иванищи**, расположенное на берегу Волги, в 20 км от Старицы по дороге на Тверь. В селе сохранилась трёхглавая **Успенская церковь**, построенная в 1530-х годах.

Успенская церковь в селе Иванищи

Далее Чукавино, бывшая усадьба И. Е. Великопольского, расположенная на берегу Волги в 12 км от Старицы. Великопольский – поэт, меценат, приятель А. С. Пушкина. 13 октября 1829 года Пушкин был

Владимирская церковь в Чукавино

в гостях у него в Чукавине. И.Е. Великопольский был женат на С. М. Мудровой, дочери профессора медицины М. Я. Мудрова, который бывал в семье родителей А. С. Пушкина. В январе 1833 года Н. О. Пушкина, мать Александра Сергеевича, подарила С. М. Мудровой детский портрет старшего сына, выполненный на металлической пластине.

Долгое время портрет находился в Чукавине. А затем правнучка Великопольских Е. А. Чижова подарила его актёру В. С. Якуу – исполнителю роли Пушкина в одноимённой пьесе Глобы. В настоящее время портрет экспонируется в Государственном музее А. С. Пушкина в Москве.

Коноплино – деревня, расположенная рядом с Чукавиным. В

Усадебный дом после реконструкции

Коноплино писатель И. И. Лажечников купил имение, в котором работал в 1837 – 1843 годах. Лажечников был знаком с А. С. Пушкиным: в 1819 году он расстроил дуэль поэта с майором Денисевичем. Пушкин не раз останавливался в Твери, где жил И. И. Лажечников, но встретиться им не пришлось, обменивались лишь

письмами. Здесь написаны роман «Бусурман», драма «Опричник». В гостях у писателя бывали известные люди того времени. В 1831–1837 годах Лажечников работал директором училищ Тверской губернии, с 1843 года – вице-губернатором Твери.

Старица – исторический город Тверской земли. Основана в 1297 году Тверским князем Михаилом Ярославичем. Расположена на обоих

берегах Волги, в 77 км от Твери. В Старице хороший музей. Привлекает туристов и паломников обновлённый **Успенский мужской монастырь.**

Помнит Старицкая земля и царя Ивана Грозного, ставка которого во время Ливонской войны России за выход к Балтийскому морю находилась в Старице. Ивану Грозному нравилась Старица, он

называл её «любим-городом».

Биографы А.С. Пушкина утверждают, что первый поэт России гостил в Старицком уезде у друзей и знакомых в 1828, 1829, 1830 и 1833 годах и провел здесь не менее трех месяцев своей довольно короткой жизни.

Пушкина радушно принимают в доме Вельяшевых. Королевой бала была юная Катенька. Она хороша собой, стройна и скромна. Поэту запомнились её синие глаза, легкий стан, движений стройность, осторожный разговор. Встреча с Катенькой Вельяшевой побудила поэта написать в её честь стихотворение «Подъезжая под Ижоры», впоследствии положенное на музыку композитором Георгием Свиридовым и ставшее известным романсом.

Дом А.В. Вельяшева в Старице

*...Упиваясь неприятно
Хмелем светской суеты,
Позабуду, вероятно,
Ваши милые черты,
Легкий стан, движений
стройность,
Осторожный разговор,
Эту скромную спокойность,
Хитрый смех и хитрый взор...*

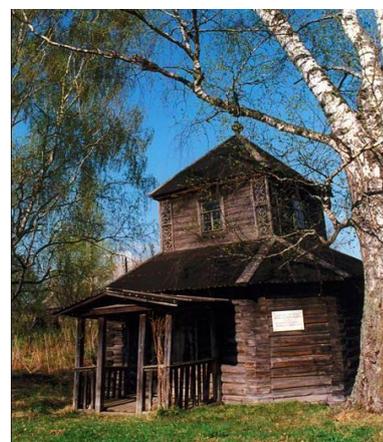
Село **Красное** входит в «Пушкинское кольцо Верхневолжья» и находится между Старицей (в 20 км) и с. Берново (в 30 км), на берегу реки Холохольни в очень живописном месте. В XIX веке принадлежало помещикам Полторацким.

Сохранились бывший барский дом, пейзажный парк (XIX в.). **Преображенская церковь** (1790 г. архитектор Ю.М. Фельтен), выстроенная в псевдогоготическом стиле, четырехлепестковая в формах русского классицизма, увенчана высокими сквозными башенками-барабанами из белого камня, главный портал украшен двумя обелисками со

скульптурами ангелов. Подобная церковь находится в С.-Петербурге при Чесменском дворце.

Деревня **Малинники** в начале XIX века – имение с П. А. Осиповой-Вульф, с которой был дружен А. С. Пушкин. С октября 1828 по март 1833 года Пушкин трижды приезжал к ней в Малинники: «Здесь мне очень весело, ибо я деревенскую жизнь очень люблю...» (из письма А. А. Дельвигу).

В Малинниках Пушкин создал стихотворения «Анчар», «Поэт и толпа», «Ответ Катенину», «Посвящение» к поэме «Полтава», продолжал работать над 7-й главой «Евгения Онегина». Создал прелестную миниатюру «Цветок». В Малинниках усадебный дом рухнул в 1923 году. От прежнего времени остались разросшийся парк да нескладная часовня.

*Хоть малиной не корми,
Да в Малинники возьми!*

Павловское, деревня, расположенная в трех километрах от Берново. Сюда А. С. Пушкин приезжал в октябре–ноябре 1829 года и в августе 1833 года. Здесь поэт работал над «Путешествием Онегина», «Романом в письмах». Здесь он создал знаменитые стихотворения «Зимнее утро» и «Зима, что делать нам в деревне», а также работал над набросками предисловия к «Повестям Белкина».

Берново – центр Пушкинского Верхневолжья. Здесь всё связано с именем А. С. Пушкина. На реке Тьме когда-то стояла плотина и работала мельница. Здесь А. С. Пушкин слышал легенду о бедной девушке, утонувшей в омуте. Легенда навеяла Пушкину сюжет «Русалка». В 1891 году это место запечатлел И.И. Левитан в картине «У омута».

Усадьба Берново во времена Пушкина принадлежала И. И. Вульффу, у которого неоднократно бывал Пушкин.

*Знакомые, печальные места!..
Невольно к этим грустным берегам
Меня влечёт неведомая сила.*

В конце XVII – начале XVIII века в Берново была построена Успенская церковь, в конце XVIII – начале XIX века построен главный усадебный дом в стиле классицизма. Каменный двухэтажный дом с мезонином своим северным фасадом обращён к саду. Пушкину в этом доме отводили комнату на втором этаже, с окнами, обращёнными в сад, с балконом. В 1971 году в доме Вульффов создан музей. В этом же году перед домом был установлен памятник поэту (ск. И. М. Рукавишников). Парк реконструирован.

В первую неделю июня ежегодно проводится областной Пушкинский праздник поэзии, на который съезжаются со всей России и зарубежья.

*...Татьяна взором умиленным
Вокруг себя на все глядит,
И всё ей кажется бесценным,
Всё душу томную живит
Полумучительной отрадой:
И стол с померкшею лампадой,
И груды книг, и под окном
Кровать, покрытая ковром,
И вид в окно сквозь сумрак лунный,
И этот блудный полусвет,
И лорда Байрона портрет,
И столбик с куклою чугунной
Под шляпой, с пасмурным челом,
С руками, сжатыми крестом.*

Берново было одним из пограничных пунктов между владениями Твери и Новгорода и принадлежало боярам Берновым (отсюда и название). В XVI веке входило в состав Старицкого удельного княжества, в 1569 году поступило в опричнину, в начале XVII века отдано стольнику Калитину, затем перешло П.Г. Вульфу. У его потомка И.И. Вульфа в усадьбе Берново неоднократно бывал А.С. Пушкин. В 1971 году в бывшем усадебном доме Вульфов открыт музей А.С. Пушкина, где ежегодно стали проводиться праздники поэзии. У здания музея открыт памятник поэту работы скульптора Руковишникова.

Курово-Покровское, деревня, расположенная недалеко от Берново.

Усадебный дом в Млевичах

Усадебный дом (середина XVIII в.), Знаменская церковь и отдельно стоящая колокольня (1771 г.).

Село **Мошки** расположено в 3 км южнее Млевичей. Здесь и в Млевичах, а также по всему маршруту есть братские могилы советских воинов, павших в Великой Отечественной войне 1941 – 1945 годов.

Грузины – село, расположенное в 12 км от Торжка. Село принадлежало Полторацким. В 1754 году М. Ф. Полторацкий привез из Малороссии икону Грузинской Божией Матери для вновь построенной церкви. С этих пор бывшее село Кузнечково стало называться Грузины. В селе каменные крестьянские дома, валунный мост через речку. Усадебный дом Полторацких был построен в 60 – 70-е годы XVIII века по проекту *Растрелли*; в начале XIX века реконструирован *В. П. Стасовым*.

В 1828 – 1829 годах здесь неоднократно гостил А. С. Пушкин, работал над 7-й главой «Евгения Онегина». В 1891 году в Курово-Покровском жил и работал *И. И. Левитан*.

Следующие по маршруту: **Млевичи** – село, расположенное в 20 км к югу от Торжка. В селе сохранились главный

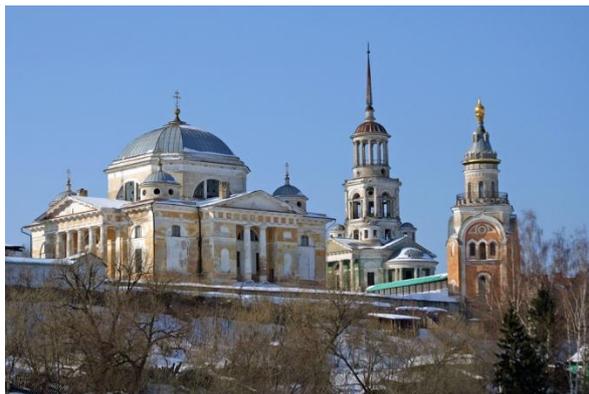

Вид на село Грузины. Дома крестьян, валунный мост в усадьбу

В этом доме останавливались императрицы Елизавета Петровна и Екатерина II. В марте 1829 года и марте 1830 года Грузины посетил А. С. Пушкин.

Торжок – город древний, впервые в летописи он упоминается в 1139 году. *Это не мешает новоторам готовиться к 1000 – летию города в 2015 году и другим более ранним датам образования города. И это справедливо!!!*

В Торжке многочисленные памятники археологии X – XVII веков и архитектуры XVIII – XIX веков. В городе два музея – Всероссийский историко-этнографический, открытый в 1988 году, и А. С. Пушкина, открытый в 1972 году. Музей размещается в доме Олениных-Балавенских, построенном в начале XIX века. В 1973 году в центре города открыт памятник А.С. Пушкину (ск. И. М. Рукавишников). А. С. Пушкин 20 раз останавливался в Торжке по пути из Петербурга в Москва или в Старицкие места, где жили его друзья Вульфы. В Торжке поэт останавливался в гостинице Пожарских.

На холмах на правом и на левом берегах возвышаются постройки мужского Борисоглебского монастыря и женского Воскресенского монастыря

*На дороге отобедай
У Пожарского в Торжке,
Жареных котлет отведай
И отправься налегке.*

Торжок удивляет приезжих! Город сравнивают... и называют Тверским Суздалем! Гости обескуражены большим числом замечательных памятников русского зодчества: это и Спасо-Преображенский собор (архитектор К.И. Росси), и Путевой дворец императрицы Екатерины II (архитектор М.Ф. Казаков), и небольшая ротонда у моста через Тверцу (архитектор Н.А. Львов) и...десятки других. **Также обескураживает их состояние.**

Здесь в лавке с сафьяновыми изделиями поэт купил шитые золотом пояса. Отсылая их в подарок княгине Вере Федоровне Вяземской, Александр Сергеевич написал, что *она «всю прелесть московскую за пояс заткнет»*, когда наденет торжокские пояса.

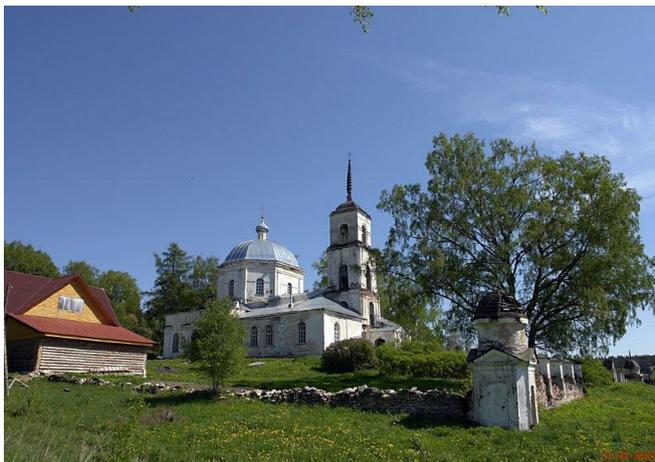
В настоящее время в музее, находящемся на территории золотошвейной фабрики ОАО «Торжокские золотошвеи», представлены великолепные образцы золотного шитья – древнего и бережно сохраняемого промысла Торжка.

Прутня расположена в 6 км от Торжка, на возвышенном левом берегу Тверцы. Около церкви, построенной в 1777 году, кладбище. Здесь на котором похоронена А. П. Керн, которой Пушкин посвятил замечательные стихи:

*Я помню чудное мгновенье:
Передо мной явилась ты,
Как мимолётное виденье,
Как гений чистой красоты.*

Спас – село на берегу Тверцы. Возле церкви Преображения (построена в 1793 – 1806 гг.) могила ученого химика А. А. Воскресенского. На надгробном каменном кресте сохранилась надпись «Дедушка русской химии».

Преображенская церковь в селе Спас на Низу

По другую сторону дороги расположено село Можайцево, принадлежавшее А. А. Воскресенскому. Здесь учёный создал школу для детей. На реке Тверце – на погосте Спаса на Низу – и завещал похоронить себя Воскресенский. *«Химики русского физико-химического общества собрали капитал*

общего имени Зинина и Воскресенского, на проценты которого общество будет выдавать премии имени основателей самостоятельного развития химических знаний в России». Д. Менделеев.

Раёк – бывшая помещичья усадьба Глебовых-Стрешневых «Знаменское-Раёк». Сохранился архитектурно-парковый ансамбль конца XVIII века. Отличается главный дом с двухрядной колоннадой, которая окружает территорию парадного двора. Архитектор – Н. А. Львов.

Архитектурный ансамбль усадьбы Знаменское – Раёк

Древняя Тверская земля... Здесь исток великой русской реки Волги. С ней связаны история, наука и культура России, многие славные имена. «Милым берегом» был наш край для Александра Сергеевича Пушкина. Усилиями местных писателей, журналистов, литературоведов, музейных работников создана Тверская Пушкиниана (В. Колосов, Н. Павлов, М.

Ильин, В. Кашкова, А. Пьянов, Л. Керцелли, Ю. Никишов, С. Фессолоницкий, С. Ржеутский.)

До Твери остаётся чуть более 40 километров. Маршрут пройден за один экскурсионный день. Впечатления яркие и незабываемые. Мы проехали по живописным природным местам *и через исторические места города – Тверь, Старицу и Торжок*, дворянские усадьбы, по местам, связанным с жизнью выдающихся личностей, но территориям, насыщенным значимыми историческими событиями и оказавшими влияние на становление и развитие Российского государства.

Мы много лет гордимся тем, что «грады и веси» Верхневолжья, куда приезжал великий поэт, объединены в литературный маршрут «Пушкинское кольцо Верхневолжья», часто посещаемый как любителями отечественной истории, так и зарубежными гостями. Мы лишь прикоснулись к многовековой истории Тверской земли, почувствовали её время, её запах... от этого восприятия она становится более понятной.

ПАМЯТИ ВЛАДИМИРА БОРИСОВИЧА ФИНКЕЛЬШТЕЙНА

29 марта 2014 года во время работы настоящих 21-х Каргинских чтений ему исполнилось бы 80 лет. Но увы – судьба распорядилась иначе, он скончался 21 ноября 2013 года после трудных и болезни, и операции.

Владимир Борисович родился 29 марта 1934 года в городе Кимры Московской (ныне Тверской) области в семье служащего Бориса Исааковича Финкельштейна, директора Ильинской МТС, и его супруги Татьяны Ниловны, урождённой Грязновой из деревни Уходово Корчевского уезда. В 1936 году семья переехала в г. Калинин, где отец стал работать в областном управлении сельского хозяйства. В семье кроме Владимира росли ещё

брат и две сестры.

С началом боёв возле Калинина семья Финкельштейнов 12 октября 1941 года эвакуировалась в г. Кашин, уходили под пулями «мессеров», домой возвратились 29 декабря 1941 года и жили, как и все тогда, под бомбами «юнкерсов».

Окончив в Калинине СШ № 1, Владимир в 1954 году поступил в Калининский пединститут на естественно-географический факультет, во время учёбы участвовал в походах и научных экспедициях; в 1957 году руководил группой в походе по Южному Уралу, дважды выезжал в Акмолинскую область Казахстана на целину на сельхозработы, а однажды на велосипеде совершил поход из Калинина до Симферополя. Занимался спортом, был чемпионом и рекордсменом института по бегу.

В 1959 году Владимир Борисович окончил институт, получил звание учителя средней школы по специальности «География, биология», работал в школах Жарковского, Калининского районов, города Калинина (школа рабочей молодёжи, СШ № 37, СШ № 40), вёл краеведческую работу, организовывал со школьниками многодневные походы по родному краю, награждён за это грамотами.

В 1969 году был принят на работу в пединститут и до 1971 года в должностях ассистент, аспирант, методист вёл педагогическую практику, курс краеведения, принимал участие в проведении «дальних практик», которые проходили на Кольском полуострове, в том числе в Хибинах, на Южном Урале.

В.Б. Финкельштейн за составлением программы Каргинских краеведческих чтений

категории.

Краеведческо-литературную деятельность Владимир Борисович начал в 1980 году, когда он принял активное участие в составлении словника для энциклопедического справочника «Тверская область», для которого как член редколлегии он подготовил 42 статьи.

В.Б. Финкельштейн среди участников XVI Каргинских чтений. Ярополец – усадьба Гончаровых

«Летопись Твери», вышедшую в 1996 году тиражом 3000 экземпляров в редакционно-издательском отделе (РИО) компании АНТЭК. Это уникальное издание, предоставившее читателю информацию о людях и событиях тверской

С 1973 года работал внештатным экскурсоводом в Калининском (Тверском) бюро путе-шествий и экскурсий, а с конца 1976 года – на ТЭЦ-4 машинистом котлов высокого давления, заслужил звание «Ударник коммунистического труда», стал ветераном труда. В 1989 году вышел на пенсию, а 5 октября 1990 года провёл свою 500-ю экскурсию по городу Тверь, имея звание экскурсовода первой

В местной прессе он опубликовал свыше 190 статей на краеведческие темы. Публиковался также в «Российской газете», журнале «Тверца», его статьи есть в серии книг издательства «Тверское княжество», в сборнике «Каргинские чтения» с 2007 по 2013 год.

Особо отметим получившую большую известность его книгу

истории периода XI – XX веков, о памятниках архитектуры, многие из которых были в ней освещены впервые. В 2002 году в Москве в издательстве «Наука» вышел первый том «Свода памятников архитектуры и монументального искусства России», где 64 ссылки сделаны на «Летопись Твери» В.Б. Финкельштейна – больше, чем на труды других авторов. Можно смело утверждать, что если бы Владимир Борисович ограничился только одним этим трудом, то он всё равно вошёл бы в число заслуженно известных тверских краеведов.

С 2005 по 2013 год Владимир Борисович совместно с Борисом Александровичем Ершовым подготовил и издал вначале в издательстве «Студия-С» (издатель В.А. Галочкин), затем в других серии краеведческие книги «Моя малая Родина». Эти четыре книги хорошо встречены читательским и краеведческим сообществами. После выхода первой книги соавторам присвоено звание «Лауреат областной литературной премии им. М.Е. Салтыкова-Щедрина». Владимир Борисович – дипломант 1-го Всероссийского конкурса краеведческой литературы «Наше культурное наследие» и Законодательного собрания Тверской области (2007 г.). Наряду с Б.А. Ершовым является также основным соавтором книги «Улицы города Твери» (2006 г.). В 2005 году В.Б. Финкельштейна наградили за краеведческую и военно-патриотическую работу медалью «100 лет со дня рождения Маршала Советского Союза Г.К. Жукова».

Владимир Борисович принимал самое активное участие в организации и проведении всех Каргинских краеведческих чтений.

Это был настоящий и искренний патриот Тверской земли и всего тверского, чему он посвящал всё своё свободное время, непрерывно накапливая и обрабатывая информацию для новых книг и пособий. Свою «Летопись Твери» он значительно дополнил и переработал, готовя её к переизданию. Им подготовлены материалы для «Летописи Тверского края» в нескольких томах, проблема лишь в финансировании этого уникального проекта.

Владимир Борисович был весьма доброжелательным человеком, никто никогда не слышал от него плохого слова, всегда был компанейским, дружески настроенным к людям гражданином, преданным и верным товарищем.

Похоронили его 25 ноября 2013 года на Дмитрово-Черкасском кладбище рядом с родителями. Пришли проститься его родные – супруга Светлана Ивановна и сын Александр, от которых Владимир Борисович всю жизнь получал моральную поддержку в своей краеведческой деятельности, друзья и товарищи, коллеги – краеведы, с которыми он ездил по Тверскому краю в ознакомительных поездках и с которыми работал над книгами для тверичей.

Светлая и добрая ему память.

Друзья, товарищи и коллеги
оргкомитет Каргинских чтений

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Надеемся, что, уезжая из Твери, вы, уважаемые гости, увезёте с собой доброжелательные впечатления не только о работе собственно Каргинских чтений, её краеведческой секции, но и о нашем древнем, славном, гостеприимном городе. Надеемся также, что вы снова посетите Тверь в 2015 году и снова расскажите о своих результатах в исследованиях по химии полимеров, опять погуляете по нашему городу и впечатлитесь его обликом и доброжелательностью горожан.

Надеемся также, что земляки – участники и Каргинских чтений, и работы секции краеведения, – также унесут добрые впечатления от этих интересных мероприятий, ставших известными и авторитетными не только в Твери, но и за её пределами. Пожелаем землякам по-прежнему радушно встречать гостей, знакомиться с их докладами, а доклады на секции краеведения воспринимать с пользой для себя и своих друзей. Ожидаем, что в наш адрес поступят предложения по тематике новых докладов и сообщений к февралю – марту 2015 года, а также по «технологии» их реализации.

Каргинские чтения превратились в знаковое событие в жизни научного сообщества Твери и Тверской области. Оргкомитет и впредь будет предпринимать усилия по поддержке имиджа этих чтений не только среди специалистов.

*Оргкомитет Каргинских чтений
Март 2014 г.*

СОДЕРЖАНИЕ

К читателям.....	3
Анатолий Петрович Александров (<i>к 110-летию со дня рождения</i>)...	4
Кузьма Андрианович Андрианов (<i>110 лет</i>).....	11
Николай Сергеевич Ениколопов (<i>90 лет</i>).....	13
Виктор Александрович Кабанов (<i>80 лет</i>).....	16
Николай Альфредович Платэ (<i>80 лет</i>).....	19
Широко распространяет руки химия в дела свои человеческие. Памяти Вити Кабанова.....	22
Сорока Григорий Васильевич.....	37
Жизнь и творчество Спиридона Дрожжина: мифы и реальность (<i>к 165-летию со дня рождения поэта</i>).....	48
Тверские истоки науки и техники полупроводников.....	55
Педагог–математик Иван Козьмич Андронов.....	62
Ирина Ивановна Дьяконова (<i>к 100-летию со дня рождения</i>).....	67
Торжок – древнейший город Тверской области.....	72
К 775-летию битвы на реке Сить.....	79
Тверь и Орда.....	91
Самые древние города Тверской области: их основание, развитие, современное состояние.....	95
Славяно–русские рукописные книги XIV–XVI в хранилищах Тверской земли.....	103
Борис Штюрмер как символ деградации и краха Российской аристократии.....	108
По «Пушкинскому кольцу Верхневолжья». Экскурсионная поездка участников XX Каргинских чтений в 2013 году.....	127
Памяти Владимира Борисовича Финкельштейна.....	140
Послесловие.....	143